Между прошлым, что не повторится

Николай Шуман

Николай Шуман

Между прошлым, что не повторится

Минск
Издатель Р. М. Цимберов
2024

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Беи=Рус)-5
Ш 96

Шуман, Н. М.
Ш 96 Между прошлым, что не повторится / Николай Шуман. — Минск: Р. М. Цимберов, 2024. — 250 с.

ISBN- 978-985-7303-93-9

Книга погружает читателя в мир Николая Шумана, где каждый предмет, каждая сущность преобразуется в поэтическую фразу. Такой подход стирает само разделение на мир сакральный и повседневный. Буквально всё превращается в бессмертное слово. Творчество Шумана относится к Минской школе экзистенциализма.

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Беи=Рус)-5

ISBN- 978-985-7303-93-9

© Шуман А. Н., 2024
© Оформление: Издатель Цимберов Р. М., 2024

Содержание

Минская школа экзистенциализма 1
1 Начало 11
2 Имена 57
3 Работа 133
Предметный и именной указатель 241

МИНСКАЯ ШКОЛА ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА

У каждого города есть свой жизненный мир, уникальный и неповторимый. Свои особенные символы. Своя атмосфера. Минск — это город сокрытия, тайны, отсутствия. Он прячет свои исторические богатства. Один из важнейших его символов, хорошо знакомый минчанам, но мало известный гостям столицы — мемориал «Яма», расположенный на улице Мельникайте и посвящённый жертвам Холокоста. Это памятник отсутствию. Памятник зияющей пустоте. Памятник евреям, которых уже нет, хотя когда-то они составляли большинство горожан. Но это живое отсутствие, наполненное смыслами. Именно яма стала подлинным символом города, хотя символом тайным, о котором знают скорее местные. И они знают ещё сотню меньших «ям». Это сокрытое знание, только для посвящённых.

Метафора ямы хорошо позволяет понимать неисторичность Минска как древнего места. Вот улица Кропоткина. Когда-то здесь была еврейская школа, построенная в 1910 г., но в 1935 г. её закрыли. С 1980 г. в здании бывшей школы стала действовать синагога, единственная на тот момент в городе. Это был двухэтажный дом Дедушки, где всегда было много людей, чаще пожилых и говорящих друг с другом на идиш, а бабушки на кухне готовили кошерную еду. Но к 2003 г. дом Дедушки снесли, чтобы на его месте построить огромное современное здание, даже где-то помпезное, новой синагоги. Оно сейчас почти всё время пустует. И неудивительно, что оно расположено в своеобразной яме, вырытой специально для нового дома. В синагогу сейчас надо спускаться вниз. Отсутствие стало знаком присутствия, что в целом типично для Минска.

В городе много старинных улиц, но в подавляющем большинстве случаев названия их современные, и только посвящённые могут знать их прежние имена. Дореволюци-

онный город тайный, сокрытый. Его нужно изучать, как это сделали Захар и София Шибеко[1]. На улице Сухой стоит тихий деревенский дом, где до сих пор действует «Гістарычная майстэрня». Это старое здание не сразу можно отыскать. Но именно там изучают старинный Минск и можно послушать лекции о тайном. Когда-то там читал свои лекции для широкой аудитории Захар Шибеко, и даже я проводил какие-то занятия по истории.

Осознанное и неосознанное стирание истории Минска не позволяет сохранять имена его героев. У пересечения улиц Колоса и Некрасова в 1980-е гг. располагался Минский учебно-художественный комбинат (МУХК). Его директором был Иван Чухряев, родившийся в 1937 г. В Интернете его картин нет. Его биографии нет. И не известно, жив ли ещё. Но это один из самых замечательных художников Минска. Чем же он хорош? Он был директором МУХК. Это был рай для творческой молодёжи советского Минска. В то время подростки обязаны были посещать один день в неделю УПК — учебно-производственную практику. Обычно её проходили на заводах и учились быть рабочими с детства. А тут была возможность обучаться дизайну (и изобразительному искусству в целом) у художников вместо столярного или слесарного дела. И вот что удивительно МУХК, в итоге, стал очередной «ямой», сияющим отсутствием — информации о комбинате нет больше нигде кроме тёмных коридоров человеческой памяти. Живёт человек, организует чудесное место для творческих детей, а публичной памяти не осталось. Совсем.

Кажется, что публичная память Минска стесняется своей долгой и славной истории. В школе, где я учился, есть своя интернет-страница и там содержится летопись заведения, в которой среди главных достижений упоминаются исключительно инициативы 1980-х гг.: начало деятельности стрелкового клуба «Снайпер», где я научился неплохо стрелять; «Музей космонавтики», организованный учителем географии, который настойчиво пытался меня увлечь астрономией, космологией и ракетостроением, давая мне почитать какие-то тематические книги из своей домашней библиотеки, и т.д.

---

[1] Шибеко З. В., Шибеко С. Ф. Минск: Страницы жизни дореволюционного города. Минск: Полымя, 1990.

Среди наиболее почётных выпускников школы упоминаются воины-афганцы далёкого СССР, погибшие при выполнении своего «интернационального долга». Необычное застревание на периоде 40-летней давности. Время позднего СССР затормозилось. Летопись оказалась с ямами.

Минчане привыкли жить среди исторических ям, оврагов, разломов. Создаётся впечатление, что горожане живут на островах. И не только Минск, но и Беларусь в целом — это своеобразный архипелаг, где трудно достичь друг друга через десятки километров водных преград. Именно в образе архипелага видит Беларусь Валентин Акудович, беларуский философ, 1950-го г. рождения. Из этой метафоры вытекает его ключевой тезис: «Мяне няма» («Меня нет»)[2], который противоречит фундаментальному положению европейской философии: «Я есть», изречённому Рене Декартом. У Декарта мы наблюдаем торжество разума. От разума ничто не может укрыться или ускользнуть. Для меня нет ям и разломов. Из того, что я есть, следует разумность всего, включая разумность и прозрачность истории. Но Минск, как мы сказали, совсем другой. Разум бессилен для охвата этого города со всеми его ямами и зияющей пустотой.

Минск нельзя познать, его можно только прочувствовать. А в условиях разломов и разрывов город навязывает вынужденное молчание, потому что слово обречено остаться в яме. «Меня нет!». С одной стороны, вроде я как-то существую, но с другой, мои уста намертво запечатаны плитами, скрывающими очередной разлом, а значит, на самом деле, перед Богом, меня нет. А если у меня всё же есть что сказать? Как быть тогда? Тогда сохранение полноценной гармонии при говорении способно предстать настоящим вызовом. Ведь говорение может быть пустым и формальным, либо даже опасным для того, кто говорит среди ям и оврагов. Здесь мало разума. Тут должна быть особенная философия, экзистенциальная. Философия пророков, могущая прорываться из ямы любой глубины сквозь мраморные и гранитные плиты. Философия моей личной свободы и гармонии. Философия творящих слов.

---

[2] Акудовіч В. Мяне няма. Роздумы на руінах чалавека. Изда-тельство «Мяне няма», 2023.

Такая философия может быть только в стихах, которые создают вещи. Как известно, Всевышний сотворил мир Своими десятью реченьями. Это были особые стихи. Из хаоса и ям они произвели упорядоченный космос. И у Минска были и есть свои пророки, которые в стихах уже победили хаос и разломы архипелага. Это представители *Минской школы экзистенциализма*. Один из выдающихся поэтов этой школы — Николай Шуман (1940—2008). Для пророков нет и не может быть различения на мир повседневный (или профанный) и мир священный (или сакральный). Всё, абсолютно всё, должно быть переосмыслено через поэтические фразы. Каждый предмет, даже самый бытовой, должен ожить в стихах, получить их творящее дыхание. И тогда все причастные слову уподобятся библейским героям. Ведь для этих героев не было различия на профанное и сакральное. Даже любая повседневная мелочь в пространстве стихов становилась элементом священной истории. Вся вселенная, весь мир делался площадкой для сакрального представления. Стихи Николая Шумана — это способ оживить любую каждодневную ситуацию и превратить её в экзистенциальную философию. Это зов пророка поменять свой взгляд на всё окружающее. Увидеть во всём гармонию и смысл. Увидеть мир без ям, начав с самого себя.

В его поэзии нет пафоса, нет профессиональных поз, нет попыток выйти на широкую аудиторию, найти славу. Это не стихи того, кто зарабатывает себе на жизнь творчеством или хочет этого добиться. Это нестяжательное творение мира вокруг себя десятью реченьями. Всего лишь! Самый первый еврейский пророк, который однозначно был исторической личностью — это Амос (VIII в. до н.э.). В его время все пророки служили при дворце царя или при высотах и получали жалование. Это были профессиональные поэты. Амос же был обычным пастухом. Но именно его призвал Бог, чтобы через Амоса показать всем, как словом творится мир. Экзистенциальная поэзия не может быть за деньги, её нельзя услышать в больших залах. Но без этой поэзии нет предметов, они тогда пусты и безжизненны, с рытвинами и ямами.

Экзистенциальная поэзия способна жизнь каждого из нас превратить в Пятикнижие — в живую библейскую историю. В этот сборник вошли только три книги из Пятикни-

жия Николая Шумана: Начало (или Бытие), Имена (или Исход) и Работа (или Левит). Другие книги планируется опубликовать позже. В предлагаемых читателю данных трёх книгах любая повседневная ситуация преобразуется в поэтическую фразу и из этих фраз заново собирается весь мир, становясь преображённым и очищенным.

Стихи Шумана довольно близки суфийской поэзии на фарси. В них имеется такая же тайна – экзистенциальная философия раскрывается через особые поэтические слова, а не через абстрактные определения. Выдающийся иранист, Евгений Бертельс, одним из первых среди востоковедов обратил внимание на так называемые словари суфийских терминов. Дело в том, что в суфийской поэзии каждое слово имеет сугубо философский смысл. Так, имеется следующая, одна из базовых пар экзистенциальных терминов: «локоны» и «лицо». Казалось бы, они служат для описания обожания в любовной лирике. Но нет. Локоны или кудри — это мир отчуждения, мир мёртвой предметности, мир «онности» (от слова «он»): زلف غیبت هویت را گویند که کسرا بدان راه نیست («Локоном называют тайну онности, куда никому нет доступа»)[3]. Посмотрим как определяются кудри в другом поэтического словаре суфиев: «А когда упоминают локоны имеют в виду миры, истинного бытия не имеющие». А вот лицо — это чистый свет Всевышнего: رخ تجلیات محض را گویند («Лицом называют чистые эманации»)[4]. Из другого суфийского словаря: «А когда упоминают лицо, имеют в виду миры, имеющие истинное бытие». Как видим, «лицо» (رخ) — это ***paramārtha-satya*** или «окончательная реальность» буддийской философии, а «локоны» (زلف) — это ***saṁvṛti-satya*** или «относительная реальность». Как следствие, экзистенциальная философия раскрывается в поэтических фразах, вроде следующей: «Ночью мы проникли в твои кудри, как весенний ветер, кудри, извиваясь, сказали: Привет [тебе], дервиш!»[5] Здесь дуновение ветра — это откровение (إلهام), которое должно, в конечном итоге, раскрыть Лик сквозь спутанные волосы.

---

[3] Бертельс Е.Э. Избранные труды. Том 3. Суфизм и суфийская литература. Москва: Издательство восточной литературы, 1965. С. 113.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 121.

В поэзии Николая Шумана «время» и «слова» являются главной парой экзистенциальных противоположностей. Время бесстрастно. Оно всё губит: и любовь, и саму жизнь. Оно безразличное и пустое. Отчуждённое. Ему противостоят слова. Но это не обычные слова из нашей повседневности, а особенные, поэтические слова, которые очень сложно отыскать. Именно они — бессмертные, хоть и рождённые, поскольку наполнены экзистенциальным смыслом и творят весь предметный мир. Поэтому всесильное время оказывается не властно над словами. Мир Николая Шумана благодаря данным словам преобразован в вечный мир библейских героев своего собственного Пятикнижия. Выходит, что этот мир победил время через Пятикнижие — через путь пророка или суфия, наполненного рефлексией с отвержением всего пустого и мелочного.

Человеческая жизнь уподобляется в стихах цветку или снежинке. Эта жизнь мимолётна и обречена на скорую смерть, как ранимый цветок. Но поэтическое слово может одарить всё прекрасное бессмертием. Тем более, слово может наградить вечностью любого человека. Также как и у суфиев, дуновение ветра означает в стихах вдохновение или откровение, а глаза или лицо — стояние перед Всевышним. Вместе с тем, солнце или солнышко — это постоянное присутствие Всевышнего в нашей жизни.

Поэзия Николая Шумана призвана показать как стихи помогают найти гармонию и устранить любые ямы и овраги. Это подлинная поэзия Минска.

Андрей Николаевич Шуман. Минск, 25 мая 2024г.

בראשית
מינסק

תולדות אהרן כ״ה מלכים. פרשה מט. ר״ח לב. מגילה כח: ב״ק עה. וסמך. פרשה יב.
ממיר לב. יומא. בפרשה שכבים מט: ויקהל. פרשה יב. ממיר לב. ויקל.
יומא נה: פרשה יב ב״ק עה: ויקהל. סוטה ב מגילה ל: שאר פרשה ממיר

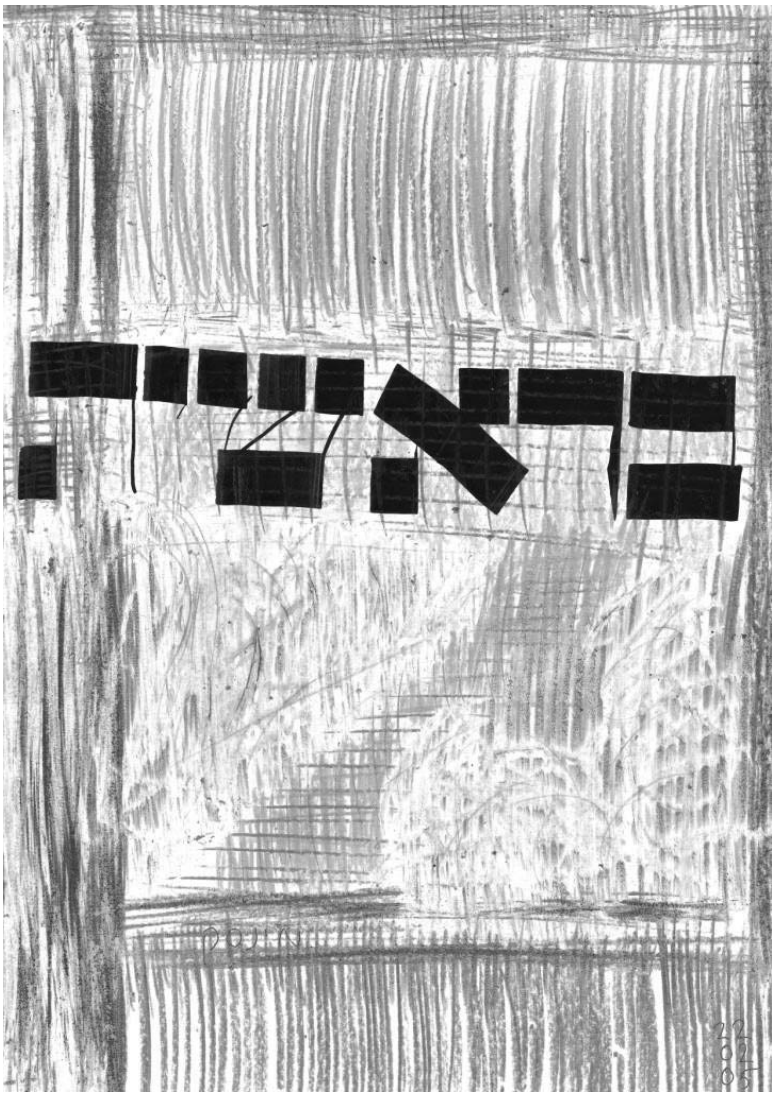
ס״ת פרש. היתה מלאים לח מאור כי טוב ויבדל. מסלק שלח מהרכין על סור עד שיתוקו לאורו. כתוכן ויבדל מבדילין כשהם כתוקפו שכשהוא רש״י

(ב) בראשית ממר רבי יצחק לא היה צריך להתחיל א
אלא מהכתוב הזה מהחדש הזה לכם שהיא
מצוה לשנותה שנצטוו ישראל ב ומה טעם פתח ג בבראשית
משום (תהלים קי״א) כח מעשיו הגיד לעמו לתת להם
נחלת גוים שאם יתאמרו אומות העולם לישראל ליטרוף אתם
שכבשתם ארצות שבעה גוים הם אומרים להם כל התרץ של
הקב״ה היא הוא ברצונו ונתנה לכם יפר בעיניו ונלוונו
נתנה להם וכלוונו נעלה מהם ונתנה לנו: בראשית ברא.
אין המקרא הזה אומר אלא ד דרשוני מ״ז מז״ל בשביל
התורה שנקראת (משלי ח) ראשית דרכו ובשביל ישיקיים
שנקראו ישראל (ירמיה ב) ראשית תבואתה ואם נאת לפרשה ה
כשהוקו כך פרשה בראשי״ת ברישא שמי׳ ואר׳ והארץ היתה׳
תוהו וכוי וחושך ואחר אלהים יהי אור. ואין בה המקרא
להורות שכך הסניפה לומר שאלו קדמו שאם בא להוריות
כך היה לו לכתוב בראשונה כלא את השמים וגו׳ שאין לך
דבר במקרא שאינו דצוק למיצה שנאחריו כמו בראשית
ממלכת יהויקים. ראשית ממלכתו. ראשית דגנך תף כאן
אתה אומר בראשי״ת ברא אלהים את השמי׳ וגו׳ כאן בראשי׳
ברוח ו ודומה לו אחלת דבר ס׳ כהושע ז בלומר מחלת
דבורו של הקב״ה בהושע ואחר ס׳ אל הושע וגו׳. וא״ת
להורות בא שאלו מחלה שברחו ח ושירבוהו ברישית כל
בית אלו ויש לך מקראות שמקדימים לשהם ומאחרים
מיכה אחת כמה כי לא הגר אלמי בעני ולא פירש מי
טוב ואין נאה לו ולאשר שיהיו משתמשין בערבוביא ס

הסוגר וכאן ישב את מיל למשך ולא פירש מי ישמעו וכאן
אם יזכרוהו בבקריו ולא פירש אם יזכרוהו אלא בשקריו
וכאן מגיד מרחשים אחרים ולא פירש מגיד מרחשים דבר
אחרים דבר, אם כן תמה על עצמך שהרי המים קדמו שהרי
כתיב ורוח אלהים מרחפת על פני המים, ועדיין לא גילה
המקרא כשידור הקודמים והמאוחרים כלום כריית המים
ממי היתה ט הא למדת שקדמו המים למקן.
ועוד שהמים מתם ומתים נבראו על כרחך לא לימד
המקרא בקדר המוקדמים והמאוחרים כלום: ברא
אלהים. ולא אמר כלא י ה׳ שהמחלה עלה ממחשבה
לבריאתו במדת הדין ולפי שאין העולם מתקיים והקדים
מדת רחמים ושתפה למדת הדין. ויהיו לכתיב כיום
עשות ה׳ אלהים ארץ ושמים: (ג) ותהו ובהו. תהו לי
תמה ושממון שלמד תוהה ומשתומם על שהוא שבשה: תהו.
משתוללי״ש בלע״ז: בהו. כ לשון ריקות ולפי (מלי״ם):
על פני תהומם. ל על פני המים שעל האדץ: ורוח
אלהים מרחפת. כשלא הכבוד שוהד בשיר ומרחף על
פני המים ברוח פיו של הקב״ה מ ומשמעו כיוצא
המרחפת על הקן לקוננ״ך בלע״ז: (ד) וירא אלהים
את האור כי טוב ויבדל. אף זאת אין נרשין לדבר
מגנזי נ ראשון שאינו כדאי להשתמש בו ראשים הכבדלו
לצדיקים לעתיד לבא. ולפי פשוטו כך פרשתו ראה מי
טוב ואין נאה לו ולמשך שיהיו משתמשין בערבוביא ס

עיקר שפתי חכמים

בראשית א דאת התורה לא ניתנה לישראל אלא כשבאו שיקיימו אותן ז״ב כל מי שמורי דברים למיתר
הוא: ב כי מילה ונוי הוגה לא מצוה בשם אלא יחידים ואינה נמשכת מכלל מצוותיו: ג בלשון ניתוחא ומיקח הוא: ד
דלפי פשוטו משמע שבא להורות סדר הבריאה וזה אינו כמ״ש רש״י בסמוך שאין לך דקדוק וכו׳:
ה ר״ל שיכול בראשית הלא מצוה בראשונה ולא שנאמר בראשונה אם כלילו נמחק בראשית:
ו דבראשית נברא כמו בחחלה בריאתה וכו׳ ואחרון היתה תוהו וכוהו ואומר אל אור וכל העניין מוסב על ויאמר
אלהים: ז וכמו שמוסב אם על ויאמר ה׳ כן מוסב כאן על ויאמר אלהים: ח ודקשיא לך שאין לך דקדוק שאינו דבוק
יא לומר שהוא דבוק למלת אלהים: ט ת״ח קשה למה לא תפרש נמי בראשית ברא אלהים שמים: י פי׳ שהיה לו לומר ב״ר ה׳ כמו שאומר
יום ששת אלהים וגו׳: כ ר״ל ריקות הוא לשון מרחי ומדיוטא הם לשון ריקן: ל ר״ל היה לו
לומר על תהוא מפי פי שלא נלקה על המים שהם קדמו לו ומתרפאת קלי על מלמדנו ויהוא פיו של הקב״ה:
נ לפי פשוטו של מקרא משמע דבתחלה היו מעורבין יחד דהא בכלילם חה ס״ת דאור ותושך היו נלקו קצין והעבר ת״ח
מיכאים יחד בעת. מן התחתים: ס ר״ל בתחילה זו יש אור ובמחילה זו יש תושך או יום ולילה ות״ח יהיה פי׳ ויבדל בבליל
אמצע


בראשית

1 Начало

Путь в поэзию. Шаг первый

Первый шаг в Литобъединение. Каков он? И сколько ещё их будет? — О, вопросов много, а ответа пока нет.

Но начало есть. Третий этаж. У окна человек пять, увлечённых разговором. Приветствие еле заметили. А вот на вопрос: «Вы что, и есть члены Литобъединения?» — ответили более живо. А когда последовало: «Что, поэты все здесь, любители?» и дальше просьба просмотреть какую-то рукопись, то расположение было окончательно оформлено.

Первым знакомым оказался Миркин, высокий брюнет с большими глазами, который несколько печатался в «Во славу Родины» — там же, где и я пробовал силы свои. Узнал я и то, что прошлый раз он впервые посетил Литобъединение и зачитал там восемь своих стихов. Оценка довольно положительная, первоначальная, вскоре сменилась ураганом критических замечаний и общим приговором: «Работайте, работайте. У Вас уже много есть, что и ничего, но недостаточно». У меня дрожь от этого. А вдруг мне придётся читать? Что я преподнесу этим критикам, истязающим друг друга ради любви к поэзии, ради крупицы истины и ради своего роста в поэтическом отношении? А багаж то мой! Фу! Ни одного серьёзного. Так, альбомные зарисовки друзьям, да знакомым, да несколько мелодраматических любовных рифмовок. Нет, их представлять на суд новых знакомых нельзя. Нет, нет!

А вот и консультант — Пётр Иванович Волкодаев, коренастый, с острым взглядом из-под нахмуренных бровей, с паутинкой седины на висках, очень подвижный и какой-то уж очень энергичный с первого взгляда.

В небольшой комнате, отысканной вскоре Петром Ивановичем, с трудом разместились на принесённых стульях. И начали.

Слово Анатолию Соколову, капитану-танкисту, прибывшему сегодня из Борисова. С ним знакомы по напечатанному в «Знаменке» стихотворению «Россияне», которое все высоко оценили. Остроносый и какой-то смущающийся, он начал. Прочитал с десяток. Заключения были почти одинаковы: Неплохо. Очень идейно. Темы выбраны удачно. Но

нет внутренней связи иногда. Бывает, что начало живёт самостоятельно от заключительной части. Наблюдается и лобовое решение некоторых вопросов, вместо поэтических. Стихотворение «Антимир» делано по шаблону и без собственного нового решения. Неудачное. Иногда концовки малоэффектные. Мало поэтичности. Воспринимаются не чувствами, а разумом в большей степени. Надо строже относиться к собственному рукоделию.

Зачитывает свою «Ученическую тетрадку» Лёня Дейнеко. Плотный, русоголовый с виду очень флегматичен, с широкими прозрачными бровями, грубо-ленивым голосом начинает свои стихи. Стихи увлекают всех. Слушаются легко. Словно впитываются. И чувствуешь: писались они тоже легко, без напряжения, без выискивания строчек. Особенно понравились они соседке Люде Гончаровой (недавно подборка её стихов была в «Знамя Юности»). То и дело восхищалась она: «Вот это талант. Читает, и представляешь всё».

Да, с этим можно согласиться.

Одним были зачитаны около четырех стихотворений. И все они всем не понравились. Наивны слишком. Зарифмованные, не связанные друг с другом строчки. Трудно понять — О чём они? Это пока не стихи! — приговор был единодушным.

Стихи Феликса (молоденького парнишки) понравились своей концовкой. Но в целом и критически, хотя и доброжелательно прошлись по нём.

Вдруг из-за порога (открыта дверь) несётся: «Чушь это, а не стихи. Детский лепет. Зачем такие нужны? Неужели нельзя понять это? А вы, вы ещё выискиваете в них чего-то хорошее. Сказали бы прямо: Плохие они и точка». Это Халитов (старый член Литобъединения).

Против его резкости и односторонности запротестовали все. А Пётр Иванович сказал: «Слушай, представь, что тебе это бы говорили на первых порах, когда ты к нам приходил. И вряд ли бы ты стал тем, что есть. Не по лбу бить надо за слабые стихи, а указать слабое место и сильное показать. И надо ещё: терпимость, доброжелательность и мягкость».

Дружок Халитова бросил реплику:

— Да, Халитов больше всех за поэзию болеет. Он же хочет как лучше.

— А мы что, не болеем за неё? — вскочил парень, немолодой, в очках, — Да мы может больше его болеем. Ну, разве допустима такая форма критики? Нет и нет!

Гончарова тут же предложила, что такие споры, в общем, полезны — на отвлечённые темы. И чаще они надо.

Зачитывала стих и юная девушка. Подверглась критике за туманность. Этот же стих поправил (откорректировал по своему усмотрению) Алехнович Володя. Но девушке его правка не понравилась. Она заявила: «Он звучит уже не так, как мне хотелось. Я его не чувствую теперь. Он стал не моим».

Итоги: Правильно она говорит, но надо отдать должное, что правка оказалась хорошей. Она улучшила стих.

… После вечера врезалось «общее требование» к стихам: Хорошая тема, социальные вопросы, идейное звучание, хорошая эффектная концовка. Краткость и связь внутренняя. И поэтичности побольше.

18 февраля 1966г.

Шаг второй

В тесной комнатушке с трудом расселись и начали вновь обсуждение. Начали с Борисовского, приезжего Сергея … Стихи приняты благосклонно, но и не без массы критики. Во многих стихах маленькая мысль растянута многими строчками и выглядит, поэтому, стих худосочным, тощим, без веса своего. Дунет минута времени после прочтения его и он улетучивается. И ничего с него не остаётся в памяти. Но всё же стихи искренние, зрелые, чувствуется, что писались они «налету». И требуется доработка. Из одного стиха признали только одну строку: «Как пот из выжатой рубахи». Порекомендовали с этой строкой сделать новый стих. На этом знакомство с будущим юристом окончилось.

Паузу вскоре нарушил Анатолий, уже не молодой, полысевший и невыдержанный товарищ.

— Ну, вы мои стихи будете разбирать или нет? — бесцеремонно и требовательно он уставился на Петра Ивановича.

— Что, есть что почитать?

— Конечно. И у вас уже штук 12 собралось. А вы никак не разберёте их. И прошу разобрать детально, конкретно

указав ошибки. Не отговорками, да общими фразами критиковать, а сказать одно: Да или нет.

— Во-первых, немножко тон ниже. Во-вторых, мы согласны и выслушать вас. Начинайте.

Чтение началось. О бутоне цветов, срезанных ножом («чья же мерзкая рука оборвала жизнь цветка, глупого бездушья яд — уничтожил аромат?»).

Критике подвергся сходу стих. Тут и несогласие: «А что если цветок даже не срезала рука, а сорвала — сорвала грубо рука парня, преподносящего потом нежно и искренне девушке? Разве есть здесь бездушность? Стоит ли вздыхать о цветке, жизнь которого оборвалась? Нет! Даже наоборот: Цветок, доставивший радость девушке, свою миссию выполнил. Сослужил свою роль. Чего же больше тут?»

Халитов обрушился на слова «глупого бездушья яд», доказывая, что бездушие не глупое, а умное. Не прав, пожалуй, он. Бездушие, скорее всего, хитрое, коварное и подлое.

Зачитаны ещё три стиха Анатолием. И каждый раскритикован. За множество словесных архаизмов, за старомодный стиль, за неясность мысли. Моё мнение было подобным же: Попахивает прошлым веком от этих стихов. Их обсуждать не нам бы, а нашим дедушкам, которым всё это ближе. Никому не понравились стихи.

Анатолий, всё время кривляющийся, неестественно и иронически хохоча, после некоторых, не особо выразительных критических замечаний, всё спрашивал:

— Ага, плохие значит?

— Плохие.

И он, подняв высоко голову, с превосходством и злорадством во взгляде, кривой, ядовитой улыбкой вдруг заговорщически не спеша, смакуя каждое слово и тихо, чтобы выразительнее была слушающая аудитория, обратился к окружающим его:

— А вы знаете, кого вы критиковали? — Нет, конечно!

Все поглощены неловким молчанием, не зная, к чему он клонит. Однако слушают.

— Мне сейчас понятно ваше отношение ко мне. Вы просто считаете всё моё плохим, потому что моё оно. Так знайте же, — повышая голос, будто читая приговор, продолжает он, — вы, вы критиковали… Александра Блока. Да, да!

О, какое гнетущее, зловещее молчание установилось. Словно образовалось вакуумное пространство в тесной комнате, которая готова, не выдержав внешнего давления, в один миг сплющиться. И как будто это вот-вот произойдёт.

Нередко бывает, случайно свершишь сверхглупость, когда хоть сквозь землю проваливайся. Так и теперь. Всем стало стыдно за одно только своё присутствие. Уж такой выходки ждать никто не мог.

Ну вот словно маленький камушек, скатившийся с вершины горы, увлекает массу подобных себе, сопровождая всё это усиливающимся гулом, превращающимся в грохот обвала, — так и сейчас в комнате почти одновременно вскоре начали возмущаться, каждый по-своему, этой дикой выходке.

— Не уважает нас, то и не допускать его сюда в Литобъединение. Это же предательство. Это просто свинство.

Халитов высказался:

— Насчёт того, что мы критиковали эти стихи Блока, то я эти критические слова и Блоку сказал бы. Мы знаем Блока настоящего, с крепко скроенными стихами, а это его наиболее неудачные стихи, которые не лишены недостатков.

Негодование Петра Ивановича было выше всех. И законно. Заниматься шантажом коллектива — это сверх всякого.

И когда Анатолий, довольно спокойно выслушивающий поток возмущений, попросил вдруг:

— Разрешите, я зачитаю теперь свои стихи?

Ему не могли разрешить.

В заключение Петр Иванович представил журналиста по специальности, Каминского — невысокого симпатичного черноволосого паренька, недавно вернувшегося с Сибири, где он год был после окончания БГУ.

Читал он всё по памяти. Хорошо, с интонацией, паузами. Начал с баллады «О злых» — о бездушном отношении к собаке (суке) — чем-то перекликается оно с Есениным. Кончил сибирскими стихами и отрывком с поэмы своей.

Слушалось всё хорошо, приятно. Обольщала форма стиха, изящество и техника выполнения. Здесь он чувствуется мастером стихосложения. Однако, как заметил Алехнович, они не от жизни, а от книжных истин пришли. Надо начинающим поэтам больше внимания уделять смыслу стиха, и меньше — технике его.

Всё же нельзя отнять образности стихов, метких сравнений, звучных, народных слов. Хорош был и прочитанный белый стих «Осколки солнца».

Отрывок из поэмы подвергнут критике за негражданское звучание, за отсутствие в характере главного героя — тёти Дуси — черт самоустановления в жизни, за то, что она не смогла своим трудом заслужить уважение у парнишки, у которого она была сменщицей. За противоречивость в повествовании. Недостаток и в растягивании малой мысли на большой остов стиха.

Сергей высказал идею, что не надо объяснять понятное другими, более сложными словами. Это только запутывает мысль.

Надо чаще создавать также образные фразы, которые могли бы зрительно преподнести ту или иную мысль.

— Вот когда начнёте печататься, да заниматься многочисленными правками — тогда узнаете более отчётливо свои ошибки, — заключил Алехнович.

19 февраля 1966г.

— До сих пор я вам читал стихи выдающегося поэта Павла Когана, а теперь послушайте мои…

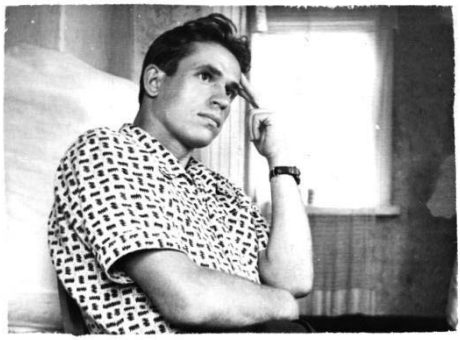
****

Вас мне до чёртиков
Хочется видеть.
На встречу согласия
Я не спрашивал.

Но всё же, сердца,
Для меня отворитесь!
Чтобы в вас я свободно
Расхаживал.

Пусть вас много,
Горячих и бьющихся,
Пусть не схожи вы,
Неодинаковы.

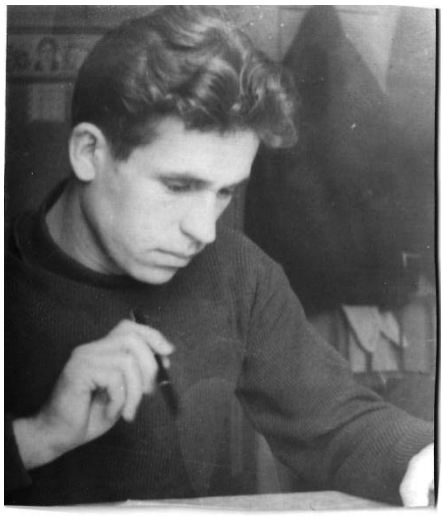
Обновились вы
Несколько пусть ещё —
Для меня же
Близки так, однако, вы.
Разрываю минут я
Сплетение
И сквозь метры иду
Многоликие —



Слишком сильно
Сердец тяготение
И желание встречи
Великое.

Я пришёл с багажом
Своим маленьким —
В нём лишь несколько
Строчек обыденных.

Пусть они, раскачавшись,
Как маятник,
Вам нарушат покой
Непредвиденно.



Время, время,
Куда-то торопится
И спешит
В темноту неизвестную.

Так безжалостно
К людям относится,
Дружбу губит
Ещё неокрепшую.

Стой, мгновение,
Будь повнимательней.
В жизнь вглядясь,
Не смыкай только век.

Ты увидишь тогда,
Верю я, обязательно,
Чем живёт,
Дышит чем человек.

***

В истине нет прикрас.
Она, не считаясь с нами,
Проходит, касаясь нас
Утверждающими шагами.

Что ей до наших забот,
До мелочей, до неурядиц?
Что ей, что кто-то живёт,
Но с сердцем своим не ладит?

***

Одиночество — как пластырь
Для душевных ран.
Жаль, конечно, но несчастье
Не разделишь пополам.

Не раздашь друзьям, знакомым,
И не выбросишь в окно.
Со своим, глотая стоны,
Я привыкла жить давно.

Раз боль в душе ничем не облегчить
(Что лечит время — просто ерунда),
Так надо, вероятно, просто жить,
Какая б не стряслась с тобой беда.

***

Не хочу ничего, не прошу ни о чём,
И усталость меня обвивает плющом.
Мне на всё наплевать: на промозглую боль,
На усталость души, на друзей, на любовь.

И почти всё равно, умереть или жить, —
Этот мир не спасти, даже если любить.

***

Треплет рукою уверенной
Длинные волосы ветер …
Зря я, пожалуй, поверила,
Что мне другого не встретить.

Веточка дикой сливы
Нежно задела губы…
Зря я, наверно, решила,
Будто счастливой не буду.

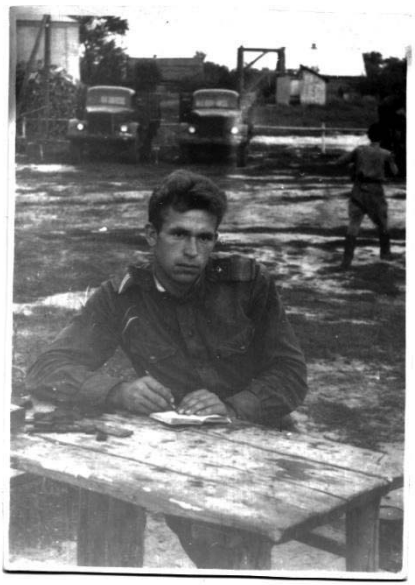
Режет прохладой металла
Босые ноги трава…
Зря я, конечно, считала,
Будто в тебя влюблена.

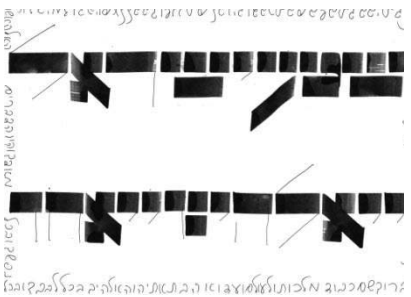
***

Я цветы обожаю.
О них говорю с умилением:
Цвет один — это
Целого мира строение,

Мира нежности,
Мира любви и волнения.
И непонятного даже
Порой вдохновения.

Вы вдыхали, наверное,
Запах цветущей сирени?
Неповторим, как любовь,
Аромат тот весенний;





В нём есть солнце на всходе,
И встречного ветра,
И даже Вселенной.
И мечты есть немного:

Крылатой, простой,
Дерзновенной.
В этих милых цветах —
Голубых, белых, синих, лиловых,

Для влюблённых —
Кладо́вая счастья
В своих непорочных основах.
Всё здесь чисто,

Прозрачно, как росы,
И ново —
Где цветы,
Там влюблённым, конечно,

Не нужно ни слова.
Если только цветы
Станут каждого сердца
Частицей,

То улыбки, глаза
Будут солнцем весенним
Светиться.
Будет счастье, как море,

Искриться в приветливых
Лицах.
Только надо цветы,
И тогда счастье к вам
Постучится.

***

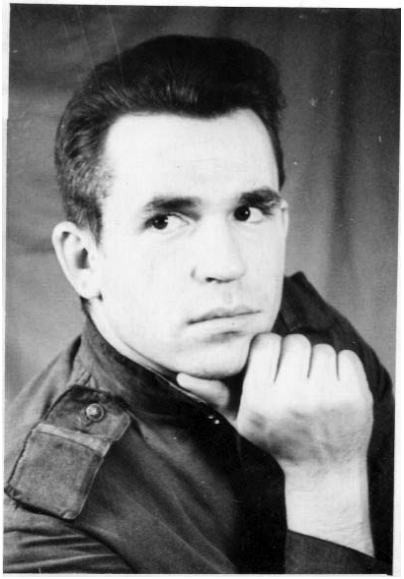
Записка, вложенная в букет полевых цветов была краткой и трогательной: кому — известно, от кого — ясно, для чего — понятно.

***

Сколько встреч
Мимолётных
Сквозь жизнь нашу
Нитью проходит!

Это здорово очень,
Что люди встречаются часто.
В этих встречах
Всегда они

Доброго много находят,
Избавляясь всегда
От ненужного
В жизни балласта.



Очень много терпения
Нам всё же нужно порою.
И внимания много
Своих, чуть прищуренных глаз.

Если ты подойдёшь
К человеку
С открытой душою,
Руку дружбы подаст он,

И сердце тебе он отдаст.
Но случается…
Что не случается в жизни!
В глотки нужно вгрызаться —

Бывает нередко такое:
Здесь не трусь, не жалей,
Здесь и прятаться даже не мысли,
Слабостей жизнь не прощает,
И совесть не даст ведь покоя.

Путь по жизни не лёгкий.
А лёгких путей не бывало,
Но сердце пусть знает
Один немудрёный совет,
Что плохо бывает,
Когда в нас жёсткости мало,
Но хуже бывает,
Когда человечности нет!

Ни мало, ни много,
А дел впереди у нас — тыщи.
Однако же нам
Снисходительных вовсе

Не нужно опек.
Своё счастье в труде
И борьбе, и любви
Ты отыщешь.

Знай, запомни:
Ты прежде всего —
Человек!
май-июнь 1964г.

****

Вечер прохладою тихо струится
По улицам и площадям.
И очень легко в такой вечер влюбиться —
Приходит сама любовь к нам.

Сегодня суббота и увольненье
Солдат получает опять.
С девчонкою встретится он без сомненья.
Ей многое надо сказать.

Уж так получилось, улыбкою милой
Она наградила его,
И счастье, как будто, в душу обронила,
Но он не сказал ничего.

Душу́ его часто пронизывал трепет,
Когда вспоминал он тайком,
Глаза те, что цвета весеннего неба,
А с ними он мало знаком.

Сегодня опять подойдёт к ней неловко,
Её приглашая на вальс,
О, если бы девушка поняла только,
Что в сердце у парня сейчас.

Зачем он молчит, не роняет ни слова,
Неужто нельзя быть смелей?
Слова, что старательно так он готовил,
Другой раз расскажет их ей.

Над парком опять загораются звёзды,
Смеются они в вышине.
Он знает: признаться девчонке не поздно,
Пусть трудно, но можно вполне.

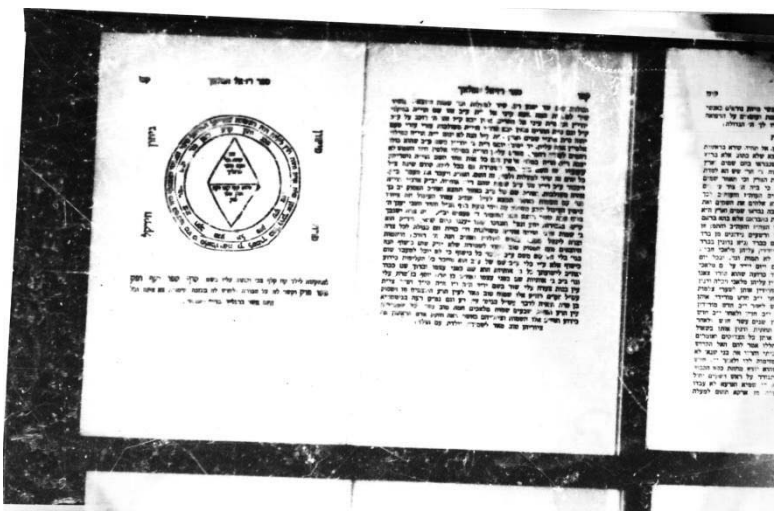
И сердце солдата опять размечталось,
И сердце ничем не унять,
Он знает, что раньше сказать не удалось,
Он сможет сегодня сказать.

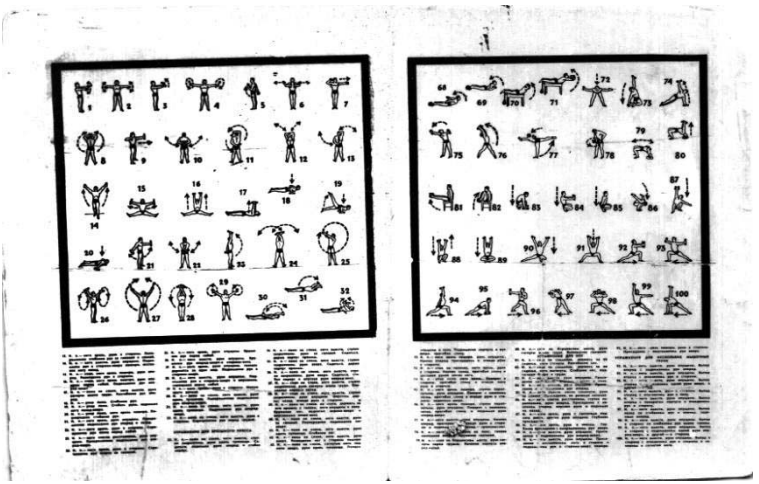
11 июля 1964г.

Зал торжественно аплодировал,
Поздравленьями живший зал.
В зале вечер в рядах лавировал
И в горячих руках дрожал.
Скупо строчки приказа брякают,
В каждом слове сквозит металл,
Растворенными буквами капают,
На зачитанных, прямо в зал.
-С рядового состава выбыли
И признаться должны - не зря!
Это тридцать процентов прибыли
К ежемесячным трем рублям.

Это имеем первым, рассчитали
Обволакивает вас почет,
И уважение, не расплывчатое,
Нерасплесканным к вам течет.
Даже форма, и та - красивее
-На погонах нашивки есть!
Взгляд солидней теперь, счастливее
-Преимуществ теперь не счесть...
Вы вживайтесь в мое сознание,
Пойте, пойте, слезливые флейты
О воинском новом звании,
Звучащем так нежно: ефрейтор.

6.11.64г.
Бобруйск

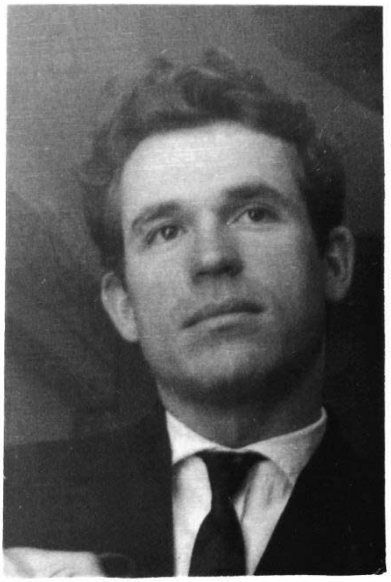




Мечты

Осень, осень.
На улице тихий дождь,
Прошу тебя очень, очень:
Зайди долгожданный гость.

Придёшь, постучишь, возможно:
— Тук-тук.
Я сама подойду осторожно
На этот стук.



Дверь открою тебе с улыбкой:
— Заходи, заходи.
Ах, как сердце забилось зыбко
В моей груди.

— Здравствуй, здравствуй, —
Поспешу я тебе сказать.
День осенний, со мною празднуй,
Помоги повстречать.

Вот и счастье ко мне вернулось,
Моя любовь.
Ох, как трудно связать, волнуясь,
И пару слов.

Ты глазами чуть улыбнулся,
Бросил взгляд…
Наконец-то ко мне вернулся
Мой солдат.

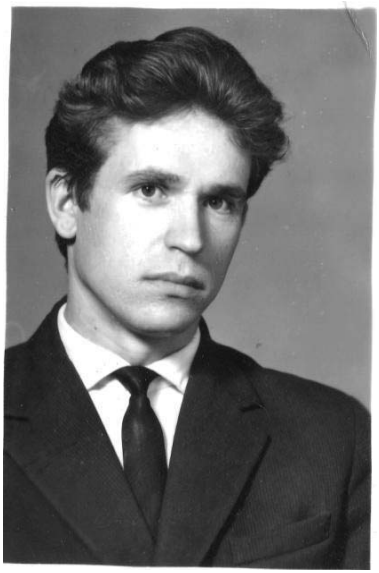
Осень, осень,
Листья падают шелестя.
Разве можем мечтать мы бросить
Под шум дождя?
18 сентября 1964г.

МЕЧТУ ИМЕЮ…

Осень. Яблоки созрели.
Бабье лето. Благодать.
Время, чтоб всерьёз, на деле,
О возвышенном мечтать.

Жаль, порой надежды тают.
Грусть в том кроется своя.
И как гуси улетают
Спешно в тёплые края.

Значит с тою вместе надо
Прогуляться по лугу,
На Неё, что с нежным взглядом,
Наглядеться не смогу.



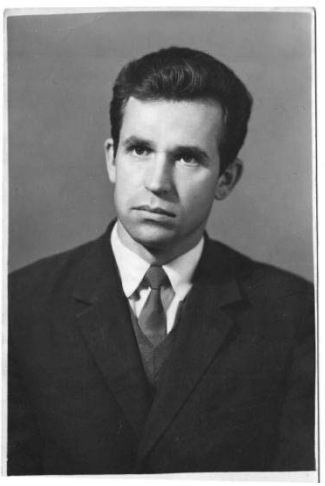
Глазки, губки, да улыбка…
Совершенство. Не забыть.
С милой самой, стройной, гибкой,
Есть желанье рядом быть.

Хороша, ну словно сказка…
Тут фантазиям простор.
Одарить бы нежной лаской,
Чувства чтоб лавиной с гор.

Пусть несутся, всё сметая,
Под оправданный ответ:
— Только ты одна такая,
Где желаньям счёта нет…

Правду, всё ж, скрывать не смею,
Разрешенья не спрося,
Лишь одну мечту имею:
— Съесть бы с яблоком гуся!
23 февраля 1995г.

****



Округлость слов, округлость фраз.
Они всегда бальзам для нас.
И словно камушки речные
Неспешно катятся по дну.
Никто не любит слов колючих.
Но попадет в слов западню —
Утонет в водорослях вьючных.

****

О, как мечта моя непостоянна!
Ведёт она, ведёт куда-то вдаль;
То к новому стремится неустанно,
То с прошлым ей расстаться очень жаль.

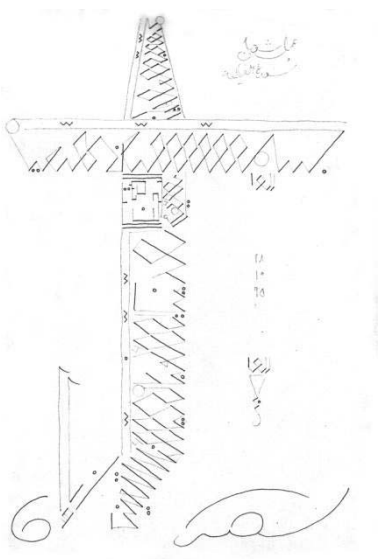
Воображенье чем не занимает,
На всех словах лежит её печать;
Писать пустое мне не запрещает,
А я хотел бы дельное писать.

Мне век бы жить с напутственною мыслью,
Что это очень труд большой — творить!
Слова, лишь что пропитанные жизнью,
В сердцах людских имеют право быть.

23 июля 1964г.

****

Стихотворение не должно преподносить и утверждать истину: оно должно указывать путь к ней.



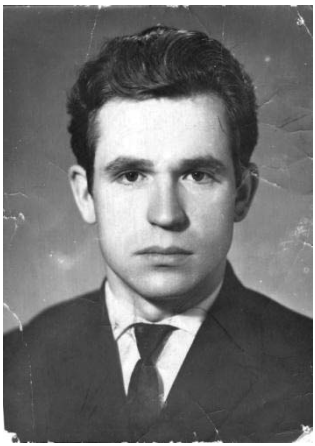
О СОЧУВСТВИИ

Не надо, не надо сочувствия,
Не надо мне Ах и Ох —
Самому всё надо прочувствовать
Без жалких и лживых слов.

Зачем же вот так снисходительно
Похлопывать по плечу?
Простите, но я, убедительно,
Замолчать вас просить хочу.

Отвечать вам желаю временем:
Годы — это хороший срок;
Испытанья пройду уверенно,
Если буду к себе жесток.

Только хлюпикам жизнь неподатлива,
Бесконечно для них сложна,
Но откуда же мнение взятое,
Что такая мне не нужна?



Дней тяжёлых немало прожито.
А осталось: совсем пустяк;
По тропинке известной, хоженой
Дошагать разве трудно так?

Где бы ни был я, делом, словом ли,
Постараюсь привить черты,
Чтобы смог я, в любых условиях,
Быть достойным своей мечты.

1 августа 1964г.

Гадание

Белая ромашка в придорожной пы́ли
Вам судьбу предскажет — только пожелай.
Девушки гаданье это не забыли.
Ты, ромашка, счастье им пообещай.

Срывают руки тонкий стебелёк …
Девчонка никогда гаданье не забудет —
Дрожит в руке последний лепесток
И на него приходится «не любит».

****

Для чего живешь? — очень неверный вопрос. Живёшь лишь по одной причине — потому, что родился. Это не зависит от человека. А вот как живёшь, чем обрадовал окружающих тебя людей — это основное. Подменять второй вопрос первым очень нелепо.

Страшный сон

— Не магу на работу, бо в грудзях пячэть, аж дыхаць ня можна, да я и аслабожден ат работы.

На лице красноречиво был написан ответ. Широко открытые глаза блуждали еле заметно по противоположной стене, а губы, окаймляющие небольшой полуоткрытый рот, всё время шевелились. Даже лоб покрылся большой, тёмной, глубокой бороздой. Он думал, упорно думал, точно в уме интегрировал сложнейшую функцию, ответ которой был совсем рядом, но для окончательного его улавливания необ-

ходимо было поймать, поглотить именно ту маленькую частицу, которая является последней в преодолении этого оставшегося маленького шага, который один может увенчать ответ на этот вопрос. Казалась, ещё мгновение, и он, всё так же глядя перед собой, скажет те немногочисленные слова, которые надо сказать, чтобы ответить на вопрос:

— Какой основной принцип при социализме?

С такой же сосредоточенностью и мнимым умственным напряжением он сел, продолжая с минуту всё так же шевелить губами. Проснувшись, Анатолий посмотрел на часы. В полумраке слабо освещенной казармы, заспанными и слипающимися глазами он смутно, как через пелену тумана, увидел неясные очертания тёмных стрелок, показывающих около 04:00 ночи. С таким же ленивым и сонным движением он опустил приподнятую отяжелевшую голову, утопая в бесконечных обрывках перепутанных мыслей, скрывающихся всё быстрее в какой-то далёкий расплывчатый горизонт. В сознании почти усыплённом, на мгновение вспыхнула словно в ночной темноте из-за крутого поворота фара одинокой, опаздывающей машины, такая же одинокая мысль:

— Только бы не сегодня была тревога. Так хочется, так хочется спать.

Блаженная теплота мягкой, уютной постели разливалась по ослабленному телу. Дремота окутала Анатолия невидимыми цепкими щупальцами и он уснул. Мирно отстукивают часы минуты, под невидимым наблюдением неподвижных голубоватых теней, приближая острие стрелки к цифре, способной в одно мгновение вызвать к дикой пляске эти притаившиеся ночные призраки. «Подъём!» — По обыкновению произносит первым старшина своим мощным хриплым голосом. И тут, как петухи по утренней зорке, подхватывают команду сержанты. Эта многоголосная перекличка повторяется несколько минут, пока разбуженные внешне солдаты всё ещё продолжают находиться в полудрёмном состоянии.

Перед глазами плывут и плывут какие-то виденные уже и немножко обновлённые картины, то знакомые студенческие лица, то примятая трава на берегу тихо бегущей речки с мягким, еле уловимым ароматом, как воздух вечернего мая, то фотографии, превращающиеся в живые лица. И вдруг всё это растаяло, как дым при набежавшем порыве ветра.

— Тре-во-га!

Это настолько было оглушительно и неожиданно, что мягкая, пружинистая кровать, казалось, сама выбросила его.

— Быстрее-быстрее. Где автомат? Ах, чёрт! Не вижу номер. Да постой, постой. Ох, как темно! Наконец-то, вот он. Теперь бежать, бежать.

Всё тело покрылось мелкой противной дрожью. Так дрожит перегревшийся радиатор машины. И сердце бешенно колотилось, сжимаясь и разжимаясь. Анатолий открыл глаза и провёл дрожащей рукой по мокрому лбу, покрывшемуся испариной.

— А ты чего потягиваешься? Сны досматриваешь, а? Тебе тоже вставать. Да, да… — покровительственным тоном говорил старшина, проходя мимо кровати, на которой Анатолий пережил ещё одну очередную тревогу.

Утро

Ранее утро. Ещё влажное с ночи. Свежее, яркое, хотя солнце и не выкатилось из-за горизонта. И какое-то задумчивое, тихое. Такое утро обычно обещает погожий день. И ещё обещает хорошее настроение. Так представлялось мне. И казалось ещё, что иначе быть не может. Не могут же, хотя бы вот эти товарищи, стоящие на автобусной остановке в ожидании первого утреннего автобуса, думать иначе. Или вот эта пожилая женщина, торопливо работающая метлой по улице. Перед ней растёт кучка окурков, кусочков бумаги. Она усердно работает, привычно, не замечая как будто этого красивого рождения дня. А вот пассажиры чувствуют себя более уверенно. Стоят рядом со своими чемоданами, улыбаются, переговариваются лениво, немножко съёжившись от прохлады и ждут, не дождутся, когда автобус отвезёт их от вокзала.

Приблизившись к стоящим пассажирам, женщина всё с той же машинальностью взмахивающая метлой, гоня перед собой пыль и окурки, проговорила:

— Могли бы и посторониться, чтоб не мешать.

— Здесь кажется остановка и площадка для посадки, — заметил один из стоящих, не теряя солидности в тоне голоса. А другой, высокий и менее сдержанный язвительно продолжил:

— Раньше начинать убирать надо, когда здесь никто не стоит. Не пылили бы…

— Сами бы пораньше поднялись… и так не поспишь, до солнца подхватываешься. А тут стали, отойти нельзя им видишь ли … — женщина всё больше и больше распылялась. — Да, курят ещё вон и опять набросают. Убирай им…

Но группа была настроена более хладнокровно и сдавать свои позиции не хотела.

— Вот уедем и можно будет убрать… Тут же люди, нельзя же так, — в разнобой начали почти все участвовать в неравной дуэли.

Женщина вспылила и остановить её было трудно:

— Мешаю — отойдите. Тоже мне начальники нашлись. Не боюсь я вас. И вы мне не указ…

На довольно бессвязную, ворчливую речь уборщицы понеслись хихиканья:

— Гляди ты на неё. На полдня завелась. Словно молится. Ха-ха.

— А может с мужем поругалась? — не унимались остряки, — Ого-го, конечно. Она же рано поднялась. Неудивительно, что поругалась. И снова смех, жуткий и противный. А толстячок, молодой, пухленький, сделав жест рукой, заключил:

— Не, не, знаете, что, она просто репетирует. Она мастер художественного слова …

Поглядев вокруг себя и встретив улыбающиеся лица, он, одобренный, заулыбался и сам, довольный своей шуткой.

Трудно сказать, вникала ли в эти разговоры, в эти глупые насмешки, женщина. Она, не глядя ни на кого, всё так же монотонно ругалась вполголоса, бессвязно и, кажется, беззлобно, подметая метр за метром и всё дальше удаляясь от толпы самодовольных и насмешливых пассажиров, радостных, что смогли довести до такого состояния эту пожилую женщину. И довели.

Для женщины рассвет (восход солнца) на сегодня так и не наступил. Да вряд ли и пассажиры хорошо и радостно прочувствовали новое начало дня, ведь им не до этого было. Им надо было довести женщину, одну, до белого каления. И неплохо это получилось. Доброе утро стало с горьковатым вкусом. Кто же виноват?

***

Тихо катятся вздохи вечерние.
Вздохи, вдохи. Их здесь не таят:
— Где же, девушки,
Где же вы, верные?
Как живёте
Без ваших ребят?
Вечерами грустите, наверное,

Вспоминая, как раньше,
Без слов,
Вам в букетах
Вручали мы трепетно,
Вместе с дружбой,
И нашу любовь?

Спрятав все
Мимолётные чувства,
Вдруг ребята
Садятся гурьбой,
И поют, задушевно, искусно,
Всем знакомое:
— Пой солдат, пой…

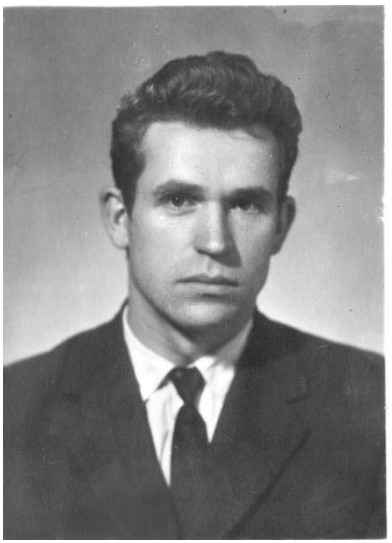
И летят, городок будоража,
Сердцу милые
Звуки, слова.
Песня, песня.
Она много скажет.
Грусть развеет
Она лишь одна.

И ребята,
Печаль поборовши,
В своё завтра
С улыбкой глядят:
Будет что́ там —
Чуть песен побольше,
Иль заманчивей
Взгляды девчат?

А пока,
По ночам нам не любится,
Мы весной скоро
Встретим рассветы.
Верить надо,
Что всё это сбудется —
Только сердце
Нам надо поэта.

***

А дороги, что встретятся,
Трудные, многие.
Тесновато улыбке
Бывает порой.
Лица вдруг превращаются
В самые строгие,
Когда ветер в лицо
Нам дохнёт штормовой.



Думать долго не надо:
Руками вот этими,
Трудность взяв
В многожильный,
Тяжёлый кулак,
Показать, что недаром
В кулак пальцы сложены,
Доказать, что нам трудность —
Всего лишь пустяк.

Мы идём по тропинкам
Судьбы, неизведанным.
Через травы, цветы,
И луга и поля.
В жизнь врываясь
Повсюду, всегда
Непоседами,
Открывая, тоскуя,
Мечтая, любя.

Улыбается солнце весеннее.
С ним плывут
Горизонты далёкие.
Вновь и вновь слышно
Сердца биение —
Отраженье мечты одинокое.

Ностальгия

I

С летом бы далёким повстречаться,
Оседлать бы в прошлое коня.
По лугам цветущим вновь промчаться,
Память чтоб не мучила меня.

Пробежаться бы по травам росным,
Возрасту и нравам вопреки,
Летом ароматным, сенокосным
У спокойно дремлющей реки.

Окунуться б в волны, не рискуя,
Что своей прохладой увлекут,
Что друг к дружке бережок ревнуя,
С озорством куда-то вдаль бегут.

Мне в глаза твои бы наглядеться,
Как когда-то много лет назад.
Боль утраты чтоб ушла из сердца,
А остался милый, нежный взгляд.

Пролетело дней уже не мало
Стаей запоздалых журавлей.
И куда-то лето убежало
С робкою надеждою моей.

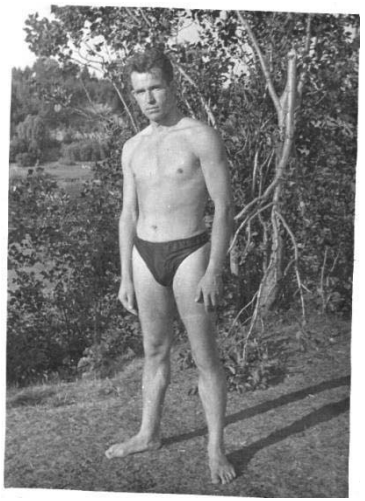
Не вернётся то, что было прежде,
Чудо не свершится наяву…
Почему же место есть надежде,
Что в лугах цветок ещё сорву?

Может и наступят дни другие,
Только кто былое мне вернёт?
Говорят мне:
— Это ностальгия,
Но она со временем пройдёт.

Время — доктор тем, что вдруг расстались,
В час далёкий, светлый и хмельной,
Где рассветы было затерялись.
Но зачем? И кто тому виной?

Как найти слова для покаянья,
О потере прошлого скорбя,
Если вдруг не в радость — в наказанье!
Будущее то, что без тебя.

Прежде чем за птицей счастья гнаться,
Не мешало всё-таки бы знать:
Не спешите с прошлым расставаться,
Чтоб любимых там не потерять.



II

Но сегодня праздник эйфории,
Когда в омут встречи — с головой!
И не стало больше ностальгии
Потому, что рядом ты со мной.

КТО ОСТАНЕТСЯ ЖИВОЙ?

Всё, что было вспоминаю,
Как стеснительность на слом …
— В дом-светлицу приглашаю,
Чтоб побыть с тобой вдвоём.

На тебя бы наглядеться,
Приласкать хотя бы чуть …
От мечты куда мне деться,
К сердцу чтоб поближе путь.

Встрепенулась, улыбнулась,
С мыслью, чтоб в ответ сказать?
И к раздумьям прикоснулась:
— С этим надо подождать.

И с заботою о чести,
Мне с хитринкою такой:
— Если будем с тобой вместе,
Не останусь я живой …

Что́ она в виду имела,
По́нять было недосуг.
Весь в сомненьях… То не дело —
Как в цветах весенний луг.

Не согласен с твоей речью.
Есть один весомый штрих,
Что ты будешь после встречи,
Так сказать: Живей живых.

Мне с собой почти всё ясно.
И причины есть к тому …
Но тебе, такой прекрасной,
Беспокойства ни к чему.

Мысль о том взметнулась птицей,
А она как едкий дым.
Ах, шутница-баловница…
— Мне остаться бы живым!

Снежинка

Снежинка была маленькой, нежной и чуть-чуть наивной — совсем ещё не знающей жизнь. Иногда только, проносясь с мамой-тучей, над серыми опустевшими полями, да над разноцветным и ярким, как восточный ковёр, пологом леса, покрытым сплошь, отшумевшими за лето листьями, она расспрашивала о жизни, о своём назначении, задавала много-много непонятных для неё сторонах жизни вопросов. Слушала ответы снежинка рассеянно, не придавая особого внимания рассказам мамаши.

Чаще всего вглядывалась снежинка в прозрачное зимнее небо, где видела, как ей казалось, своё отражение, в виде

сверкающей бледно-зелёной звёздочки и радовалась своей красоте — свежей и незапятнанной. Радовалась потому, что нисколько не знала настоящей жизни. И только, когда туча, подгоняемая торопливо ветром, объявила всем снежинкам, что скоро они отправятся на землю, снежинка-пушинка, самая крупная, самая белая и изящная, испугалась. Знала она, из рассказов, что где-то там придётся пролежать ей всю зиму на каких-то полях, укрывая их от злого трескучего мороза, да его неспокойного друга ветра. А это трудно, неинтересно и скучно — и нисколько не похоже на беззаботную лёгкую жизнь, — в отчаянии думала снежинка. Но ничего не поделаешь. Пора им на землю.

Летала, летала снежинка над полями, лесами, сёлами да городами, всё высматривая, где бы место отыскать получше.

Совсем приблизилась к земле, чтобы лучше видеть было. И подружек всех растеряла, потому что они спокойно, не суетясь, ложились на леса, поля, сёла да города, и были довольны этим. Нет, она — снежинка-пушинка, крупная, словно бабочка луговая, сможет подыскать что-либо получше.

Вдруг приостановилась она, закружилась на месте: Увидела она человека, приглашавшего её рукой к себе. Обрадовалась снежинка. Лестно ей стало: Наконец, её заметили. Теперь её судьба будет прекраснее, чем у её подружек.

Подлетела она к человеку и прямо в протянутую тёплую руку легла. Хорошо ей стало, уютно. Но скоро и незаметно начала она превращаться в обыкновенную крупную водяную каплю, которую вскоре безжалостный морозец, да дружок его — ветер, высушили совсем. И не стало снежинки-пушинки.

А подружки её, укрывавшие зимой землю от мороза и ветра, дождались тёплое весеннее солнце и довольные своей короткой, но полезной жизнью, хотя и не без грусти, начали таять, превращаясь в ручейки. А ручейки, почувствовав простор, радостно побежали, питая пробуждающуюся землю, давая жизнь всему живому. И никакой мороз, ни ветер, не в силах высушить бегущих ручейков.

А люди добрым словом вспоминают снежинок, укрывавших землю и давших влагу земле. Только о крупной и изящной снежинке никто не вспоминает.

2 апреля 1966г.

Снежинка

Хрустальный воздух от мороза звонок.
Давно слетела жёлтая листва.
Лишь снег летит, пушистый как котёнок,
Красивый, нежный, только без тепла.

Кружится тихо, словно примеряясь,
Куда бы опуститься и зачем?
С прошедшим с сожаленьем расставаясь,
Предчувствуя, что это насовсем.

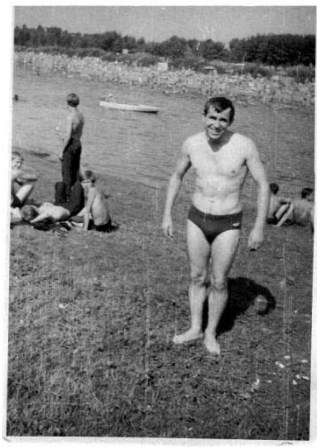
Снежинка только — маленькое чудо,
Ещё надежд несбывшихся полна,
Свободной прилетев из ниоткуда,
От будущего всё же не вольна.

Но неизвестность была так прекрасна,
Тепла земного так хотелось ей!
Пусть знала: безрассудство так опасно,
Да чувства только разума сильней.

Возврата нет! Решенье неизменно.
Она прервёт волшебный свой полёт.
И вопреки, пожалуй, всей Вселенной
На тёплую ладошку упадёт.

Осудит кто за прерванную песню,
С мелодией кристальной чистоты?
За то, что в жизни — вечной и чудесной,
Растаяли Снежинка и мечты.

Мир прошлого, как лёд осенний тонок,
Но вспомнится сквозь толщу долгих лет
Пушистая Снежинка, как котёнок,
Дороже и теплей которой нет.



****

Место пусть найдётся для грустинки,
Оглянуться если вдруг назад.
И возникнут прошлого картинки…
А вокруг пушистые снежинки
Словно бы фонарики горят.
Чувства, охлаждающие льдинки…
Оглянуться надо и назад,
Чтобы склеить наши половинки…

ОЛЕГУ И МАШЕ

Над нами одни облака.
Да любовь, что светла и легка.
Вечерком появившись заветным,
Ветерком принесённая летним.

Как и где нас она повстречала?
Далеко, далеко то начало.
Нам сердца только скажут про это,
Да притихшего утра рассветы.

Были, были мечты наши сказкой —
Их растили с любовью и лаской.
Стали чисты они, словно росы…
Только вновь перед нами вопросы.

Ну а чем продолжение будет?
Может, новые чувства разбудит?
Новый мир, может быть, нам откроет?
Новый, трудный, где будет нас двое.

Не об этом ли взгляд говорит нам,
Что любовь — стихотворные ритмы;
Без любви жизнь была бы нелепа,
Человек, без любви, жил бы слепо.

Вновь над нами плывут облака,
Да любовь, что светла и легка.
Им в пути неизвестны причалы.
Нет конца им — Есть только начало.
1 августа 1964г.

Об улыбке

Да улыбнись ты, всем чертям назло!
Невзгоды, что погода, переменны.
Забудь, что временно тебе не повезло…
Но повезёт ещё. И непременно.

С тобой судьба на «ты», тебя любя…
На жаль, вы с ней немножко просчитались.
Но все волнения твои и за тебя,
На счастье, позади всё ж оказались.

Лишь наставления «чтоб лучше береглась…» —
Они от тех, кто глаз с тебя не сводит.
И для которых ты давно зажглась
Волшебною звездой на небосводе.

Да что о том! Мне б высказать полней:
Вы с солнышком, как близнецы похожи.
Но кто из вас желанней и милей?
Пожалуй «ты», ответит и прохожий.

А им в ответ улыбка свысока,
Как и положено подчас для мисс Вселенной,
Которая, как звёздочка, пока
Близка и далека — одновременно.

О чём сказать, чтоб была внятной речь?
В судьбу других внесла свою ты лепту…
От передозировки чтоб сберечь,
Твою улыбку только б по рецепту.

Фантазии, как ветром занесло.
И необычный всплеск адреналина.
И если вдруг кому-то повезло,
Твоя улыбка, значит, в том повинна.
Она как состояние души,
А для других, как стимул к вдохновенью...

Всё потому… Да что там говорить!
Чтоб не был результат печально ясен.
Адреналин, порой, мешает жить
И в дозах неумеренных опасен.

А в прочем разгадает кто секрет?
Беда тогда, когда улыбки нет.

***

Брожу по городу и вглядываюсь в лица.
Ищу почти забытые глаза,
Надеясь, если встреча состоится,
Сказать всё то, что раньше не сказал.

Я сам себе уже почти не верю,
Слова для встречи пусть и нахожу,
Боясь, когда найду тебя, потерю,
Заветные слова вновь не скажу.

Как донести при встрече, для начала,
Пока ты мимо вновь не пронеслась:
— Как горько, что меня ты не искала.
Как сладко, что ты всё-таки нашлась.

Что сбудется, что нет, не знаю даже.
Жизнь — на кофейной гуще ворожба.
Но верится, что ты в сердцах не скажешь:
— У каждого из нас своя судьба…

Чтоб не осталось горько улыбнуться
Лишь оглянувшись в прошлое тогда,
Когда уйдёшь, чтоб больше не вернуться,
Не встретиться, как раньше, никогда.

И если вдруг мечта меня обманет,
То будет мне, о том могу судить,
Твои глаза, как звёздочки в тумане,
Несбывшейся надеждою светить.

Друзьям

Я часто встречи мысленно рисую,
И вижу лица всех моих друзей;
Когда-то, видимо, и к ним зайду я,
Найду их сквозь шеренги длинных дней.

А может быть кто с них меня отыщет,
Узнавши вдруг последний адрес мой,
И скажет:

— Здравствуй, старый мой дружище!
О, сколько лет не виделись с тобой!

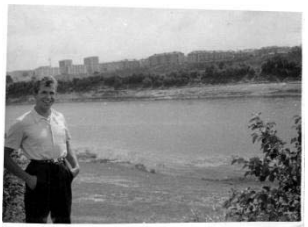
Ты пишешь, как и прежде, втихомолку,
Рифмуешь всё чувствительной душой?
А я, поверь, не вижу в этом толку.
Меня прости ты за характер мой.

Не раз тебе высказывал я это —
Ещё с времён студенческой скамьи:
Зачем в душе считать себя поэтом,
И все слова кому нужны твои?

Но ты упрям. Ты много, много пишешь:
Бессонницей глаза твои полны.
И утверждаешь, что в квартире слышишь,
В тиши ночной прибой морской волны.

Ты даже чувства ложишь на бумагу,
И шорох трав, и щебет ранних птиц:
Всё жадно поглощаешь, словно путник влагу,
Стремясь мир неизведанный постичь.

А что за всё, за это получаешь,
И этот труд твой чем вознаграждён?
Прости меня, ты мой характер знаешь,
Считай: совсем не изменился он.



Немало выслушать в тот вечер мне придётся.
Эх, дружба! Сколько позволяет нам она:
Беседа откровенней всё ведётся —
От воспоминания хмелеем и вина.

— О, что ты! Нет! Совсем я не в обиде.
Я, наконец, вполголоса скажу:
— Я жизнь-поэзию хочу прекрасной видеть.
И с мира снять хочу я паранджу.

Как много радости, когда удачно слово
Сквозь путаницу мыслей подберёшь.
И ищешь неустанно снова, снова.
Пока опять ещё одно найдёшь.

А слов десяток — это значит фраза,
Где мысль, что жилы на твоей руке;
Лишь бросишь взгляд, они откроют сразу
Всю суть, что сжата крепко в кулаке.

Бывает трудно, должен я признаться,
Бывает слово ищешь с полчаса.
Но разве можно трудностям поддаться?
Нельзя! Нельзя! Ты знаешь это сам.

А если лирикой слова мои пылают,
И если в них сквозит любовь порой,
То пусть они тебя не удивляют,
Ведь ты же знаешь, я-то холостой.

Как обойти одну из тем прекрасных!
Достойнейших, пожалуй, тем и нет;
С глубин веков, кому это не ясно:
Любовь — мечта…
Во мраке яркий свет…

И мы её, как факел, поднимаем,
Несём её в душе своей всегда,
И в честь неё поступки совершаем.
И удивляемся им через года.

Волнений сколько нам она приносит,
Сомнений, радостей, страданий и тревог:
Хорошее повсюду превозносит,
Плохому нет в любви путей-дорог.

А иногда сижу я вечерами
И роюсь в стопках добрых, мудрых книг;
Люблю знакомства с прозой и стихами —
По зёрнышку всегда беру от них.

Стихи работе, знаешь, не мешают,
Мне кажется, работа — это стих.
Но не глаза, а руки здесь читают,
Страницы будней наших трудовых.

Пусть мир поэзией наполнится повсюду —
И в нём заговорят живые голоса;
В гармонию её вплетаться люди будут,
И нежностью своей — цветы, поля, леса.

Поговорив, тихонько посидим мы.
И вот опять начну я разговор.
Ему сказав, совсем не без причины:

— Дружок есть у меня, с недавних пор.
Поверишь ли, он баянист отличный.
Сидим мы вместе с ним по вечерам;
Он проведёт по клавишам привычно —
Мир музыки идёт, стучится к нам.

Мелодии несутся вдохновенно.
И будоражат всю мою мечту
Твореньями Чайковского, Шопена,
А я сижу и вновь пишу, пишу.

Мы наравне с ним видно одержимы —
Недосыпать готовы я и он.
Я мыслью, ритмом, рифмами движи́мый,
А друг безумно в музыку влюблён.

Уж если страсть душою овладеет,
Её тогда ничем не удержать;
Хочу: она пусть надо мною реет,
Зовущая бороться, побеждать.

Я разницы совсем, поверь, не вижу,
В часы свободные себя чему отдать,
Но праздность, лень, душой всей ненавижу —
Они попутчиком не могут в жизни стать.

Вот так-то, друг, — окончу я беседу, —
По жизни путешествовать легко,
В словах и звуках ты её исследуй,
Найди то счастье ты, что далеко.

Нет! Разговора этого не будет,
Я знаю это очень хорошо,
Но жизнь — она жестоко тех осудит,
Кто мир прочувствовать в себе сил не нашёл.

И если улыбаюсь я рассветам,
То здесь вина, конечно, не моя.
Друзья учили быть меня поэтом
И жизнь учила — знаю это я.

Я часто встречи мысленно рисую,
И вижу лица всех моих друзей;
Весь разговор, который здесь веду я,
Лишь жажда спорить с юностью своей.

6-8 июля 1964г.

***

Хорошо отдаться какой-то идее полностью, и всей душой. Если раньше ты мог что-то делать и должен был, то нынче ты обязан делать. А это большая разница. Чувствуя и повинуясь обязанности беспрекословно, сделаешь больше обычного.

Забудь

Он встречу ждал. Она не приходила.
Та, о который каждый день мечтал.
И ожиданьем душу изводила…
А он всё ждал.

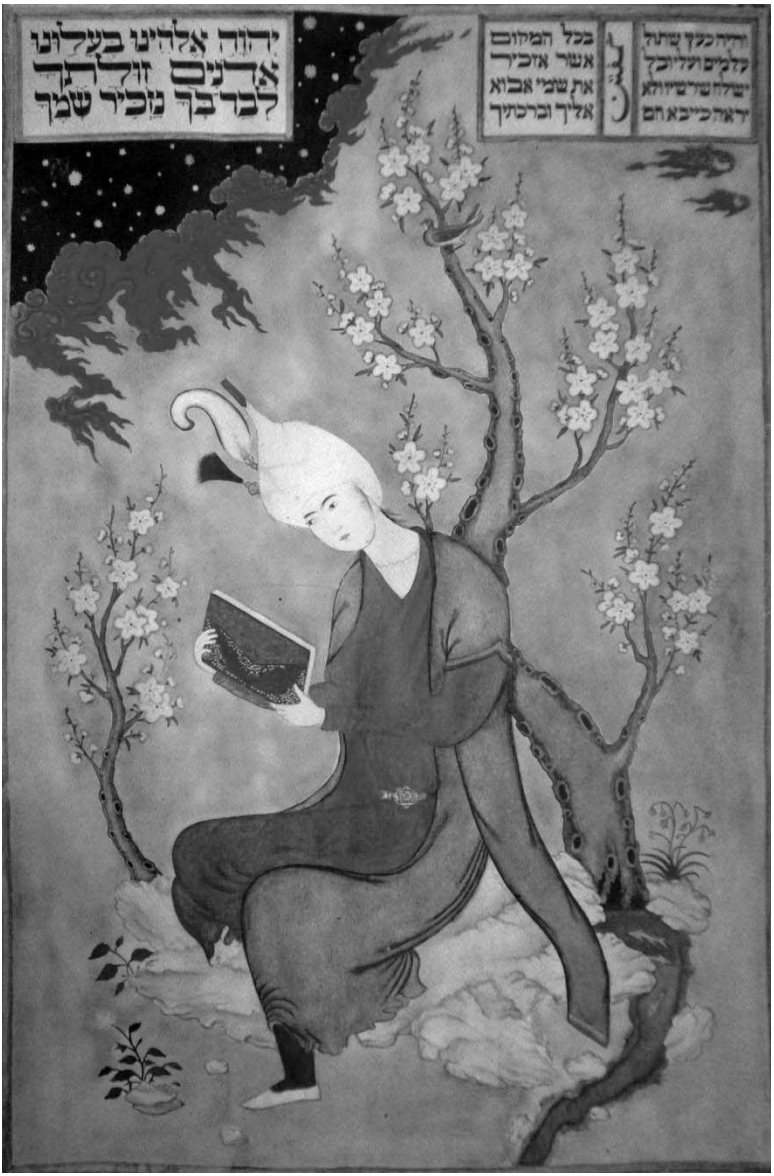
Прошли весна беспечная и лето.
Что созданы всегда для новых встреч.
Но как же их, что затерялись где-то,
Ему сберечь?

Но, может быть, судьба уже итожит
Мгновенья счастья от прошедших лет.
Возможно, осень мудрая поможет
И даст ответ.

А за окном — знакомая картинка.
То осень солнцем в листьях разлилась.
Надежда чтобы в даль, как паутинка,
Не унеслась.

Не от того ль душа его в томленьи,
Что отцвели уже в лугах цветы.
А на губах вопрос, как удивленье:
— А где же ты?

— Когда же встреча снова состоится? —
Ответа нет. Лишь камень давит грудь.
А дождь, косой, назойливо стучится:
— Забудь, забудь…


יהוה אלהינו בעלונו
אדנים זולתך
לברבך נזכיר שמך
בכל המקום
אשר אזכיר
את שמי אבוא
אליך וברכתיך

***

Вот история неприятная:
Должен я о себе писать
И слова находить понятные,
Чтоб смогли вы меня понять.

Чтоб смогли меж работой скучною,
Между мелочью всех забот,
Отложить всё, чем вы навьючены
И увидеть чем друг живёт.

Лента дней бесконечных движется,
Увлекает меня с собой…
Где-то грустная песня слышится,
И веселье течёт рекой.

Всё, что так бесконечно дорого.
Что волнует нам так сердца —
Слышать это всё очень здорово,
Только слышать бы без конца.

Ещё чувства не все растрачены,
Лишь припрятаны на покой…
Плохо, как разговор-то начатый —
Он пронизанный весь тоской.

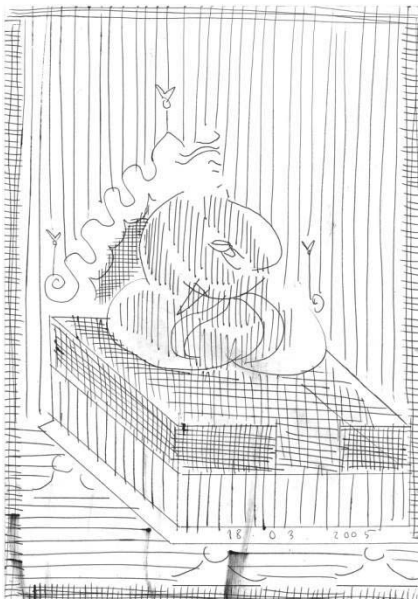
Листья медленно очень кружатся,
Листья падают не спеша…
Пусть скорее печаль разрушится,
Пусть надежды шаги шуршат.

Умываться с утра раздумьями,
И мечтой вытираться нам.
И вдыхать вечерами шумными,
Нами же выплесканный бальзам.

27 сентября 1964г.

Расставание с прошлым

Всё что было, как будто бы в сказке,
Снова в ней предстоит мне прожить,
Те года, словно нежные ласки,
Не забыть... Не забыть. Не забыть!



Возникает опять предо мною
Тот рассвет, что в созвездии рос.
Вспоминается даже зимою,
Сенокос, сенокос, сенокос.

В жизни нашей одно неизменно:
Годы в прошлое резво бегут.
Но цветы по весне, непременно,
Расцветут, расцветут, расцветут.

Как тогда расцвела незабудка,
Закрепившись в твоих волосах,
Сотворивши с тобой за минутку
Чудеса, чудеса, чудеса.

Видит Бог, ты тогда не хотела,
Очаровывать вовсе меня,
Но зажечь чем-то сердце сумела
Без огня, без огня, без огня.

Были мы не подвластны печали,
Неподсудными и для молвы,
Но с тобою тогда промолчали
О любви, о любви, о любви.

У судьбы, правда, выбор богатый.
Я, как в русской рулетке, игрок.
Грешен может был? Вот и расплата.
И урок, и урок, и урок.

И нисколько печаль я не скрою:
Разбежались дорожки опять.
Не виню, что ты стала былое,
Забывать, забывать, забывать.

Мне б с тобой повстречаться сначала.
Но удача, как конь вороной,
На скаку от меня пробежала
Стороной, стороной, стороной.

То ли плакать мне, то ли смеяться,
Твоего дожидаясь суда?
Мне бы встречу одну, чтоб расстаться
Навсегда, навсегда, навсегда.

Часто в мыслях с тобою встречаясь,
Я себе неустанно твержу:
Ты прости, что я прошлым терзаюсь…
Ухожу, ухожу, ухожу.

ДОБРО И ЗЛО

Добро и зло… о вечной теме этой,
Что через сердце проложила путь
В горячее, как в преисподней, лето,
По-новому приходится взглянуть.

Был знойный день. Поджаристое солнце
Вокруг лучами щедро разлилось.
Но почему же, как коварный стронций,
В его душе потом отозвалось?

И в прошлое, всегда что беспристрастно,
Вновь окунуться — и в восторг, и в боль,
Чтобы опять, как прежде, ежечасно
Играть судьбой начертанную роль.

Ловить опять счастливые мгновенья
Ему уже, пожалуй, не дано.
И даже повторить всё в сновидениях,
Наверное, уже не суждено.

שבועות

2 שמות א שמות אונקלוס
א וְאֵלֶּה שְׁמוֹת בְּנֵי יִשְׂרָאֵל הַבָּאִים מִצְרַיְמָה אֵת יַעֲקֹב אִישׁ וּבֵיתוֹ בָּאוּ׃ ב רְאוּבֵן שִׁמְעוֹן לֵוִי וִיהוּדָה׃ ג יִשָּׂשכָר זְבוּלֻן וּבִנְיָמִן׃ ד דָּן וְנַפְתָּלִי גָּד וְאָשֵׁר׃ ה וַיְהִי כָּל־נֶפֶשׁ יֹצְאֵי יֶרֶךְ־יַעֲקֹב
א ואלין שמהת בני ישראל דעלו למצרים עם יעקב גבר ואנש ביתיה עלו׃ ב ראובן שמעון לוי ויהודה׃ ג יששכר זבולן ובנימין׃ ד דן ונפתלי גד ואשר׃ ה והוה כל נפשתא נפקי ירכא דיעקב שבעין
שפתי חכמים
* דקשה לרש"י למה מנאן פעם אחרת כו' ככר מנאן לעיל כפ' ויגש ופ"ל דלעיל מנאן כחייהן ומכאן ואילך מנאן מחמת מיתתן מ"מ אין מנין נקודם מיתה אין לומר מיתה היין דכתיב מנאן ועל זה מיכם לנודיע כו'. פ"ק ק"ל דומלם ל"ל דלא סל"ל לגלא מלא שמות וגו' ופ"ל דקאי על מספר של מעלה דכא' ויגש וכתם כתיב ולהם דקאמר למעלי ג"א קאמר דקאי על מספר דלעיל ופ"ל דקאי על מספר דלעיל ולנודיע
זה המספר לומר כמניתה היו ולכאי כתיב ולהם לומר להם שמות בני ישראל המספר על כחייהם ולהם מספר: שמותיהם לומר מיתה לכל מדין
קשה למה ליה למספר דלומר מיתה היין מכבר מנאן כחייהם ועל זה קאמר פ"ם כו' וק"ל: ב ולע נקע כשמותם נגי מיתתן דלעיל
בחייהם מנאן כשמותם ופכאן לכל נגי מיתתן לע מנאן להם לפני השבטים כדכתיב כהע ע' נפש וגו': ג ופן לפקודת עם ס"ם סמיכת
מכתיב מוהם לכוכבים י"ל כאן שמכוכבים קיימין ומתירים כיום ובלילה לך ביום היום כלפי מעלה ומלינה לך בלילה מבע שהיא במיכתן אף אתה קי קם שם ישראל
קיימין כעוה"ב וכעוה"ב וק"ל: ד [רש"י] שעלת וכשמותם לע קאי אלא על מלא ומכלימין לכל כהוצאם דוקא כמספר: ולע כשמותם כמו שמספר
רמב"ן אבן עזרא

2 Имена

Прости, малыш

Солнечный шарик — яркое пятнышко на небе, казался неподвижным и, к тому же бессердечным и злым. И мы очень были недовольны и слишком щедрым сегодняшним солнцем, благодаря которому наши загорелые, чёрные от угольной пыли спины лоснились от пота, стекающего грязноватыми стремительными ручейками по горячим телам, и работой, так медленно шедшей к концу. Поработали мы около часа, но уже предвкушали торжество победы над своей усталостью и неподатливым вагоном, рядом с которым на разгрузочной площадке уже лежал, высился большой разбросанный штабель леса. Я подошёл к вагону, чтобы сбросить с его высоких бортов два тонких — 10-15 сантиметровой толщины — сосновых бревна, именуемых лагами, как вдруг за моей спиной кто-то из нас крикнул: «Стой, не бросай! Смотри, сорванцы под вагоном». Резко развернувшись, я увидел трех ребят; одному из них было лет 8-9; остальные были немного постарше. Увидев меня, они притаились, готовые сорваться по-спринтерски в любое мгновение. А я, невольно, желая спугнуть их, серьезным и несколько грубоватым голосом бросил: «Марш отсюда! Отвечать за вас, что ли!» И для подкрепления своего, якобы крайнего недовольства, угрожающе и нарочито медленно приближался к ним, наблюдая за произведённым мной на них впечатлением.

Те, что постарше, довольно быстро, но не без труда, вспрыгнули с железнодорожного полотна на разгрузочную площадку (площадка была высотой свыше метра) и не спеша побежали в направлении ближайших домов. Малыш в это время беспомощно остановился пред столь серьёзной преградой для него, как будто размышляя, бежать или не бежать — позади него имелся путь для отступления. Но вскоре решительный вид его показал (дал понять), что он никуда не побежит. Я стоял над ним, всматриваясь в него. Он также внимательно смотрел на меня по-детски большими глазами. Его грязноватое веснушчатое лицо было непроницаемым и только серые, чуть вздрагивающие ресницы, выдавали его растерянность. Я никак не мог понять, почему он не убежал.

Вспомнился недавний случай в увольнении, когда молодая женщина пугала своего непослушного сынишку: «Сейчас солдату отдам!» А он и в самом деле испугался. Прижавшись к матери, он так посмотрел на меня, будто я, в самом деле, уже руки за ним протягивал. А я тогда, так здорово обиженный неизвестной женщиной, побыстрее скрылся за поворотом.

А этот так стоит передо мной, вроде бы это я должен убегать от него. Но тут меня осенило: «Да он же не вспрыгнет никак на высокую площадку. От своих ребят (друзей) отставать не хочет и конечно меня он не боится». Улыбнувшись от своей догадки, я протянул ему руки и он, глянув мне в глаза, как будто бы читая мои мысли, подал свои навстречу. Стоя рядом со мной, он вполголоса сказал: «Спасибо, дяденька». И бросив последний взгляд на меня, убежал к своим друзьям, поджидавшим его в 100 метрах от вагона. Мне стало неловко от осознания, что минуту назад я хотел напугать этих ребят, и его в том числе, уверенный, что меня они испугаются. А этот вихрастый большеглазый мальчуган так доверчиво протянул свои ручонки, что мне тотчас же захотелось догнать его и сказать: «Прости малыш».

И ещё подумалось: «Видно только хорошие солдаты встречались ему до этого. А я, я так нехорошо хотел поступить и, лишь благодаря его доверию ко мне, мне это сделать не удалось». Никто из ребят, кажется, и не заметил этой маленькой сцены — она длилась совсем недолго. Ещё раз поглядев в сторону малышей, я увидел их троих, обо всём на свете позабывших, смеющихся, бежавших в припрыжку по улице. Ну конечно, они простили меня. Через несколько минут мы уезжали. Вагон был полностью разгружен и лес аккуратно сложен, а я, я всё улыбался приятной встрече.

9 июля 1964г.

Весна

Что, весна, беспутная девчонка,
Вытворяешь дерзко там и тут?
И ручьи зачем с собой вдогонку
К горизонту синему бегут?

Солнышко зачем улыбкой нежной
Расплавляет серые снега,
Расставаясь с зимушкой мятежной,
От весны которая в бегах?

Нам ответ на эти все вопросы
Так найти порою не досуг!
Лишь капель прозрачная, как росы,
Звёздочками падает вокруг.

Капли — весточки. Они — воспоминанья,
Сладкие, как утренние сны.
Ведь они из прошлого посланья.
В адрес долгожданнейшей весны.

Обновленье вечное природы,
Так знакомый всем круговорот.
Только безвозвратны наши годы,
Что летят стремительно вперёд.

Прошлое и будущее рядом,
На себе, кто это испытал,
Значит был сражён случайным взглядом.
И плененья счастья тот познал.

Вспомнил, как цвела в лучах ромашка,
Ночи проходили как без сна…
Каждый ждёт свою очаровашку.
Кто нашёл — к тому пришла весна.

ЛЕТО

Не на шутку лето разгулялось,
Обо всём, казалось, позабыв,
По лугам цветами расплескалось
Под привольно льющийся мотив,

Что поют задумчиво дубравы,
И к себе таинственно влекут
Тех, кто ожиданьем переправы
К берегу надежд давно живут.

Там, быть может, ветер — своевольщик,
В спящих травах ищет чей-то след,
Смех которой — звонкий колокольчик,
А улыбка — розовый рассвет.

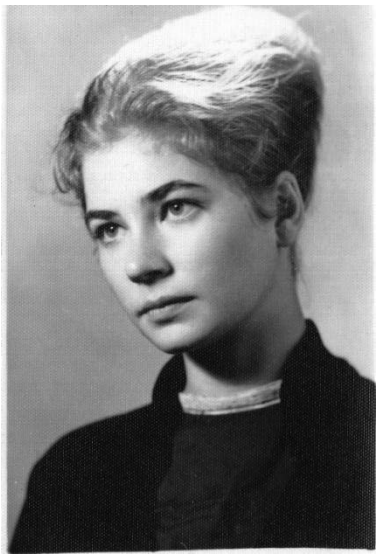
Жаворонком песня где-то вьётся —
Видимо случайно занесло.
Не случайно грусть из сердца льётся —
Значит, счастье было, да ушло.

И напрасно лето разгулялось,
Если кто-то всё-таки вздохнет:
— Ты какой была, такой осталась,
Только я, со слов твоих, не тот.

***

Не обмани моей надежды
И оправдай мои мечты:
Будь пылким, ласковым и нежным,
Каким быть можешь только ты.

Кажись влюблённым до безумья,
И может, я тогда с тобой
Забуду тяжкие раздумья
Над несчастливою судьбой.

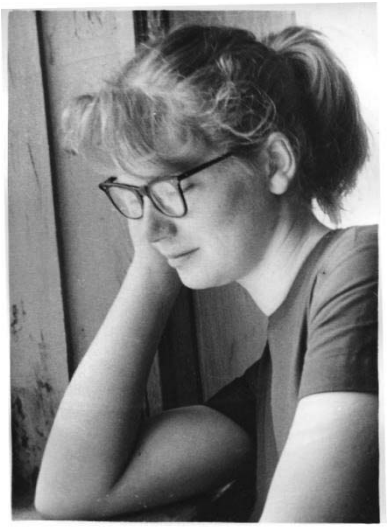


И, может быть, в тот миг счастливый,
Как детство — сон мой золотой,
Я покажусь тебе красивой
И стану близкой и родной.

Незабудка

Бы́ли сладки надежды былые,
Что весенней грозой пронеслись,
Что́ взмывали, как будто шальные,
Жа́воронком стремительно ввысь.

Повстречались тогда мы случайно.
Миг удачи сумел я поймать,
Встретив взгляд твой лучисто-кристальный,
Был не в силах его потерять.



Те часы, словно сумерки, тают,
Но мелодия в сердце жива:
— Незабудки в лугах расцветают,
Только ты краше их расцвела…

Говорил я всерьёз.
Да, пожалуй, всерьёз:
(Ты же думала — в шутку):
— Не забуду тебя,
Не забуду тебя,
Незабудку.

Только дни те давно миновали,
Улетели, как роз лепестки,
Но остались о прошлом печали,
Как ромашки у тихой реки.

И опять соловьиные ночи
До рассвета тревожат меня.
В том виновен твой смех — колокольчик,
Что кружил надо мною, звеня.

Потому я судьбу заклинаю,
Жду в которой крутой перелом.
И с надеждой опять повторяю,
Как молитвы слова перед сном:

— Говорю. Я всерьёз,
Очень даже всерьёз,
(И поверь мне, не в шутку):
Не забуду тебя,
Не забуду тебя,
Незабудку.

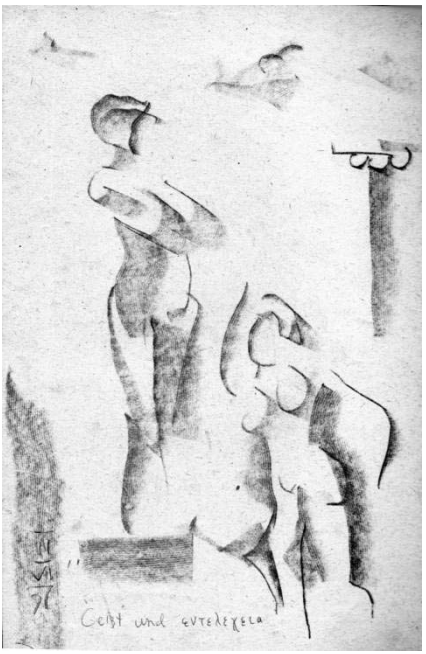
ТАМ ЗА ОЗЕРОМ…

Там за озером, за рекой,
Со студеною что водой,
Там, где не был ещё ни разу я,
Проживает моя мечта,
Недоступная высота,
Голубоглазая.

Предо мной вопрос: Как же быть?
Может к ней побыстрее плыть,
Чтобы рядышком с ней очутиться?
Поглядеть чтобы ей в глаза:
Что в них — солнце или гроза?
В том бы мне убедиться.

Может быть на том берегу
Я увидеть её смогу?
И к тому же меня ожидающей…
Мне так трудно верится в то,
Только жизнь всегда спортлото,
Но с надеждой — играющим.

Не боюсь я воды ничуть —
Доведётся вдруг утонуть.
Мне, признаться, страшнее другое:
Не был только бы поворот
От её неземных ворот,
В рай, где счастье земное.



Там, за озером, за рекой,
Со студеною что водой,
Проживает моя желанная.
И о встрече с нею мольба.
Верю: Это моя судьба,
Долгожданная.

Ах, какие её глаза!
На рассвете словно роса —
Небо синее отражается.
В них такой простор голубой,
Он, как первая встреча с тобой,
Не забывается.

Мне бы солнышка только луч,
Чтобы выглянул из-за туч
И душе дал возможность согреться.
Долгожданный оставив след
На желаньях моих, в ответ,
Как зарубки на сердце.

Там, за озером, за рекой,
Со студеною что водой,
Знаю: Там пленён буду сразу я.
Но к тебе я всё же стремлюсь —
Плена я совсем не боюсь,
Голубоглазая…

НОВОБЕЛОРУСОЧКА

I

Повстречалась как-то вдруг,
Средь зимы, морозов, вьюг,
Девица — видение.
И, как в сказке повелось,
Сердце вдруг оборвалось,
А в душе смятение:

— То ж судьбы подружечка —
Новобелорусочка!

Волшебством полны глаза,
С плеч струятся волоса,
Словно солнца лучики.
Как таинственно смугла…
— Для кого ж приберегла
Ты себя в попутчики?

II

Боже мой, какая ты!
Словно летние цветы,
Что в лугах встречаются.
Нежный, добрый, милый взгляд…
О таких не зря твердят:
— Первая красавица!

— И невероятного,
Цвета шоколадного!

Каждый был бы очень рад
Пригубить тот шоколад,
Да не тут-то было!
Всем с улыбкою в ответ:
— Не сказала бы я нет,
Если б полюбила.

III

— Ну, откуда ты взялась?
Как цветок в венок вплелась,
Дивным украшением.
Всё понятно и без слов:
С кипрских пляжных берегов
Острова везения.

Яркого и броского,
Средиземноморского!
Видно там ты и была,
Там загар приобрела,
Там его истоки?
Снова смех:
— Загар не плох.
Но… солярий в том помог,
Тот, что в местном Ф.О.Ке.

IV

Встреча — сказочный мираж,
Зародилась в сердце блажь:
Вдруг всё к счастью клонится?
Вот и радость оттого,
Надо, только, и всего!
Ближе познакомиться.

И шепнуть на ушечко:
— Новоблорусочка!

А другого нет пути,
Чтоб в доверие войти,
Пусть и худо-бедно.
Только слышится в ответ
Снисходительный совет:
— Помечтай! Не вредно…

***

Как приятно путешествовать с тобой по дремучим зарослям мыслей, обобщений, наблюдений, желаний: вместе с тобой восторгаться человеком-чудовищем и, в противовес первому, проникаться презрением к мелкому, пошлому, ничтожному по своему значению и месту отводимому для него, но довольно распространённому, что так часто вызывает бессильный приступ злобы и даёт повод думать о довольно распространенном и значительном несовершенстве человека.

8 НОЯБРЯ — ДЕНЬ

— Кто кого? — Сказала мать
— Кто кого? — Сказала дочка.

Словно в сказке два сурочка
Повалились обе спать.

Час прошёл — сон непробудный
У одной и у другой.
На исходе час другой;
Спят, как будто путь был трудный.

А когда час пробил третий,
Сон сняло вдруг, как рукой.
Смысл причины в том такой:
Захотелось есть, поверьте.

А когда чуть подкормились,
Снова спать вдвоём свалились.
Кто кого? — Пока не ясно.
Обе спят вполне прекрасно.

1970г.

***

Тебе наш
Маленький привет
Шлёт твой
Оставшийся дуэт.

Желаем радостных
Минут,
Которых все
От близких ждут.

…Вот мы,
С Людмилкою вдвоём,
Тебе подарок
Сладкий шлём.

А с ним мы
Шлём лесовика.
Он — наша
«Правая рука».
Он умный, добрый,
Справедливый,
Смешной слегка
И очень милый.

Он вправду только
Говорит.
И слабых он
От бед хранит.

В дороге с ним
Всегда легко,
С ним даже
Ближе, далеко.

Лесной колдун,
С таёжной чащи,
Он верным, чутким
Дарит счастье,

Таким как ты!
— Таким как ты,
Все строчки наши,
И все мечты…

Ниночке — Коля, Люда. 05.08.1973г.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ НИНА, ЛЮДА И АНДРЕЙКА!

По вас начинаю скучать всё сильнее и, кажется, что не четыре дня прошло с времени моего отъезда, а не менее, чем четыре недели. Даже прикидываю уже, а сколько времени до зимних каникул осталось. По календарю ещё многовато выходит. Вот что плохо.

Занятий многовато. Ведём подготовку усиленную к курсовым, для чего первоначально литературу да конспекты изучаем, а потом за сам курсовой 1-ый и 2-ой возьмёмся. А выполнять эти работы только по вечерам можно. Все дни сплошные занятия.

Сегодня, в Андрейкин день рождения, позвонил ему по телефону, поздравил, немножко поговорил. Отослал ему на больницу поздравительную открытку (такую, как и вам и с таким же текстом). А эта пусть его дома дожидается, через недельку он сможет ещё раз посмотреть на неё.

С тобой, Нина, не удалось переговорить из-за экономической учёбы, как сказал Кузин. Он, надеюсь, тебе о моём звонке сообщил?

В комнате пока один. Иван ещё не приехал. Сегодня в методическом кабинете долго уговаривал не подавать на него (и ещё на человек 5 опоздавших с каникул) сведения в деканат. Обещали денёк обождать ещё.

Сегодня посетил баню. Взвесился. К моему удивлению, за каникулы на 1 кг прибавил в весе. Вот не ожидал! Интересно, куда стрелка весов склонится к Новому году, к приезду моему на каникулы домой?

В общежитии у нас наконец-то горячая вода появилась. На улице попрохладнело. Снег лежит (= 5 см). Хожу (с сегодняшнего дня) в зимней шапке. В комнате температура около нормы. Ни холодно, ни тепло. Тараканы за каникулы куда-то спрятались. Не вижу ни одного. Правда, вчера одного в чайнике нашёл, перед тем как на огонь его ставить. Теперь на носок чайника поставил тараканоулавливатель из бумаги. Не пролезут внутрь!

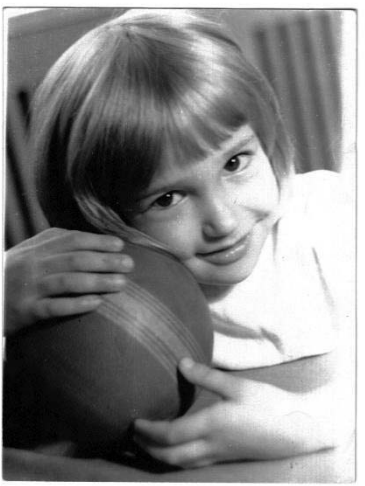
Что ещё?

Сегодня я по поведению двойку заработал на последнем уроке. Хорошо, что их нам не ставят. А было дело так. По экономике строительства решали задачи. Преподавательница вызвала к доске с задней парты товарища. Подошёл к дос-

ке. «Как вас зовут?» — спросила. «Павел Маркович». «Запишите, Павел Маркович, условия задачи». Стоит, пишет. Быстро, неразборчиво большую таблицу с исходными данными. «Понятнее пиши, — шумим, — разборчивее…» Короче, задачу, сопровождённую репликами, решили. Сел Павел Маркович. «Другую задачу пойдет решать, — опять преподаватель за своё, — вон тот с угла». Пришёл, стал у доски. Она опять культурненько: «Как вас зовут?» И вот в эту паузу, до ответа вышедшего к доске, я так не торопясь, громко и внятно отвечаю за вышедшего: «В-аа-ся …»

Я, конечно, рассчитывал на улыбки после своей реплики. Но то, что творилось со всеми, не подлежит описанию. Получилось настолько смешно, настолько заразительно, настолько неожиданно, что дикий, неуправляемый смех (за подобный Люда двойку по английскому получила) минут 15 сотрясал комнату. И преподавательница, глядя на солидного, немолодого слушателя, названного мной «Васей», только успевала между взрывами смеха, слёзы утирать. Долго Вася (Василий Иванович) пытался писать потом на доске, но возвращающийся смех то и дело заставлял прыгать мел в его руке. Дорешили задачу уже после уроков, через полчаса после звонка, когда наконец-то посерьезнели и взяли себя в руки. «Ну, староста! — в конце сказала преподавательница, — срывщик занятий».

До свидания. 13.11.1981г. Коля.



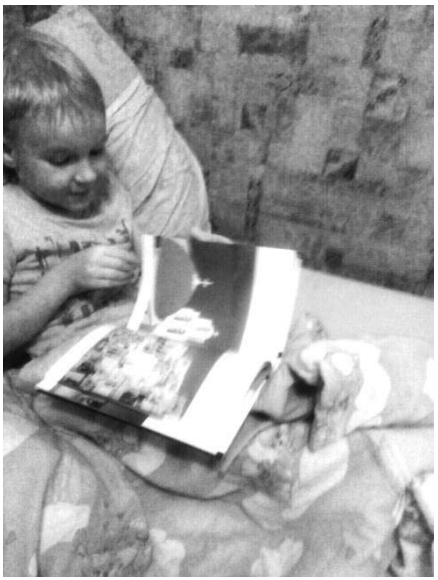
СТИХОТВОРЕНЬЕ ПРО ДОМАШНЕЕ ЛЕЧЕНЬЕ, ИЛИ: ДОМАШНЕМУ ВРАЧУ — ВСЁ ПО ПЛЕЧУ!

Чтобы быть всегда весёлым,
Надо крепким быть, здоровым,
А для этого, Андрюша,
Вот, что ты сейчас послушай:

Бьёшь микробов ты неплохо
До последнего их вздоха.
Так и надо им проклятым,
Грязным, вредным и пузатым!

Только может ты не знаешь,
Почему ты побеждаешь?
Дорогой Андрейка, сын,
Ты воюешь не один.

Рядом мама, командир,
Самый главный бомбардир.
Бомбы нам даёт она
И не мало, а сполна.

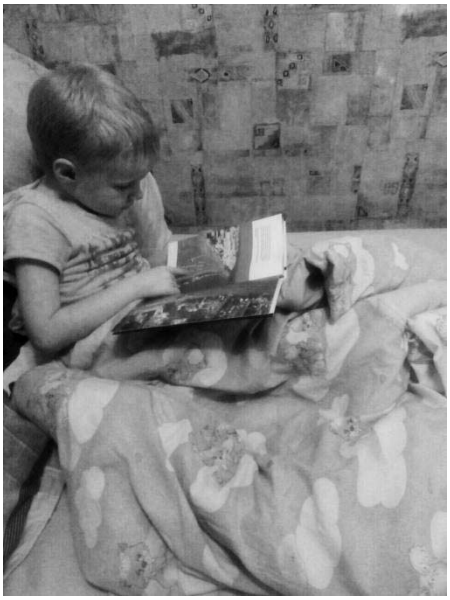


Бомбы важные — таблетки,
Пьют их взрослые и детки!
Тот, кто вовремя их пьёт,
Тот микробов всех убьёт.

Если кто-то возражает,
То она того ругает,
Говорит при этом нам:
Сколько надо, столько дам!

Если скажет кто — не надо,
Мама тут же строгим взглядом
Так посмотрит, что тот час
Каждый выпьет и не раз.

Тут должны мы заявить:
Мы таблетки будем пить
И противнейших микробов
Без пощады будем бить.



И зарядкой заниматься,
Суп любой всегда съедать,
Не ругаться, улыбаться,
Маму очень уважать…

Милый, славный сын, Андрей!
В шестилетний юбилей
Шлю тебе я поздравленья
И желаю всей душой,
Чтобы ты, без промедленья
Стал и сильный и большой!

Чтобы крепким рос, здоровым,
С физкультурою дружил,
Чтобы стал ты, одним словом,
Настоящий богатырь.

13 ноября 1981г.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, МОИ ДОРОГИЕ И ДАЛЁКИЕ!

Сегодня после занятий занялся отправкой вам посылки. Оказывается, отправить её также тяжело, как и ящик купить. Еле уложился в 5 часов, в том числе на самой почте в 2 часа. Письмо и посылка уйдут в Минск, видимо, одновременно, завтра с утра, но письмо, пожалуй, вы раньше получите. Мандарины в основном испанские, а маленькие и зелёные (их немного) — грузинские. Цена одинаковая — двухрублёвая. Не знаю только, может и в Минске их полно, как здесь? Но, надеюсь, вам не помешают.

У нас тут мороз сегодня до 15 градусов. Чувствуется. В комнате, правда, температура нормальная. Как-то дня 3 батареи не грели, то было похуже.

Напишите после получения посылки и письма мне хоть немножко, а до получения, надеюсь, тоже от вас получить письмо. Каждый день почту очень тщательно просматриваем, но письма там совсем редки. Да и я совсем никому не пишу. Курсовые всё мешают. Ещё один висит. Сегодня думаю приступить к нему.

Как Андрейка? Хорошо ли ест и хорошо ли поправляется?

Пишите, жду.

10.12.1981г. Папа.

ДОРОГИЕ МОИ, ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Ночь за окном, общежитие наполовину в сон погрузилось, и я, оторвавшись от курсового, чуть-чуть взялся написать вам. Устал немало, особенно глазам достаётся. Ну да ладно об этом. Усталость не самое страшное. Несколько поколебал меня вчерашний разговор телефонный. Пришёл вчера с телефонного узла, а через несколько минут Иван тоже с телефонных переговоров вернулся, но с другого телефонного узла. И такие мы разные были после разговора с домашними, что посторонний сразу же по состоянию нашему определил бы доподлинные слова, услышанные каждым. Да ладно об этом. Отошёл уже. Сегодня даже к курсовому приступил, не в пример вчерашнему вечеру.

Сегодня выходной, снег большой идёт, погода, говорят, хорошая, с 5 градусным морозом. Я выходной не смог по-

зволить себе. Время нет на эту блажь. 3 работы крупных надо сделать и сдача. А времени — 12 дней.

Завтра позволю себе потратить время на поиски подарка Ивану — к его сорокалетию, который послезавтра мы скромненько вдвоём отметим.

Домой попасть хочется побыстрее, так как надеюсь всё же, что меня хоть немножко ждут. Всего вам самого доброго. А в дополнительное напоминание о себе — отсылаю медвежонка вам.

До свидания.

Целую крепко.

13—14.12.1981г. Папа.

Андрейке, Людмилочке, Ниночке

Почему Мишутка весел?
Почему танцует он?
Потому, что интересен
Мир, в который он влюблён.

Он танцует, припевая:
— Эй, Андрейка, в круг пойдём,
Потанцуем, поиграем
И вдвоём с тобой споём.

И уже танцуют оба,
Оба песенки поют.
Устоять вдали попробуй —
Ноги сами в круг внесут.

Так и вышло, Люда тоже
Закружилась, как юла.
Ну, а мама, мама что же? —
В пляс, в присядочку пошла:

Ну кого же в танцах нету?
Кто на танцы — ни ногой?
… Это папа грустный где-то
Пишет, пишет курсовой.

Николай Шуман, Ленинград, 13.12.1981г.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, МОИ ДОРОГИЕ!

День воскресный. Полдень. Дописал о богатырях только, что-то и кратенько о себе напишу. Приеду, видимо, в пятницу или субботу. В четверг и пятницу у нас конференция, а я — в оргкомитете и докладчиком в четверг, поэтому не знаю, удастся ли в четверг вечером выехать. Но, может, договорюсь. Постараюсь.

Дел много. Полкурсового ещё. Сегодня-завтра заканчивать надо, а к конференции доклад ещё подготовить. К тому 2 дня — деловые игры и защита курсового по «анализу».

Вчера по экономике мне за активность на занятиях и за вчерашний доклад по экономике зарубежной (часа полтора докладывал) объявили пятёрку с освобождением от сдачи экзамена. На один экзамен меньше сдавать, это хорошо!

На этом всё.

До свидания.

После письма незамедлительно и я явлюсь.

До встречи, Папа, 20.12.1981г.

ГДЕ НАЙТИ БОГАТЫРЕЙ? (ПО МОТИВАМ ТЕЛЕФОННОГО РАЗГОВОРА С ШУМАН АНДРЕЕМ 12.12.81 Г. ЛЕНИНГРАД — МИНСК)

Мне сказал Андрей однажды:
— Слушай, папа, есть вопрос,
Повторять не буду дважды,
Надо, чтобы ты привёз
Не солдат и не матросов
Из-за тридевять морей,
Поважнее есть вопросы —
Привези богатырей!

И ответил папа:
— Есть!
Я по этой по причине
Для себя сочту за честь
Посетить все магазины
И найти богатырей,
Тех, что просит сын Андрей.

В самом первом магазине
Говорят:
— Необходимо
В магазин зайти другой,
Нет у нас их, дорогой.
Во втором сказали так:
— Не поможем мы никак.
Где у нас богатыри?
Сам возьми и посмотри.

Папа ищет, не находит
И, махнув рукой, уходит…

Вскоре он заходит в третий,
Где толпятся дружно дети.
Есть надежда на успех!
Только снова, как на грех,
Нету здесь богатырей
Для хороших для детей.

Что же делать, как же быть,
Этот как вопрос решить?

Папа так в раздумьях ходит
И такую речь заводит:
— Кто подскажет, где искать
Богатырскую мне рать?
Кто ответит, где найду
Богатырскую орду?

Старичок один ответил:
— Нету здеся таковых,
Тута их я не приметил —
Богатыриков твоих …
Слышал только я давече,
Дай Бог память, слышал что ж?
В общем, едь ты, человече,
В край далекий, там найдёшь.

А потом одна старушка
Говорит:

— Родимый мой,
А намедни мне подружка,
Что живёт там, за рекой,
Так рекла: не надо зря
Здесь искать богатыря.
Есть один такой. Он молод.
Хошь найти — в другой едь город!

Папа молвил тут в ответ:
— Вам спасибо за совет.
Ясно мне, что срочно надо
Ехать мне из Ленинграда.

Не далёкий путь, не близкий…
Папа взял билет до Минска…

Поезд папу в Минск везёт,
С нетерпеньем папа ждёт,
Скоро можно начинать,
В Минске молодца искать.

Папа в Минске.
— Друг прохожий!
Ты мне, может быть, поможешь
Отыскать богатыря?
Мне найти его пора,
Потому что сын Андрей
Ждёт давно богатырей.

— Так и быть, я помогу,
Подсказать тебе смогу.
Слышал я, тут есть один,
Сам езжай и погляди.
Ехать надо в детский сад.

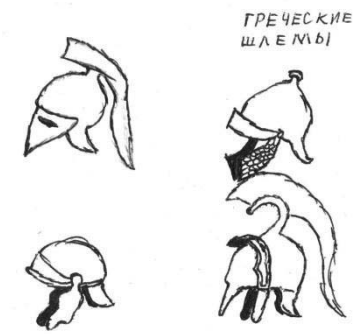
— Ну, спасибо, очень рад…
Воспитатели сказали:
— Мы такого воспитали!
Очень славный парень он,
Может будет — чемпион!

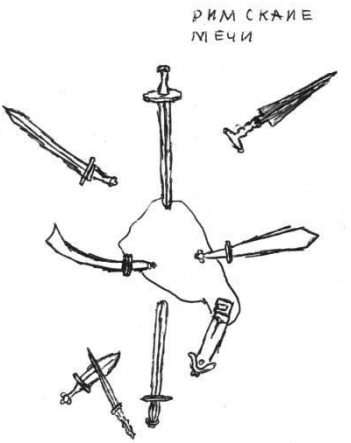
А живёт совсем он рядом,
Там, чуть дальше, за детсадом.

Ищет папа адрес тот,
Видит, женщина идёт.
Раскрасавица такая,
Что словами не сказать,
И, к тому же, молодая,
Лет ей, может, 25.
Но не более, конечно.
Папа к ней:
— Прошу сердечно
Мне про мододца сказать,
Где его мне отыскать.

И второй вопросик тоже:
Вы не скажете, быть может,
Мне о том, как Вас зовут?
И живёте где, не тут?

— Угадали, тут мой дом
И живём мы вчетвером.
А зовут меня как? Нина!
Ну ответьте, в чём причина?
Почему вопрос такой?
И зачем Вам адрес мой?
Но довольно отвечать,
Мужа я иду встречать…
Вы же, тощий и худой,
Проходите стороной.
Но постойте, Вас не вижу,
Во дворе здесь так темно,
Но знакомый голос слышу,
Будто знаю Вас давно.
Кто же Вы, прошу ответить.
Вас хочу я заприметить,
В светлый дом быстрей пойдём,
Я Вас там с богатырём
Познакомлю, так и быть.
Разрешаю проходить.





На этаж поднялись третий.
Папа справа дверь приметил.
Кнопка чёрная на стенке.
Папа звонит и спортсменка
Открывает дверь:
— Прошу,
Заходите, не держу,
Но сначала мне скажите,
Вам кого, кого хотите.

— Богатырь живёт не здесь?
— Здесь. А что?
— Он дома есть?
— Есть, иди сюда, Андрей,
Если можешь, побыстрей.

Свет в прихожей загорелся,
Папа быстро огляделся.
Видит, это сын Андрей,
Богатырь, с богатырей.

Ну а это — дочка, Люда.
Дочка, прямо скажем, чудо,
Ну а это — наша мать,
Как её нам не узнать!

Все от радости шумят,
Каждый встрече этой рад.
Говорят все вчетвером:
— Очень дружно заживём!

Если так — всем Новый Год
Много счастья принесёт…

Папа. Ленинград. 20.12.1981г.

АНДРЕЮ И ЛЮДМИЛЕ

Конфеты Дед Морозик взял
И на прощанье так сказал:
— Чтоб вы не ели их без толку,
Их завтра вывешу на ёлку!
Записал Папа. 30.12.1983г.

***

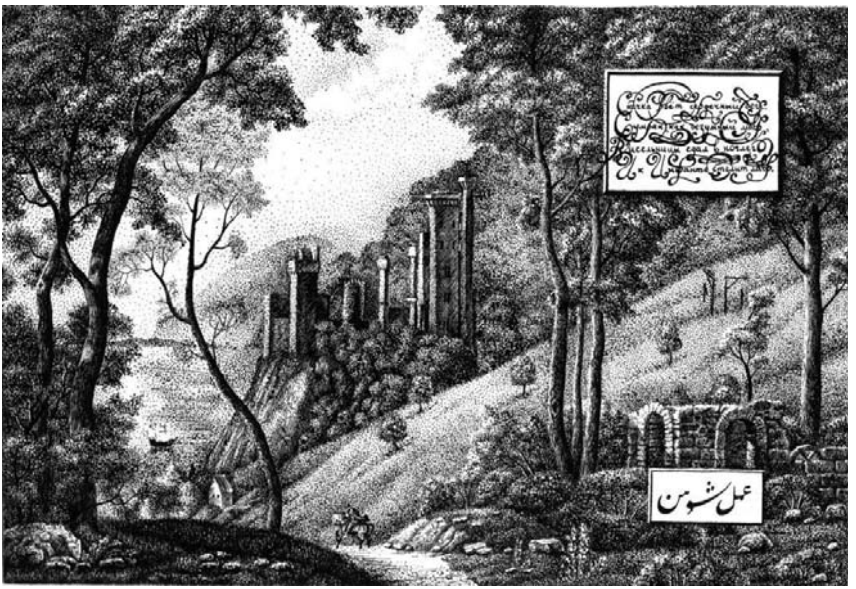
Не шастайте по улицам.
Кормитесь.
Не ленитесь.
Варенье варите.
Сырники печите.
Много спите.
Лене звоните.
В магазин сходите.
Чего-либо купите.
Деньги возьмите.
Потом мне их верните.
Меня ждите.
Если задержусь — не скулите.
Пустырник пийте.
В общем смотрите.
Рыб кормите.

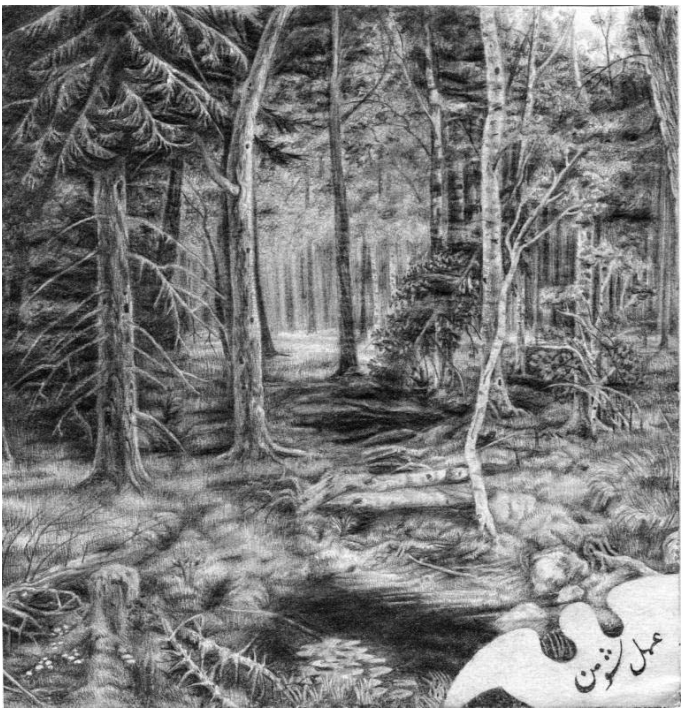
***

Когда смотришь на тротуар, где пляшут тени качающихся деревьев, освящённых вечерним фонарём, голова закружится и ноги запетляют, как у пьяного.

***

Самое активное слово — слово «почему». Благодаря ему человек расширяет свой кругозор, находит своё призвание. Грубо говоря: качество человека (величина его знаний) зависит от количества слов «почему», которые он поставил перед собой и нашёл ответ на них.


عمل شومن


عمل شومن

Дивный сон… О чём же он? О приключениях опасных и о друзьях прекрасных

Ленинград — 1981г.

Глава 1. О чудесах в дремучих лесах,
А вернее — о приключениях
Андрея и про его сестрицу Люду,
Весёлую повсюду.

Часть 1. Всё начинается с введенья.
Часть 2. А где же сами приключенья?
Часть 3. А приключенья тут как тут.
Часть 4. Куда пути друзей ведут?

Глава 1. О чудесах в дремучих лесах, А вернее — о приключениях Андрея и про его сестрицу Люду, весёлую повсюду

Часть 1. Всё начинается с введения

Однажды утром на рассвете
Проснулись дружно наши дети.
Но смотрят: что за чудеса —
Вокруг вода, вокруг леса…

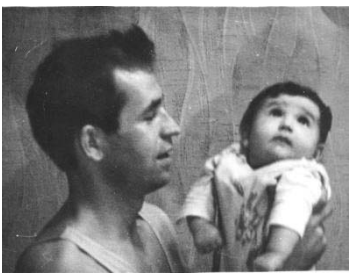
Андрей сказал:
— Так не бывает.
Вчера в кровать ложился я…
Сказала Люда:
— Кто же знает? —
Кровать отсутствует моя…

Решили оба чуть с опаской:
— А может мы в какой-то сказке?
(Ну что ж, друзья, вы угадали,
Вы в сказку добрую попали).

ЧАСТЬ 2. А ГДЕ ЖЕ САМИ ПРИКЛЮЧЕНЬЯ?

Людмила мило улыбнулась…
… Заметно сразу, что проснулась.

Андрей вокруг себя глядит:
Какой-то странный у Люды вид —
Одета будто бы индеец,
На голове перо торчит…
— Ха-ха, как в царстве Берендея, —
Андрей хихикнул и… молчит.
На Люду смотрит с удивленьем…
Смешно ей тоже стало вдруг:
— Да ты, Андрейка, без сомненья,
Индейцем стал, мой милый друг.
В руках твоих и лук, и стрелы.
И стал ты сильным, крепким, смелым.
— Вот это да, — Андрей сказал
И прямиком в лес побежал.



А там диковинок не мало,
Но удивляться не пристало…
Трава по пояс. Лес дремучий.
Река течёт. С огромной кручи.
Там зверь какой-то смотрит вниз.
(Смотри, зверюшка, не сорвись!)
И Люда тоже побежала,
Но вдруг от страха задрожала…

ЧАСТЬ 3. А ПРИКЛЮЧЕНЬЯ ТУТ КАК ТУТ

В железной клетке, под кустом,
Огромный лев большим хвостом
Тихонько в стенки клетки бьёт
И слёз немало горьких льёт…

— О, что пугаешься девица́,
Никто меня здесь не боится.
В плену сижу вот целый год.
Всё жду я, кто меня спасёт.

И тут Андрей вперёд выходит
И речь спокойную заводит:
— О, бедный лев, не плачь, я тут.
Скажи мне, как тебя зовут?
И знай, мы с Людою вдвоём
Тебя немедленно спасём.
Но ты от страха не дрожи,
А лучше правду расскажи.

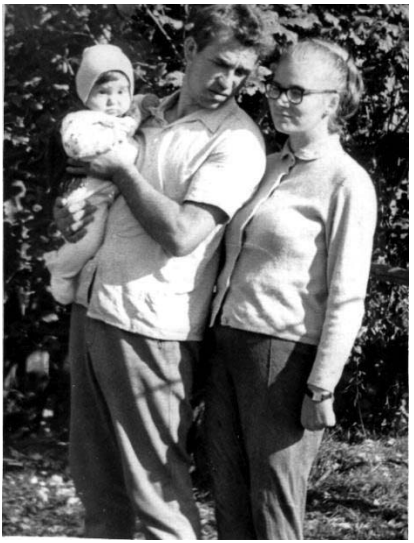
И лев вздохнул:
— Не торопитесь,
Меня послушать согласитесь.
Я тайну вам свою открою,
Как занимал я царский трон,
Как был похищен ведьмой злою…
А как зовут меня? — Буон.
Я расскажу вам всё, как было,
Всё то, что память сохранила.

Когда-то жил я на равнине,
Что между гор седых лежит.
И жил бы там я и поныне,
Где каждый мне благоволит.

Но был однажды бунт звериный
В лесу соседнем, за рекой,
Поскольку царь — Осёл Ослиныч,
Был царь совсем, совсем плохой.
Он глупый был и был трусливый,
Дела решал несправедливо.

Хоть в царстве малых обижали,
Но правды от царя не ждали.
Все знали — царь их не спасёт,
Не защитит. Наоборот.
Поручит дело он тому,
Кто их зашлёт потом в тюрьму.

Особо страшен был удав.
Он длинный был. Он был двуглав.



Его Рувимом, помню, звали,
Пред ним зверюшки все дрожали.

Всё потому, что был Рувим —
Злодей, обманщик, подхалим.
Продать он мог отца и мать.
Что можно от такого ждать?

Так вот, когда тот бунт поднялся,
Отец мой тоже в лес ушёл,
Царя поскольку не боялся
И на царя-осла был зол.

— Ты почему, — сказал он строго, —
Не защищаешь малышей,
Вокруг бездельников так много,
А ты не гонишь их взашей?

Помощник твой, Рувим двуглавый
Творит немало бед в лесу.
Тебя навеки он ославил,
За это трон я твой снесу.

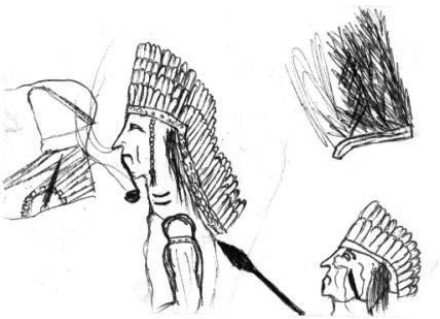
Да и тебя за слабовольность
Своей смещаю властью я.
Одну даю тебе возможность
Уйти подальше от меня.

Но тут Рувим, он не согласен.
Он льва пытался сбить хвостом,
Но льву был замысел тот ясен,
Он уклонился и потом
К земле обидчика прижал,
Да так — чуть хвост не оторвал!
Рувим, дрожа, тот час взмолился,
Рванулся в лес и тут же скрылся.

Все звери с радостью огромной
Сбежались мигом, как один.
— Ты добрый лев, ты смелый, скромный,
О, будь наш царь, наш господин.

Тебя мы слушаться готовы,
Мы страха сбросим все оковы,
Свободно, вольно заживём,
В лесу, который есть наш дом.

И лев, подумавши немного,
Сказал:
— Согласен, буду строгим,
Но справедливым буду я.
Такая заповедь моя.
Меня зовите царь Бутаз
И вот вам первый мой указ:
В лесу трудиться должен каждый.
А если нет, я так скажу
И повторять не стану дважды:
Лентяев крепко накажу.



Запомнить надо и другое:
В лесу не делайте дурное.
Всех тех, кто мал, не обижать,
А тех, кто стар, тех уважать!

… Буон вздохнул:
— Да, так всё было.
Но время быстро проходило.
И вот однажды царь-отец
Сказал:
— Будь, сынку молодец.
Я постарел, я ослабел,
А в царстве много, много дел.
Ты молод, крепок, мой Буон,
Давай, берись за царский трон.
Страной лесною управляй
И мой наказ не забывай:

Чтобы страною управлять,
Ты очень много должен знать.
И много должен ты уметь.
Вокруг со знанием смотреть.
Ещё ты должен сильным стать,
Чтобы зверями управлять …

И я старался. Много сил
На все науки положил.
Зарядкой много занимался
И сильным стал, как и старался.
Едой меня не баловали,
Я всё съедал, что мне давали.
И суп съедал и лук зелёный.
В чеснок и сало был влюблённый.

И так, однажды, день настал.
Царём страны лесной я стал.
Но я страной недолго правил…
В страну приполз Рувим двуглавый.
А с ним пришла его подружка,
Одна зловредная старушка,
В которой облик человека,
А звать её, кажись, Ревека.

И вот тогда-то на прогулке,
В лесном каком-то закоулке,
Отец Бутаз один гулял
И про беду свою не знал.

Его Ревека увидала
И в миг один околдовала
И превратила в паука,
Сказав: «Живи таким пока».
Об этом мне совсем недавно
Поведал друг — комарик славный…

Потом в мой дом они подкрались,
В воду бросать таблетки стали,
В которых сонные микробы.
Зачем? Заснул быстрее чтобы.

Всё так и вышло, как хотели.
Воды я выпил, но к постели
Я не дошёл, свалился вдруг.
Позвать не смог я даже слуг.
Любимых двух волчат моих,
Которых раньше усыпили.
Куда ждать помощи от них?
Они ж — беспомощные были.

Андрей сказал:
— Буон, постой,
Не знал, что ль, способ ты простой,
Не знал чего микробам страшно,
Не знал ты, что для них опасно?
— О, друг Андрей, — Буон сказал, —
Я это помнил, это знал…
Но в день начала страшных мук
Забыл поесть зелёный лук.
Он мне помог бы без труда
Убить микробов навсегда.

Вздохнула Люда глубоко:
— Пить надо с пенкой молоко.
А для того пить надо, чтобы
Подохли быстро все микробы.
Мне мама это говорила
И я, представь, не раз так пила.

Буон за ухом почесал
И напоследок так сказал:
— Когда заснул я от таблетки,
Меня втолкнули в эту клетку,
Закрыли двери на замок.
Такой был горький мне урок.
А ключ с собой взяла Ревека,

Сказав: «Сиди ты тут полвека».
И вот сижу я долго здесь,
Тайком мне звери носят есть.
Царём же стал удав двуглавый.
Бандит такой, каких есть мало.

Андрей махнул рукой:
— Всё ясно.
Сиди спокойно, не тужи.
С Людмилой тут мы не напрасно.
Рувим с Ревекой пусть дрожит!

Тебя, Буон, покинут беды,
А нас ждут славные победы.
Андрей с Людмилою вдвоём
Идут тропинкою лесною,
Тем неизведанным путём,
Их приведёт который к бою...

Но как Ревеку им найти,
Чтоб ключ изъять и льва спасти?
Где дом её, где ключ лежит?
Андрей торопится, спешит.

— Но что за шум над головой.
Постой, Людмилушка, постой!

Людмила стала. Вверх глядит.
Там… пень осиновый летит,
Похожий чуть на дирижабль,
Чуть на космический корабль.
Старушка там на пне сидит,
В трубу подзорную глядит.
И корни в руки взяв как руль,
Мурлычет песенку: «Буль-буль,
Тарам-турты, тара та-та…»
А рядом кто? Кот без хвоста!
Без уха даже, глаз косой
И как положено — босой.

Соседке что-то шепчет в ухо,
Видать, что дружит со старухой.
А та ему:
— Молчи, хромой,
Быстрее надо нам домой,
Я слышу запах человечий.
Да не свались. Держись за плечи,
Помощник мой, хромой Чуран.
Есть у меня чудесный план:
Давай в ловушку их заманим
И колдовством их одурманим.
Кажись они, без шума, звона,
Хотят спасти царя Буона.
Но друга нашего, Рувима,
Нам защитить необходимо.
По колдовству я так тоскую…
А тут, Чуранчик, как на грех,
Забыла трубку колдовскую,
С которой я сильнее всех.
Итак, Чуран, домой, домой,
Нас ждёт, поверь, приятный бой.

Андрей ужасно разозлился,
С плеча снимает с ходу лук.
И хвост стрелы мгновенно взвился
И в пень осиновый вонзился,
О чём поведал громкий звук.

Ревека с пня чуть не слетела.
— В чём дело, — пискнула несмело, —
Ты что, пенёк, так задрожал?
— Беда, — со стоном кот сказал.
И на стрелу дрожащей лапой
Он показал и вдруг заплакал:
— Пришёл конец теперь двоим…
Куда сейчас мы улетим
На пне, стрелой насквозь пробитом?
Он стал — дырявое корыто.

И зарыдал опять Чуран.
— Что мелешь ты, хромой болван?
Но на стрелу вмиг поглядела,
И тут же сразу обомлела,
И заикаться стала вдруг:
— Ой, ху-до, мой зло-дей-ский дру-г.
И громко так заголосила:
— Ты по-ни-маешь, де-ло в чё-м,
Там, в п-не не-чиста-я есть си-ла,
А с ней на-м бе-ды ни-по-чём.
Но этот пень стрела пробила
И льётся из него та сила.
Но может мы домой дотянем?
Людей сильнее мы там станем,
О, нам до трубки бы добраться,
С людьми смогли б мы рассчитаться…

Андрей с Людмилой всё видали.
Как в пень попала их стрела
И громогласно закричали
На весь дремучий лес:
— Ура!

Понятно стало, что теперь
Быстрее тот откроет дверь,
(Ту, за которой ключ лежит),
Кто к ней быстрее добежит.

На пне теперь не улетишь,
С него легко теперь слетишь.
Так что, Ревека и Чуран,
Не выйдет ваш злодейский план!

И в самом деле, пень всё ниже,
К земле с минутой каждой ближе.
Вот-вот на землю упадёт.
Но злость Ревеку тут берёт …

— Ты что снижаешься, чурбан,
И так летишь, как будто пьян?

Корабль зачем мне нехороший?
Не полетишь — в огонь заброшу!

Но пень осиновый молчит,
Стрелой пробитый, вниз летит.

Андрей с Людмилой наблюдают,
Что будет с пнём, они не знают,
Но через несколько минут
Их новостей потоки ждут.

И новость главная, конечно:
Свалился пень в дали лесной,
Но время очень быстротечно,
Вперёд — к избушке колдовской!

Сказали так и побежали,
Да так, что пятки засверкали…
А в этот час, в минуту эту,
Чуран с Ревекой у реки,
Чертовской злобой подогреты,
Свои считали синяки.

— О, сотня дьяволов, а как же
Домой добраться нам быстрей!
А это очень, очень важно,
В избушке раньше быть людей.
Давай, Чуран, беги к удаву,
Пусть наведёт он переправу,
Иначе нам не хватит силы,
Реку широкую осилить.
Я ж позову орла, который
Поднимет нас повыше в горы,
К избушке нашей принесёт
Меня с тобой, облезлый кот.
Но до орла идти не близко.
Он высоко в горах, а низко
Он не летает никогда.
Не обойтись нам без труда.

Всё ясно стало, кот вперёд
Поковылял хромой походкой,
Он знает, где Рувим живёт —
Там, в камышах, под старой лодкой.
Не близко это, вот беда,
Но кот идёт, идёт туда,
Туда, где спит Рувим беспечно,
Беды не зная их, конечно,
Да и своей беды не знает,
Совсем не в курсе, что в лесу
Его противника спасают,
Свободу что ему несут.

Противник ясно кто — Буон,
И вскоре будет он спасён!
И вот стучится кот к Рувиму:
— Открой быстрее дверь свою,
Поговорить необходимо,
Услугу нам представь свою.

… Рувим на стук кота проснулся,
Зевнул, легонько потянулся
И молвил хрипло:
— Кто посмел
Меня отвлечь от сонных дел?
Меня будить в моём лесу?
Нахалу голову снесу!

Кот дрожью мелкою покрылся.
Но в камыши он нет, не скрылся.
А слово в слово повторил …
Рувим послушал, отворил.

— Ну, заходи, Чуран, сейчас
Я соберусь и через час
Вас через речку переправлю.
За вашу преданность — вас славлю.

… А в это время, речки мимо
Андрей с Людмилою идут,

Но у реки непроходимой
Они никак брод не найдут.

— Куда усилия направим,
Давай подумаем, Андрей?
Быть может надо переправу
Соорудить нам побыстрей?

— Пожалуй, верно предлагаешь.
И я придумал вот что. Знаешь,
С тобой нам надо плот построить.
— Согласна, это сделать стоит.

И вот работа закипела
Пошли сухие палки в дело,
Деревья даже в ход пошли.
Для связки их потом нашли
Лианы длинные, как трос.
И плот готов. Андрей — матрос.
С шестом на этот плот заходит
И взглядом речку всю обводит
И видит что же — в камышах
Заметно тень мелькнула чья-то,
А камыши дрожат, дрожат,
Как будто в чём-то виноваты.

— Послушай, Люда, неспроста
Я вижу шерсть того кота,
С Ревекой что на пне сидел
И вниз так славненько слетел.
Не замышляют ли чего-то
Чуран с Ревекою вдвоём?
Садись быстрей и нашим плотом
На берег дальний поплывём.

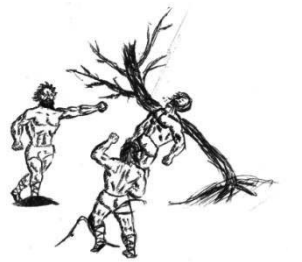
Шестом работали упорно,
И стал послушен плот руке.
И заскользил, поплыл проворно
По неспокойной той реке.
Плывут, гребут, конца не видно.

Река бурлит, шумит вокруг
И будет крайне им обидно
Опередит Ревека вдруг.

А берег так далёк заветный!
Стараний много потому,
Но вздрогнул вдруг Андрей заметно.
На нос комарик сел ему.
— Людмила, хлопни ты пришельца.
Смотри, уселся мне на нос.
Смахни его ты полотенцем,
Чтоб ноги он быстрей унёс…

Смешно Людмиле. Вид забавный.
Смеяться только нету сил.
Но вдруг:
— Комарик это ж славный!
О нём Буон нам говорил.

Комарик пискнул что есть сил:
— Да, это я!
И попросил:
— Меня послушайте сейчас,
Есть новость важная для вас.



Там, в камышах, где дуб огромный
Стоит, склонившись над рекой,
Там замышляет кот бездомный
Вдвоём с Ревекою разбой.
Они хотят вас погубить,
А плот ваш сжечь и потопить.
Дружок у них есть — крокодил:
Ума не много — много сил.
Его-то вы остерегайтесь!
Удачи вам большой, прощайте!
А если я вам нужен буду,
То позовите: К нам, Ичу!
Меня тот час найдут повсюду,
И я к вам тут же прилечу.

Сказавши так, мгновенно скрылся,
Ещё быстрей, чем появился.
А плот, он знай себе, плывёт,
Плывёт тихонечко вперёд.
Андрей с Людмилою гребут,
Хотя уж знают, что их ждут …

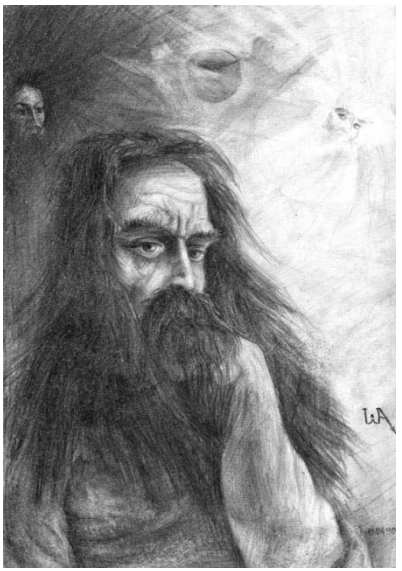
… А так и есть, их с нетерпеньем
Ждут не дождутся два дружка,
Как раз, где бурное теченье,
Как раз, где омут у реки.
А плот плывёт, но очень вскоре
Он как-то странно заскрипел,
С рекой как будто он заспорил,
Как будто он на камень сел.

— Андрей, в чём дело, погляди,
Что держит нас там впереди?
И в самом деле, плот ни с места,
Остановился, не плывёт,
Стоит, как будто под арестом.
Случилось что? Кто разберёт?

Андрей внимательно обходит
Дрожащий плот и вниз глядит…
Там под водой не камень вроде,
Там крокодилий глаз блестит.

— Неужто он? Ах, проходимец,
Что здесь тебе необходимо?
Ты хочешь плот наш повредить?
Поберегись, кто нам вредит!
Тебя я так не отпущу,
Тебя я славно угощу!
Падай мне, Люда, шест сюда,
С ним рассчитаюсь без труда!

Но крокодил ничуть не ждёт,
Лианы он зубами рвёт,
Со злом по брёвнам бьёт притом

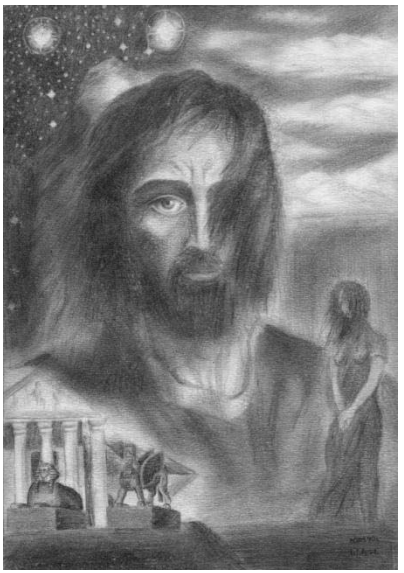


Своим огромнейшим хвостом,
Пытаясь плот совсем сломать
И в плен друзей плывущих взять.
А плот дрожит, трещит и гнётся,
Того смотри, перевернётся.

А сверху чёрный ворон кружит.
Известно: Он Ревеке служит.
В когтях большой горящий факел,
Которым хочет плот поджечь,
Андрей взглянул, чуть не заплакал:
— Плот этот надобно сберечь,
Иначе быть большой беде,
Иначе с Людой быть в воде.

Часть 4. Куда пути друзей ведут?

— О горе, плот совсем разрушен!
—
Тот, что друзьям был очень нужен.
Андрей с Людмилою в пучине,
Идут ко дну — в речную тину.

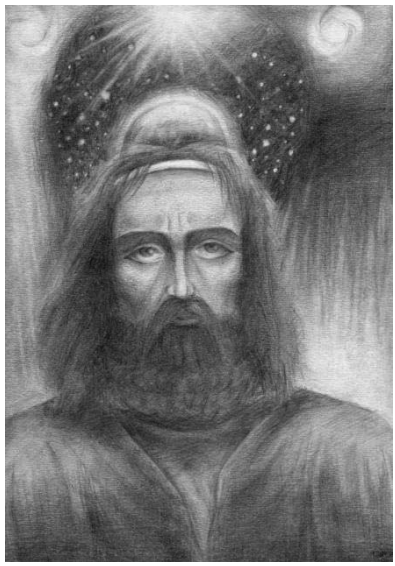


И вот друзья на самом дне…
Остались здесь наедине.
Спустились вниз, как кирпичи,
Спасенья нет, как не кричи...

А крокодил с горящим взглядом
Безжалостно разинул пасть
И заглотнул их в плен зубчатый,
Причмокнув, будто дети сласть.

Но не пугайтесь. Он не съел их.
Его отправили поймать
Детишек смелых и умелых,
Чтоб в крепкой пасти удержать.

Ревека руки потирает —
Ей в плен доставили детей.

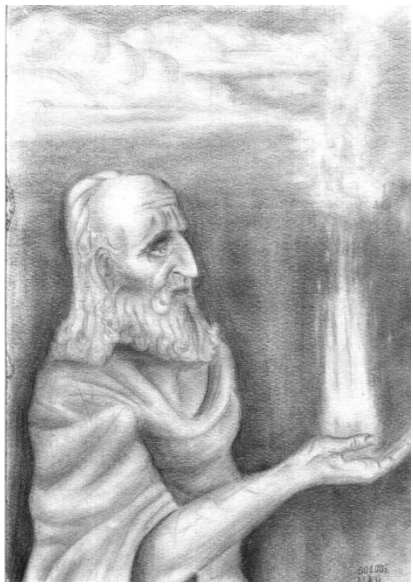


Она коварно замышляет
Их превратить в лесных зверей.

— Кем быть сейчас я вас заставлю?
Мышонком? Белкою? Кротом?
В животной шкурке вас оставлю
Страдать в безвестности, тайком.

— Пусть выхухолью будет Люда.
Теперь её кругом не взлюбят.
Андрей — мышонком, так и быть.
Уж сильному ему не слыть.

Андрей с Людмилой чуть не плачут.
В лесу навечно их запрячут.
Рувим, однако, очень рад.
В лесу прибавится зверят.



Но вдруг разверзлись небеса!
И пламя солнечное вышло.
Столпом огня слепит глаза.
Грохочут громом голоса
Так, что себя уже не слышно.

Огонь с небес ударил в землю,
Вдруг запылал терновый куст.
Чуть слышен тонких веток хруст.
И голосам уж всякий внемлет —
Тем, что из пламени гремят
И слушать каждому велят:

— Замри, Рувим, как же ты гадок!
Стоять с Ревекой вам в углу.
Чуран, и твой удел не сладок.
Сейчас согну я вас в дугу.

Тот голос был мужской и строгий.
Второй же женский был и кроткий:

— Андрюша, здравствуй, ты в порядке?
И делал ли с утра зарядку?

А зубы чистил? Умывался?
И почему сейчас без шапки?
Или ты с ней в пути расстался?
Немножко, вижу, замарался.

— Людмила, доченька, привет.
Жду от тебя скорей ответ.
Ты так устала, так печальна.
Не захворала ли случайно?

— Ах, дети, чтобы не случилось,
Какие б страхи не приснились,
Мы с папой вас всегда спасём.
Нам все проблемы нипочём.
И тут мы сразу очутились,
Как только сердце защемило,
Что нужно нам скорей вдвоём
Прийти на помощь здесь в беде,
Чтоб быть несчастьям в стороне.

Их силуэты проявились
Из ослепительных лучей —
Так мама с папой объявились
Призвать к порядку всех вещей.

Рувим с Ревекой разрыдались.
Прощенья просят всей душой
За то, что звери угнетались
Их волей вредною и злой.

Чуран и все другие слуги
Стоят в углу и тоже плачут —
Так чувств своих совсем не прячут.
И просят взять их на поруки.

Им папа лекцию читает,
Что скверно быть плохим и гадким.
Толстого часто вспоминает
И научает их порядку.

Бутаз с Буоном на свободе.
Все звери на счастливой ноте
Воспеть готовы смерть невзгодам
И следовать толстовкой моде.

Андрей с Людмилой очень рады
Их мама с папою спасли
Из света яркого пришли,
Чтоб быть с детьми своими рядом.

Тут мама голосом родным
Так детям говорит своим:
— Я угощу вас чаем с мёдом
И приготовлю бутерброды.

Мамочке Нине и сыну Андрею! Шлём мы вам ныне свою Одиссею…

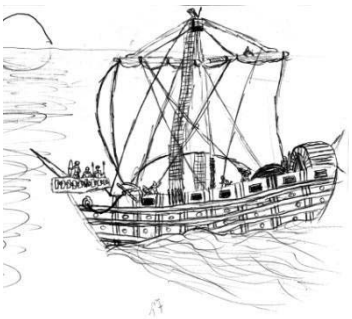
Письмо на Юг для вас
Мы пишем с Севера.
У нас метель, мороз и холодно.
Погодушка для волка разве серого
И для волчат его зубастых заодно.

На улицах сугробы —
Горы Крымские.
В берлоге зверь и тот, поди, притих,
А ветры дуют прямо сатанинские,
Спасенья нет на улице от них.

К чему пишу о вьюге
Замороженной,
Которой нас тут потчует февраль?
Да потому, что Югом завороженный,
От нас который так далёк. А жаль!

Вы бродите, небось,
У моря Чёрного,
Где волны пенятся и брызги — до лица.
И не хватает вам для счастья разве полного
Меня ещё — красавца, молодца.

Да Люды нет,
Большой такой помощницы.
Вам с нею было б тоже веселей.
На берегу морском, в естественной песочнице,
В солдатики-матросики играл бы с ней Андрей.



За хвост медуз
Таскали бы уверенно,
И камешки бросали б вдоль волны,
А мама бы ворчала:
— Преднамеренно
Меня расстроить будто вы должны.
Сидите, успокойтесь,
Расходилися,
Волной, того гляди, кого ещё слизнёт,
Как будто черти в вас сейчас вселилися,
Иль превратились вы в чертей, наоборот…

Но что мечты?
Пускай они и сладки.
Действительность рассудит честно нас.
У вас свои, у нас свои порядки,
Там тёплый Юг, а Север тут у нас.

У вас обеды —
Пальчики оближешь!
Понятно нам — на то и ресторан!
А тут не так. Пока строку напишешь,
То слюнок проглотишь поди стакан.

Надежды нить
Сквозь голод еле со́чится,
И мы не знаем, право, как нам быть.
Обедать до зарезу прямо хочется,
Да некому обед нам тот сварить.

И холодильник обеднел
На удивленье,
Он пустотою торричеллиевой звенит.
Крупу, картошку съели и варенье
Последнее на нас уже с тоской глядит.

А пыль какая? Среднеазиатская!
Когда «афганец» на́ землю дохнёт.
Была бы дисциплина тут солдатская,
А так… Ну кто, ну кто ту пыль смахнёт?

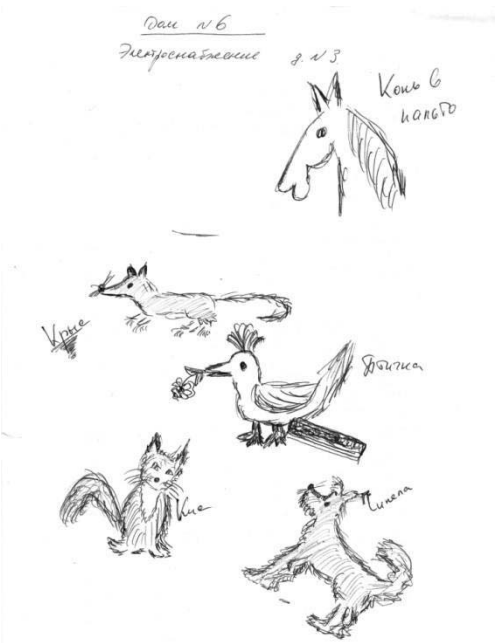
На кухне шторм, как будто
Черноморский,
Гремит, поёт, шумит на все лады́.
К нему привыкли. Шум тот не заморский —
То неисправный кран, который дал воды…

Вот так живём,
Не тужим и не плачем,
Скучаем только. Худо нам сейчас.
А дни идут так медленно, тем паче,
Что десять дней нам жить ещё без вас.

Но с Людой мы
Терпенье сохраняем.
Ты, мама, нас учила так. Не зря!
И ежедневно аж по три листка срываем
Худеющего в раз календаря.

Писали: Папа Коля и дочка Люда.
Вы нас не видите оттуда,
Но это, право, не беда —
Вы в сердце нашем навсегда.

18.02.1984г.



ЛЮДА, ПОЗДРАВЛЯЕМ

В этот добрый день весенний,
Майский день, притом седьмой,
Для Людмилы поздравленье
Мы готовили семьёй.

С днём рождения, Людмила!
Скажем без обиняков:
Дарим мы, как ты просила
Пару славных хомяков.

Пусть они тебе помогут
Домоседство развивать,
Сокращать домой дорогу
И примерной дочкой стать.

Их двоих, чей цвет — какао,
Вдалеке не забывай,
Говори почаще: «Чао!»
И пореже чтоб: «Гудбай!»

Вот такие наставленья.
В них — родительский искус…
Ну, а шутку в день рожденья
Намотай себе на ус.

Мама, папа, Андрей.
07.05.1989г.

КОТ И СОБАКА

Кот с собакою дружили —
Вместе ели, вместе пили,

Вместе бегали гулять
И ложились спать в кровать.

Утром вместе поднимались
И зарядкой занимались.

А потом пошли купаться.
Стали разом кувыркаться.

Стали плавать и нырять —
Рыбок маленьких пугать.

Нагулялись, накупались
И на берег вмиг помчались.

Полотенце оба хвать —
Стали уши протирать.

Полотенце кот забрал
И собаке в ухо дал.

Пять сестёр

В сказочном городе на улице Дружной жили сёстры. Старшую звали Единица, а младшую — Пятёрочка. Средних сестричек звали Двойка, Тройка и Четвёрка.

Родители, уходя на работу, сказали старшей дочери: «Сходи в магазин за продуктами и обед свари». И ушли.

Вздохнула Единица: «Ох, как не хочется работать и гнуть свою спину. Так и фигуру можно испортить». Подозвала Двойку и говорит: «Сходи в магазин. Мне что-то нездоровится». А Двойка не слушает. Всё у зеркала крутится. Посмотрит на своё изображение и радуется, что на Пятёрку похожа. А потом отвечает: «Я в математике слаба. Деньги считать не умею. Не пойду. Пусть Тройка сходит».

Без охоты пошла Тройка. Ждали её, ждали, а её всё нет. Посмотрела в окно Пятёрочка, а там Тройка на небо смотрит и ворон считает. Про магазин забыла.

Взяла Пятёрочка деньги, сумку хозяйственную и говорит: «Четвёрка, давай мы сходим». Согласилась Четвёрка. Через час после магазина и обед сварили. И даже старших сестёр накормили. А зря!

ДОРОГОЙ ЖЁНУШКЕ И МАМОЧКЕ — ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЕ

Заждались, заждались…
Надо честно сказать,
Правде глядя в глаза,
В том сознаться.
И опять, как когда-то
Слова родились:
— Нам бы день простоять,
Нам бы ночь продержаться!

Три недели — не срок,
Если ждать, вспоминать,
Если верить, что можно
Дождаться.
Почему же тогда
Повторяем урок:
— Нам бы день простоять,
Нам бы ночь продержаться!

Может дело всё в том,
Что смогли мы понять:
Ежедневно нам надо
Встречаться.
Чтобы в нашей семье
Мы могли вчетвером
Друг за друга стоять,
Друг за друга держаться!

Скучающие Людочка и Андрюша и Николай. 27.09.1982г.

ДОРОЖНОЕ НАПУТСТВИЕ ПЕРЕД ТУРПОЕЗДКОЙ В ЯСНУЮ ПОЛЯНУ

Совершая дальний путь,
Следуй правилу простому:
Как приедешь, не забудь
Поклониться Льву Толстому.

Человечество любить
Он умел самозабвенно,
Чтоб на белом свете жить
Всем и честно, и смиренно.

Поклонись. И впредь сама
Будь покорность и смиренье.
(Непослушных женщин тьма.)
Стань приятным исключеньем!

31.03.1988г.

Соседские страдания. Разговор соседки Кудряшовой М. К. с Шуман Н. А. Осень 1983г.

— Что, соседушка, в слёзы, как в воду
Окунулась вечерней порой?
Поделись, расскажи, может с ходу
Мы покончим с бедою твоёй.

— Ой ты, Нинушка, сил моих нету
И спасенья мне нету, поверь.
Мой пропойца любую монету
Пропивает, как выйдет за дверь.

Приволочится к ночи до дому,
Пользы — что от козла молока …
Криком вся изойдусь. По-другому
Не могу с ним общаться пока.

— Константиновна, так-то не надо.
Тяжело-то с хмельной головой
Всё-то выслушать. В том и преграда
В отношеньях семейных порой.

Ты не плачь, не горюй, не печалься.
Женской доли известен удел.
Ручейком перед ним разливайся,
Чтобы он тебя лаской согрел.

Будь внимательной, кроткой и чуткой,
Чтобы он благовел пред тобой.
С добрым словом к нему, с прибауткой
Подойди, он и станет другой.

Будь как реченька та, что петляет
На изгибах, да тихо журчит,
Знай — она прямотой не страдает,
Обойдёт, если что, убежит.

И приветливой будь, словно море,
По которому весело плыть,
Чтобы вам на житейском просторе
Было радостно жить, не тужить.

— Хорошо говоришь, дорогая,
И во многом, конечно, права.
Может участь твоя не такая?
О себе рассказала б сперва.

Объяснительная записка кошки по кличке Алиска

Я, Алиска, малость загуляла
И за то прошу меня простить.
Что от вас по глупости сбежала.
Обещаю впредь не уходить.

Жизнь кошачья во дворе не в сладость,
Каждая собака — словно зверь.
В зубы не попалась — вот и радость,
Если вдруг ещё открыта дверь.

Для Солохи с Долей пусть наукой
Будет этот горький мой урок.
Верность измеряется разлукой,
А удел разлученных — жесток.

Это мне сейчас понятно стало,
Что очаг домашний и уют
Покидать и кошкам не пристало.
Счастье только вместе берегут.

Алиска. 23.09.1994г.

****

— Напиши мне, пожалуйста, стих.
Хочешь, к празднику мне напиши, —
Голос твой умоляюще тих,
Он листвою осенней шуршит.

— Напиши мне, пожалуйста, стих…
За столом я склонившись сижу.
Что тебе в этот час, в этот миг,
Что тебе, дорогая, скажу?

Чем порадую сердце твоё,
Огорченья твои чем сниму?
Час полночный тихонечко бьёт,
Не даёт мне заснуть одному.

На бумагу ложатся слова.
Их, как птиц одичавших ловлю.
Мысль одна в них, как вечность жива:
— Я тебя дорогая люблю!

Где такие слова мне найти?
Чтобы в них благодарность мою
Словно в дар мог тебе поднести —
Верность, честность и нежность свою.

8 марта 1983г.

****

Ждёшь ли письмецо ко дню рожденья?
Я условно посчитаю: Ждёшь!
Но с каким, кто знает, настроеньем
Это поздравление прочтёшь?

То ли ты махнёшь рукой с досады:
— Ах, как длинно… Где же только мысль?
(Чтоб гостям незванным были рады.)
Надо ль, чтоб в твою входили жизнь?

То ли улыбнёшься чуть заметно
И воспоминаний тень мелькнёт.
Тех, порой что гаснут неприметно.
Словно звёздный, утром, небосвод.

Всё загадка. Тайна в семь печатей…
В сто секретов сторожем-замком
Можно оградиться. Только, кстати,
Не от тех, с тобою кто знаком.

Поздравленье если не в угоду,
Ты тогда скажи тихонько:
— Пусть…
И прости, в твою что бочку мёда,
Каплей горькою — отчаянная грусть.

4 Июня.

****

Я придумал женщину такую,
О какой давно уже мечтал.
И теперь по ней я так тоскую,
Как давно уже не тосковал.

Снится часто мне она ночами:
С волосами — веточки берёз,
С неба незабудками-глазами,
Влажными от предрассветных рос.

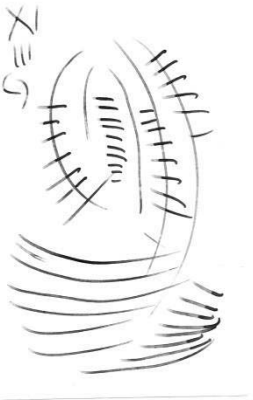
Что ж, портрет любовью нарисован.
Я хвалу себе за то воздам.
Но вопрос: Кому он адресован?
Предназначен для какой из дам?

Долго и мучительно терзаюсь,
Мысли пляшут дикий хоровод.
Где и кто? Ответ найти пытаюсь.
Мне его как раз не достаёт.

Строчки

Сказать сегодня правду мне изволь:
Неужто строчки причиняют боль,
Что писаны открыто от души?
Сказав, на сердце руку положи.

Не знать всю правду очень тяжело.
Пером, быть может, причиняю зло?
За что прощенья надобно просить:
Винить легко. Трудней виновным быть.

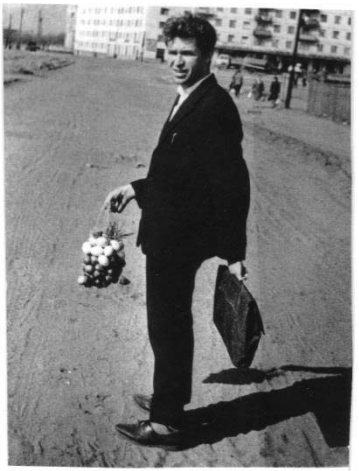


Что ж, надо быть готовым ко всему.
Будь искренней и я тебя пойму.
Прерву, коль надо, строчек хоровод
На месяц, два, или на целый год.

Писать поскольку, видимо, старо,
Не лучше ли совсем сломать перо?
Что? Мысли на бумаге — грех велик?
Но что-то, ведь, молчать мне не велит.

Или слова годны лишь для потех,
А мысль серьезная уже великий грех?
Но что ж тогда открыто для писанья?
И что обетом служит для молчанья?

… Молчи, терпи, и чувства все в кулак?
Сожми — спокойнее намного будет так?
Превратно не поймут и не ругнут за слово.
Не привлекут и не пошлют. Но это и не ново.



Улиткой быть удобней молчаливой.
Ползи себе довольный и счастливый.
Ведь говорят в народе неспроста:
«Беда, когда развязаны уста…»

Зачем пишу, порой и сам не знаю.
Зачем я в строчках мысли излагаю?
Зачем сомнений каждый раз соцветье?
Возможно ли на это всё ответить?

Пишу… Вдруг строчка что-то приоткроет,
И, значит, чтец богаче станет вдвое.
А если мысль к тому ж разбудит,
То у читающего что-нибудь прибудет.

И чувства станут чище и душа,
Коль строчка попадётся хороша.
Ну, а плохая попадётся невзначай,
Её — поганку — что ж, не замечай.

Противоречий узел разрубить,
Враз не дано, но всё же как же быть?
Словесных упражнений не приемля,
Ты стимулируешь писанье в то же время.

Упрям вопрос: писать или же нет?
Пожалуй, да! Но есть другой ответ:
«Молчанье — золото, не зря гласит молва».
Быть может в чём-то и она права?

… Читатель мой и критик мой, скажи:
Ну чем же строчки «те» не хороши?
Не буду на тебя в обиде, что ж,
Сам знаю: «Что посеешь, то пожнёшь…»

***

Для многих не существует вопроса: писать или не писать? Они знают, уверены, что писать будут, даже если это Писание будет приносить одни неприятности, разочарование и недовольство собой; но если возможность для них писать — это счастье, то будут ли они счастливы, если посмотрят на себя глазами беспристрастного ленивого читателя: чувствуя, что в их душе, их же строки, не вызывают ровно никакого чувства, не затрагивают чувствительных струн, наиболее легко откликающихся на воздействие извне. И беда, если они этого не знают и не смогут узнать. На себя же иногда жизнь заставляет взглянуть!

Загадка

Для чего существуют загадки?
Дело ясное, чтоб они,
Поиграв немножко в прятки,
Нам раскрыться полней могли.

Чтобы тайной слегка озадачив,
Мысль будили вперёд и вспять,
Подзадорив того, кто удачлив,
Неприступную крепость брать.

Не робей, мол, назад не пристало, —
Голос внутренний всё поёт, —
Трудным было всегда начало.
Смелость, знай, города берёт!

Монолог был совсем не краток.
Такой трудно испить до дна;
Знаю: много на свете загадок,
Но загадочней всех одна.

Та загадка, она вот — рядом.
И о ней лишь сегодня речь.
С волосами, что вниз водопадом
Расплескались с округлых плеч.

Смотрит весело и искрометно,
А в большущих глазах — огни.
Жгут ласкающе и незаметно,
Как магнитом влекут они.

Притяжение то не измеришь,
Не затронувши чувств струну.
Тот, кто в магию даже не верит,
То поверит он в глаз глубину.

А улыбка — само вдохновенье
На припухших слегка губах,
То задержится вдруг на мгновенье,
То опять прочь бежит второпях.

И природа не зря трудилась,
Изваяв так искусно стан.
Ну а может ты вся приснилась,
Как источник душевных ран?

Вот такая «загадка» рядом.
В то же время она далеко,
С неразгаданным томным взглядом,
С сердцем, что приоткрыть нелегко.

Явь смешалась совсем с мечтами,
Дав для грусти немало причин.
Сердце то за семью замками,
А вот ключик к нему один.

Ключик тот не простой, конечно.
Только дело совсем не в нём,
Тайн немало ещё сердечных,
Что решаются лишь вдвоём.

… Нелегко быть знакомым вприглядку.
Обобщений как тут избежать?
Знаю главное: эту «загадку»
Без взаимности не разгадать.

Встреча

Нежданно и негаданно явилась.
Как будто кто улыбкой одарил.
И пусть недолго то мгновенье длилось,
Его я с благодарностью прожил.

Виденье чудное — и только,
Особенно когда его не ждёшь …
Мне говорить бы долго, без умолку,
Но ты, боюсь, не так меня поймёшь.

Свиданье

От свиданья до свиданья была вечность.
Дни и годы табунами пронеслись.
Может быть твоя в том бессердечность,
Иль моя наивная беспечность,

Что дорожки не́ пересеклись.
Две судьбы всего, две жизни. Параллельно
Пролетели вдоль по Млечному Пути.
Недоумевая откровенно,

Как в одной, казалось бы, Вселенной,
Им друг друга было не найти.
Где-то счастье затерялось, как песчинка,
И пока мечта о встрече не сбылась,

Я спешу заветною тропинкой,
Чтоб надежда белой паутинкой
С бабьим летом вновь не унеслась.
Но зима всё по-другому рассудила,

Бы́ла так она внимательна к мольбе.
За терпенье верой наградила,
И весну в душу мою вселила,
И сегодня я спешу к тебе.

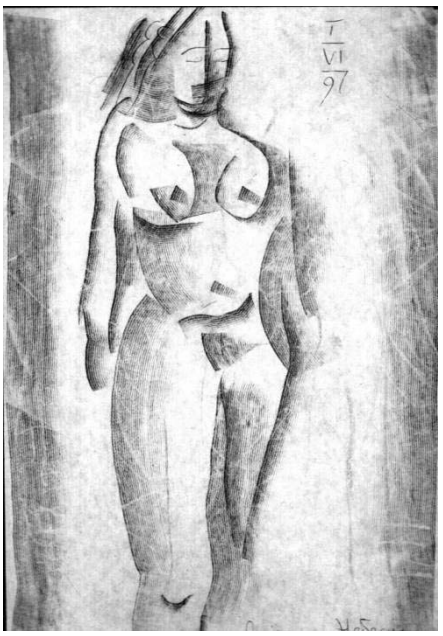
Этой встречи долгожданной нет дороже.
И волненье потому мне не унять.
Тороплюсь я в прошлое, быть может,
Или рвусь я в будущее всё же?
А свиданье вот — рукой подать…

ЗАЧЕМ?

Ты зачем мне, скажи, повстречалась,
Когда встречи с тобой я не ждал?
Я до встречи ходил не печалясь,
А сегодня покой потерял.

Мне глаза твои начали сниться.
Но куда от тебя убежать?
Для меня ты журавль и синица,
Что мечтают в руках подержать.

Ты зачем мне, скажи, повстречалась
Огонёчком заветным в ночи?
Чтоб уйти навсегда не прощаясь?
Но об этом ты лучше молчи…



***

Слишком я тебя…
Слишком ты меня…
Всё по-разному
Получается.
А твои слова
Угольки с огня:
Это, мол, тебя
Не касается.

Только всё не так.
В отношеньях — брак.
Кто ж для этого
Так старается?
Счастья нет уже
Если дождь в душе.
Почему ж огонь
Разгорается?

Нине. 15 января 1966 г.

Я ждал тебя, а ты не шла.
Мне так хотелось этой встречи!
Лишь ночь печаль свою несла,
Чтоб бросить мне её на плечи.

Не принять я её не мог,
Она тебя напоминала.
Перешагнув через порог,
Она, как ты, меня обняла.

Ко мне, как ты, была добра.
И нежность мне, как ты, дарила.
Но только твоего тепла,
Она ничем не заменила.

А уходя шепнула мне:
— Поверь, в любви я не помеха.
И правдой были в тишине
Слова, повторенные эхом.

22 февраля 1966г.

Незнакомке

С тобой знаком я безответно
Уже немало лет и дней,
Как прописалась незаметно
Ты навсегда в душе моей.

Так будь спасительной соломкой
Всегда, родная незнакомка.

Знакомый, 1988г.

К подарку

Подарок женщине — особая забота.
Тут как на судьбоносном вираже.
Поэтому такой найти охота,
Чтоб был поближе к телу и душе.

И он приобретён был понарошку
С романтики оттенком неспроста.
Чтобы прикрыть хотя бы на немножко
Любимой женщине любимые места.

В ответ что скажет, это неизвестно.
Оценит ли она души полёт…
Улыбку получить было бы лестно,
А может чего больше Бог пошлёт?

Конечно, можно думать и иначе.
А женщине не лишним только знать:
Одно её внимание — удача,
Та, о которой можно лишь мечтать.

О ПОЛОТЕНЦЕ

К подарку что сказать такое,
Чтоб не заметен был намёк?
В нём назначение простое,
Но, несомненно, в том есть толк.

То доведём сейчас до слуха…
Ответ примерно так звучит:
Комфортно было чтоб и сухо.
А тело отблагодарит.

Не надо только опасаться,
Что поразит стрелой Амур,
Когда придётся раздеваться
Для банно-водных процедур.

Вдруг полотенце пригодится,
То будет кто-то очень рад.
Не потому, что вдруг приснится…
Чтоб был полезен результат.

Ниночке

Новый Год! Волшебная граница
Через сердце каждого идёт.
Между прошлым, что не повторится,
С будущим, которое нас ждёт.

Чтобы поделиться счастьем с нами,
Связанными вдруг одной судьбой.
И под Новогодними огнями
В сказку нам откроет дверь с тобой.

Утречком, когда в окошко глянешь,
Улыбнётся ласково зима.
Это значит, ты сегодня станешь
Новогодней сказкою сама.

Дед Мороз без стука и без спроса
К нам придёт, как самый друг большой.
Пусть всегда с немножко синим носом,
Но зато с прекрасною душой.

Рядышком Снегурочка такая,
От которой взгляд не отвести.
Миссия в обоих не простая:
Счастье и удачу чтоб нести.

Чтобы стали лучше мы, чем прежде
В буднях ежедневной суеты.
Новый Год! И место есть надежде.
Новый Год! И сладкие мечты…

31.12.1998г. Коля.

В садах мелодии выводят соловьи,
Мы с ними лето красное встречаем.
Они сейчас товарищи мои —
День юбилейный вместе отмечаем.

От встречи первой, сблизила что нас,
По жизни вроде пройдено немало,
Но, главное, что понял лишь сейчас,
Как в жизни бы её не доставало.

Слова признания роди́лись не с проста.
Их Ниночка, конечно, заслужила.
Она — осуществлённая мечта,
Что мне когда-то голову вскружила.

А в тот далёкий, судьбоносный год
Не мудрено в тебя было влюбиться.
И сделать в жизни главный поворот,
Чтоб в детях и во внуках повториться.

Пусть пролетают птицами года,
Не изменить уже оценки личной:
С тех давних пор осталась навсегда
Ты молодой, красивой, симпатичной.

И каждый день судьбу благодарю
За щедрость, что со мною поделилась.
Слова признания за то тебе дарю,
Что ты в душе навечно поселилась.

У Ниночки сегодня юбилей.
В нём принимаю с радостью участье.
Все поздравления сегодня только ей.
И пожелания: Любви. Здоровья. Счастья!

Коля. 04.06.2002г.

Ах, какая ты весенняя!
Ах, какая ты хорошая!
Вся в горячих поздравлениях,
От мороза чуть продрогшая.

Потому, что солнца лучики
От зимы ещё прохладные…
Пригласи меня в попутчики,
Дорогая, ненаглядная.

Я согрею настроением,
Взглядом ласковым и преданным,
Приглашу на птичье пение
В лес далёкий, неизведанный.

Лишь снега исчезнут белые,
И подснежники появятся,
Долгожданные и первые …
А они тебе понравятся.

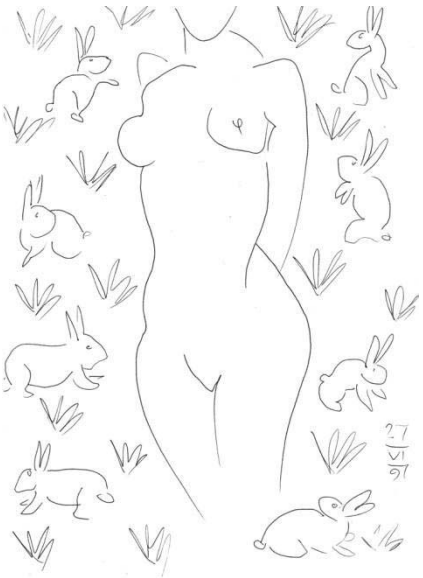
Осторожности забудутся
Под берёзкой белоствольною.
И мечты, быть может, сбудутся...
Мы в своих поступках вольные.

В это сердцем растревоженным
Мне поверить очень хочется:
Счастье может быть умножено
Лишь с тобой, моя пророчица.

Взгляд ловлю в ответ отчаянно,
Ожиданьем он оплаченный.
И боюсь вспугнуть нечаянно
То, что мне в нём предназначено.

Коля, 07.03.2006г.

МОЛИНИНОЙ В ДЕНЬ ЕЁ РОЖДЕНИЯ



Почему любой мужчина
Дни и ночи напролёт:
«Сладка ягода малина» —
С упоением поёт?

Тут ответ предельно ясен,
Это надобно учесть —
Образ светел и прекрасен
У мужчин, понятно, есть.

Скажем коротко, не длинно.
Наш ответ не удивит:
— То Малинина малиной
Соблазнительно пьянит.

Весела, добра, красива,
Статью Бог не обделил,
Как та ягодка — всем мила
Кто разочек надкусил…

О КЛУБНИКЕ И МАЛИНЕ

Ту, прекрасную, что рядом,
Повезло вдруг повстречать,
Понял он, клубничкой надо,
Да малинкой угощать.

Привлекательность для женщин —
В этом смысл большой и суть.
Роль её не приуменьшим,
Чтоб на факторы взглянуть.

То на память как зарубки,
Утолив печаль в винце,
Расскажу я вам про губки,
Ну, про те, что на лице.

Как приятно в это верить,
Чтобы в сердце был покой.
Взять бы только и проверить…
Проверяет же другой.

Есть народная примета…
Речь о ней и завели,
Подсказать, что делать летом,
Губки слаще чтоб нашлись.

Ту, прекрасную, что рядом,
Смог что раньше повстречать,
Что клубничкой её надо,
Да малинкой угощать.

Роль совета не уменьшим…

Идёт весна

Позади уже снега, морозы.
Присмирела буйная метель.
Расцвели, как солнышки, мимозы
И всплакнула первая капель.

А за поворотом дальним, где-то,
Тёплое дыханье ветерка.
Это значит, что по всем приметам,
К нам идёт весна издалека.

Счастлив тот, к кому приходит ранней,
Власть зимы суровой потеснив,
Подарив на память, со свиданьем,
Жизненный и творческий прилив.

Для мужчин — источник вдохновенья
В буднях ежедневной суеты.
И повсюду в ритмах пробужденья
Расцветают чувства, как цветы.

Не случайно нежность в каждом слове.
Всем причина этого ясна:
Жизнь прекрасна, если с нами снова
Женщина, по имени Весна!

А к кому-то если запоздает,
Тот вздохнёт, печали не тая:
— Что поделать! Так порой бывает,
Что весна у каждого своя.

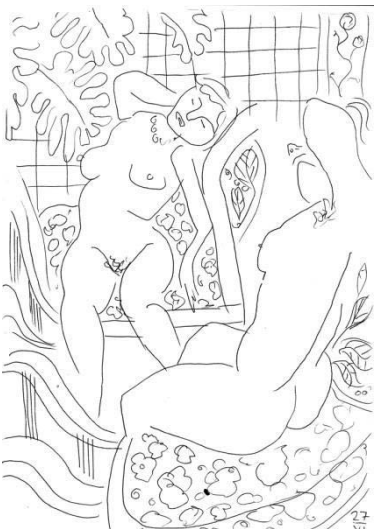
Но в душе спокойно и уютно
Мне с любимой женщиной — женой.
Ощущая, что ежеминутно
Милая весна всегда со мной!

НПВП ВОТЭК, 07.03.1997г.

****

Как успеть за своими мечтами,
Побывать чтоб в волшебном саду,
И тебя заласкать в нём словами,
Если их для тебя там найду.

Для тебя чтоб желаемы были,
Чтоб поверила в них без труда,
Чтобы в сердце друзьями входили,
И остались чтоб в нём навсегда.



Говорить бы о чём-то часами
В соловьиную звёздную ночь.
И тебя задарить бы цветами…
Нам весна сможет в этом помочь.

Может быть удивить меня сможешь,
На надежды мои дашь ответ,
Их взаимностью ты приумножишь,
И сюжетом желанным, в ответ.

Разбудить бы тебя утром ранним,
Вместе встретить рассвета зарю.
И к тебе прикоснуться дыханьем.
И увидеть улыбку твою.

Только день затерялся заветный.
Не известно тому кто виной.
И остался вопрос безответный,
Как печаль, в светлый день именной.

Весенние мотивы

Женский день. Цветы. Улыбки. Встречи.
Нежность взглядов. Время тёплых слов.
Круг забот, что на мужские плечи,
Каждый раз в году взвалить готов.

Вновь весна, как прежде, закружила
И надежда звёздочкой зажглась.
Только видно снова пошутила,
Как всегда куражась и смеясь.

Ей опять не хочется покоя.
И под ритмы внешней суеты
Чувства задремавшие раскроет,
Чтобы распустились, как цветы.

Чтобы ветер ласковым дыханьем
Вдруг напомнил нежных рук тепло,
Оживив в душе воспоминанья:
Всё что было раньше, но прошло.

Не спешите с женщиной прощаться,
Не придёт вдруг, если позовут.
Может быть глаза её приснятся,
Встреченные раньше наяву.

8 марта 2005г.

Валентин

Был Валентин, пожалуй, очень грешен
И оказался потому в тюрьме.
Где на тюремных нарах, безутешен,
Он угасал, как звёздочка во тьме.

Душа его — в безропотном смиренье.
В молитвах день и ночь он проводил.
Но только вот себе, для утешенья,
Он, проповедник, слов не находил.

Тюремный двор, как камера был тесен,
О воле было думать недосуг.
Брели невольники угрюмые, без песен,
Лишь разносился стук шагов вокруг.

И Валентин, в тех мрачных закоулках,
Не мог представить и во сне себе,
Что будет та вечерняя прогулка,
Как поворот в изломанной судьбе.

Но повернулось только всё иначе…
И на последнем в жизни рубеже,
Вдруг разгорелся пламенем горячим
Огонь любви в чуть тлеющей душе.

Случилось это в тихий летний вечер,
Когда был отрешённым от всего.
Случайным взглядом он её заметил
И мир перевернулся для него.

Она виденьем ангельским явилась.
Как видно милость Божья была в том…
В его душе надежда поселилась,
Не расставаться чтобы с ним потом.

Взлетали брови непокорной птицей.
Из под ресниц взгляд вырвался на миг.
Глаза — иконы, чтоб на них молиться
До самых, до последних дней своих.

И уходили в забытье невзгоды,
Когда в окошке милый взгляд встречал.
Свиданья были тем глотком свободы,
Которой он так с упоеньем ждал.

Любовь вселялась гостьею незванной,
Улыбке той чарующей в ответ,
Являясь и привычно, и нежданно,
Когда в окошке видел силуэт.

Тот образ, как кувшин хрустальный, звонкий,
Он бережно хранил и день и ночь,
Став пленником прекрасной незнакомки —
Начальника тюрьмы то была дочь.

Светилось солнышко в её открытом взгляде,
На щечках был румянец как заря.
И понял он: минуты этой ради
Его жизнь была прожита не зря.

Шёл день за днем. Неделя за неделей.
Страданий и любви круговорот.
Прогулок дожидался еле-еле,
Чтоб вновь всходить на счастья эшафот.

Немало дней счастливых и печальных
Судьба для них двоих приберегла.
Но отвести последний день, прощальный,
Она от них, конечно, не смогла.

Был приговор неправедно жестоким.
Час смертной казни — был его удел.
Сил жизненных иссякли все истоки
И для душевных наступил предел.

Вдруг молнией блеснуло озаренье,
И чувства встрепенулись, как волна.
Он до утра писал с самозабвеньем —
Признаньями душа была полна.

Пусть не дождаться на письмо ответа,
И от судьбы уже не убежать,
Когда лишь ночь осталась до рассвета,
Но он свободен думать и писать.

Письмо за все страдания — награда.
Единственная в будущее нить,
Которая ночною серенадой
В душе любимой будет вечно жить.

И все забылись горести земные.
Он счастлив потому, что снова с ней
В последние минуты роковые —
В своём бессмертном, как и сам, письме.

А через час судьба его сгубила
И от земного счастья увела…
История ту дату сохранила:
Четырнадцатый день был февраля.

Влюблённые день этот отмечают:
Неласковый и хмурый зимний день.
И как цветы весною расцветают,
И за мечтою следуют, как тень.

И утвердилась истина на свете:
— По морю жизни сколько не плыви,
Не потому ли Валентин бессмертен,
Что думал не о смерти — о любви?!

Сравнения, быть может, и опасны,
А правда пусть горька, как едкий дым:
— Когда любовь в душе порой не гаснет,
Становится тот, видимо, святым…

В чём грешен он, пусть сам того не знает,
Но каяться всегда готов, при всех:
— Из-за неё, как снег весенний, тает…
И в этом главный, видимо, есть грех.

Добавив:
— Я желаю жизни вольной,
Другой судьбы я, право, не ищу.
Мне б узником твоим стать добровольным.
А без тебя свободы не хочу…

Слова приятные порой искать не надо,
Когда приятно те слова дарить,
Которые ночною серенадой
Смогли твои бы чувства разбудить.

На годы растянулось расставанье
И, словно песня, прерван разговор.
— Не потому ль бывает и молчанье,
Как Валентину смертный приговор?

Праздник для влюблённых

Нет для влюблённых праздника важнее.
Для тех, кто к встрече с ним всегда готов,
Когда слова становятся нежнее,
Когда в глазах читается любовь.

Подснежником улыбки расцветают
Морозным дням февральским вопреки.
Они весну своей любви встречают,
Дни ожиданья пусть и не легки.

Как дня такого им не доставало,
От счастья чтоб кружилась голова.
Слов говорили, вроде бы, не мало,
Да видно только всё не те слова.

Любовь, она всегда всему венец —
Они стоят, как у черты заветной.
Любовь быть может только двух сердец —
Не как у Валентина безответной.

К нему не будь, прошу, безмерно строгой.
И не пугай, как майская гроза.
Дай заглянуть с надеждой и тревогой
В зеленовато-серые глаза.

Что в них увидит, это как загадка.
И тайна та, что надо разгадать.
Чтоб вдоволь наглядеться, не украдкой,
Чтоб смог тебя немножечко познать.

И в светлый день святого Валентина,
Преодолев сомнения и грусть,
Пусть я, как мчащаяся бригантина,
К любимой, словно в сказку, тороплюсь.

В ответ мне постарайся улыбнуться,
О чём пока приходится мечтать…
Как хорошо к тебе бы прикоснуться
И нежными словами приласкать.
14 февраля 2007г.

В ДЕНЬ ВЛЮБЛЁННЫХ

I

Светлый праздник всех влюблённых…
В этот день и грусть не грусть
Для друг другом увлечённых.
Пусть февраль. Морозы пусть.

Пусть весна ещё далёко,
Но для тех, кто её ждёт,
Как подснежник синеокий
В день февральский расцветёт.

А улыбка — солнца лучик,
Всех сумеет вдохновить.
Рядом быть. Чего уж лучше?!
Лучше только вместе быть.

Так ли будет, то загадка.
Только где же рандеву?
Жить с мечтою очень сладко.
Слаще только наяву.

II

Кто мечтою окрылённый,
Тем надежда, словно дым.
Хорошо, что он влюблённый!
Плохо то, что не любим…

Грустный праздник

Снова праздник. Он всегда желанный.
И душа как будто бы в огне.
Настроенье только стало странным,
Сумрачным, тревожным и туманным,
Что с тобою не наедине.

И смириться с этим вроде надо.
Предназначена судьба другая нам.
Мы за праздничным столом бываем рядом,
Чтоб украдкой обменяться взглядом,
Разойдясь по разным сторонам.

Почему? Покрыто это тайной.
Только чувства трудно удержать.
Потому что грустно и печально
(То ль закономерно, то ль случайно),
Праздник, как разлуку, ожидать.

Первоапрельский монолог

I

Сегодня о серьёзном не с руки.
И потому за сказанное каюсь.
Первоапрельским шуткам вопреки
К другой, желанной теме прикасаюсь.

А тема та заветная, одна.
Она — родник, что выпить невозможно
И осушить тем более до дна,
Но жажду утолить, пожалуй, можно.

Сама же ощущаешь то едва,
Как зажигать сердца других умеешь.
А в этом есть приметы волшебства,
Секретами которого владеешь.

И этот факт отрадный, не молва,
Мечте сродни, таинственной и сладкой.
Но почему же все мои слова
К тебе сегодня, словно бы украдкой?

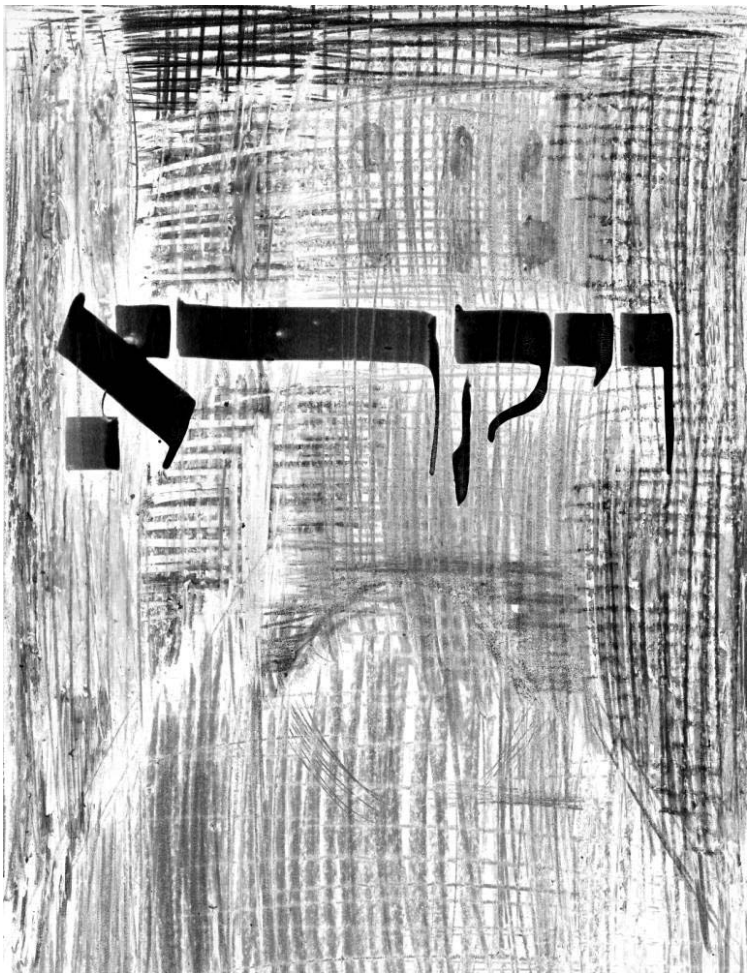
Боюсь, что ль, восприятья твоего,
А вдруг ту правду, что ношу с собою,
Что предназначено для слуха твоего,
Ты шуткой посчитаешь и мольбою.

Не потому, что веры нет словам.
Ты их давно и чувствуешь, и знаешь.
И замечаешь даже по глазам,
Которые невольно зажигаешь.

И опасаюсь потому шутить.
Тем более над той, что обожаю.
И там, другому слову, где бы быть,
Пишу казённым слогом «уважаю».

II

В моих мечтах надежды только нить.
Она придаст потерянную смелость —
Сама вдруг пожелаешь пошутить
И скажешь то, что мне сказать хотелось.



2 מנין המצות בפרשת ויקרא יש בה מו מצות י"א עשין ה' לאוין

ויקרא א ויקרא — אונקלוס

א א וַיִּקְרָ֣א אֶל־מֹשֶׁ֔ה וַיְדַבֵּ֥ר יְהוָ֖ה אֵלָ֑יו מִֽאֹהֶל־מוֹעֵ֥ד לֵאמֹֽר׃ ב דַּבֵּ֞ר אֶל־בְּנֵ֣י יִשְׂרָאֵ֗ל וְאָמַרְתָּ֣ אֲלֵהֶם֮ אָדָ֣ם כִּֽי־יַקְרִ֣יב מִכֶּם֒ קָרְבָּנ֔וֹ מִן־הַבְּהֵמָ֖ה מִן־הַבָּקָ֣ר וּמִן־הַצֹּ֑אן תַּקְרִ֖יבוּ אֶת־קָרְבַּנְכֶֽם׃

א וקרא אל משה וממרא דיי מליל עמיה ממשכן

תולדות אהרן ויקרא פל פ"ו (פ' יוסף: סנהדרין ק"ו). ויזהר פ' יוסף פס׃

שפתי חכמים

(א) ויקרא אל משה . לכל דבורות ולכל אמירו׳ ולכל א לוויים קדמה קריאה ב לשון שמלאכתי הפרת משתמשין בו אב׳ויקרא זה אל זה אל תכל לנביאי׳ החומות עכו״ם נגלה עליהן כל׳ ערמי ג ומומאה קלת׳ ויקר אלהים אל בלעם : ויקרא אל משה . הקול הולך ומגיע לאזניו ד וכל ישראל לא שומעין יכול אף לפסקה׳ ה היתה

(א) ויקרא אל משה . לכל דבורות ולכל אמירו׳ ולכל א לוויים קדמה קריאה ב לשון חבה שמלאכתי הפרת משתמשין בו אב׳ויקרא זה אל זה אל תכל לנביאי׳ החומות עכו״ם נגלה עליהן כל׳ ערמי ג ומומאה קלת׳ ויקר אלהים אל בלעם : ויקרא אל משה . הקול הולך ומגיע לאזניו ד וכל ישראל לא שומעין יכול אף לפסקה׳ ה היתה

רש״י

(א) ויקרא אל משה . לכל דבורות ולכל אמירו׳ ולכל א לוויים קדמה קריאה ב לשון חבה שמלאכתי הפרת משתמשין בו אב׳ויקרא זה אל זה אל תכל לנביאי׳ החומות עכו״ם נגלה עליהן כל׳ ערמי ג ומומאה קלת׳ ויקר אלהים אל בלעם : ויקרא אל משה . הקול הולך ומגיע לאזניו ד וכל ישראל לא שומעין יכול אף לפסקה׳ ה היתה

שפתי חכמים

(א) ויקרא אל משה . תמיד מתוך התנן בזעיר פיר׳ כאמרו ויקרא אל משה ביום השביעי מתוך התנן כי לא יכנס שם לשלם בלי רשות ד מאהל מועד . שלא נכנס אז משה באהל מועד בשוב הכבוד שם רוח היה ביום שכלה משה את המשכן ומשנכנס שמה ירד הכבוד לקדש את המשכן ומשהיה מאמרו ונעלתי שמה לבני ישראל הקדש בכבודי . וקדשתי את אהל מועד ואת

המזבח ואת אהרן ואת בניו ובן עשה במקדש שלמה כאמרו ילא יכלו הכהנים לעמוד לשרת מפני הענן כי מלא כבוד ה׳ את בית ה׳ ובזה קדש את המקום כאמרו הקדשתי את רבית חזה אשר בנית . אבל מן היום הראשון ואילך נכנס משה באהל מועד כתיב לשרת היה אליו הדבור מעל הכפרת כאמרו ובבא משה אל אהל מועד לדבר אתו וישמע את הקול מדבר אליו מעל הכפרת : אדם

אבן עזרא

(א) ויקרא . מלאנו כרית יחיד בעבור שני דברים גם יחכן להיות מלוה תחת בעבור דבריס רביס כמלות העולה והקרבן כי בתת כל חלק בפתו יעלם החלק שים לו חלק לעולם הכח על כן פירוש לכפר לתת כופר והעד מתחלת כי תמא על כן כתוב כן יפנעבו בדבר גם יש בעולות עודות לעתידות גם יתבונן מכל קרבן סוד התולדת והמעמי׳ והמעט׳ להחיות מורי התורה . ועמם ויקרא אל משה מאר ולא יכול משה שהכבוד קרוא מהלכ מועד שיכול משה ומם ידבר אתו והכבוד לפניו מהפרכת ומם היה משה נכנס כי כן כתוב וזה עמם ותמונת ה׳ יביט. ועמם להזכיר הקרבנות קודם התלות כי השכינה תשוב אל מקומה אם לא יעמדו תורת העולה וכן

אבן עזרא

(א) ויקרא . מלאנו כרית יחיד בעבור שני דברים גם יחכן להיות מלוה תחת בעבור דבריס רביס כמלות העולה והקרבן כי בתת כל חלק בפתו יעלם החלק שים לו חלק לעולם הכח על כן פירוש לכפר לתת כופר והעד מתחלת כי תמא על כן כתוב כן יפנעבו בדבר גם יש בעולות עודות לעתידות גם יתבונן מכל קרבן סוד התולדת והמעמי׳ והמעט׳ להחיות מורי התורה . ועמם ויקרא אל משה מאר ולא יכול משה שהכבוד קרוא מהלכ מועד שיכול משה ומם ידבר אתו והכבוד לפניו מהפרכת ומם היה משה נכנס כי כן כתוב וזה עמם ותמונת ה׳ יביט. ועמם להזכיר הקרבנות קודם התלות כי השכינה תשוב אל מקומה אם לא יעמדו תורת העולה וכן

רמב״ן

ויקרא. הספר הזה תורת כהנים הלוים יבאר בו עניני הקרבנו׳ כולן ומשמרת המשכן כי כאשר היה ספר אתר בענין העלות והגאולה ממנו והשלימו בענין אהל מועד וכבוד השם אשר מלא את המשכן צותה בקרבנות ובשמירת המשכן שיהיו הקרבנו׳ בפרה להן ולא יגרמו העונות למלוך השכינ׳ וצוה בכהנים הנגשים אל ה׳ שיקדשהו שהוזהיר על מוהאת מקדש וקדשיו תם שלא יזדמן לעלות אל ה׳ ככו שאמר דבר אל אהרן אחיך ואל יבא בכל עת אל הקדש מבית לפרוכת אל פני הכפרת אשר על הארון ולא יומת כי בענן אראה על הכפרת כאותרת. אן יזדמן אל ה׳ ראשות דנפל ממנו רב ואתר כך יבניל המשכן כהגבלת הר סיני בעת היות שם כבוד אלהי ישראל . והנה רוב הספר הזה בקרבנות בחזרת הקרבן והמקריבים ובמקום שיתקרב בו ויבואו בו קצת מצות נגזרות עם אלה כי מתחלת צוה בקרבנות הנדבה ואסר לחלב הזים בעברים ואחרי כן בקרבנות החטאת ונגזר אתר זה לחוביר המאכלים האסורי׳ בעבור שהם ממטאי׳ האוכל או הנוגע בהם בכל קדש לא יגע ואל המקדש לא יבא ואם נגעם שם במומאה יהיה חייב קרבן עולה ויורד שהוזכירו בבר הוצרך להזכיר תורת המצרוע ובשפתי זיבולת הזב והזכר להחייב אותם בקרבן ולהזהיר ערי ממומאתם בא בני ישראל ממומאתם ולא יטמאו במומאתם במומאם את משכני אשר בתוכם ונגרר אתר זה שיהיה על הטריות כי בשכבם מממא ועגנם יקרא מומאה גרמת למלוך השכינה ולעלות׳ ועוד כי השונג בזק מזיב החמאת שהוזכיר בבר בזאם נפש אתת בשגגת ואחרי בן הזכיר מצות השבת ומועדי ה׳ בעבור הקרבן כפר שאמר אלה מועדי ה׳ אשר תקראו אתם מקראי קדש להקריב אשה להי׳ עולה ומנחה זבח ונסכים דבר יום ביומו ורולב ע״ש ראשית הספר הזה ידבר בתן עם הכהנים דבר אל אהרן ואל בניו צו את אהרן ואת בניו הפרשת קדושים תהיו קצת מצות לבני ישראל רובן נגזרות עם עניני הקרבנות בדומים להי ובפקומם אפרש בעזרתו של הקב״ה :

אבר יהבוה בנאן ויקרא אל משה ויבבר ה׳ אליו ולא כן בשאר המקומות בעבור שלא היה משה יכול ללבא אל אהל מועד לדבר אליהו נגש אל המקום אשר שם האלהים רק בקריאה שיקרא אותו שכבר נאמר למשה ודברתי אתך מעל הכפורת אשר אועד לך

ספורנו

א (א) ויקרא אל משה. תמיד מתוך התנן בזעיר פיר׳ כאמרו ויקרא אל משה ביום השביעי מתוך התנן כי לא יכנס שם לשלם בלי רשות ד מאהל מועד . שלא נכנס אז משה באהל מועד בשוב הכבוד שם רוח היה ביום שכלה משה את המשכן ומשנכנס שמה ירד הכבוד לקדש את המשכן ומשהיה מאמרו ונעלתי שמה לבני ישראל הקדש בכבודי . וקדשתי את אהל מועד ואת

3 Работа

Приятного сна

Встреча с интересным человеком — это счастье, не так ли? О, нет! В этом я убедился вчера благодаря своим старым друзьям, вернувшимся из очередной командировки. Не всегда доверяю рассказам этих старых дорожных плутов, исколесивших многие километры по долгу службы. Но столько было в их словах неподдельной, разжалобившей меня правды, что я почти зримо прочувствовал, без всякой зависти к их приключению, их вынужденное положение…

— Петя, — сонно начал Вася, — давай сегодня хорошенько отдохнём. Что-то идти не хочется никуда. Да и темнота кромешная, смачиваемая непрерывным нудным дождиком на улице-то.

— Давай! Отведём время вечернее на сон-дренаж. Знаешь, Вася, завтра концерт в клубе каких-то приезжих развлекателей и, чтобы не дремать, глядя на номера концертные, отоспимся сегодня.

В это время дверь досадно охнула и, чуть взвизгнув скрипучим, тоненьким голоском, приоткрылась. На пороге появился толстый, грязноватый — некогда коричневый, по всей видимости, очень солидный портфель со своеобразной сединой, представляющей ни что иное, как протёртые до белого уголки этого хранилища каких-то бумаг. А вслед за ним показался столь же солидный, изысканно одетый по последней моде, владелец портфеля. Похож он был на восклицательный знак: в узких брючках, которые с каждым сантиметром вверх становились шире, достигнув своей предельной ширины на покатом, тугом животе, прикрытом очень чёрным пиджаком и широкой фетровой шляпой синюшнего цвета.

— Добрый вечер, господа скучающие.

— Здравствуйте.

Положив портфель на стол, он поочерёдно подал руку и представился:

— Иван Иваныч, к тому же лектор на данное время. Сегодня вот прямо с КЛХ, где прочитал свою первую лекцию из серии предстоящих.

И, знаете ли, какой слушатель пошёл? — обращаясь к Васе, продолжал И.И., — лекцию совсем не хотят слушать, а вот в конце вопросики такие коварнейшие один за одним сыплют. Ух, устал даже.

— А, простите, какую лекцию читали Вы? — нарушил одностороннее излияние словоохотливого, будущего соседа по койке, Вася.

— Сон — основной фактор жизнедеятельности человека, — тут же ответил с готовностью И.И., — Ребята, а может, того, по одной рюмочке пропустить? Так, для отдыха лучшего.

— Неплохо, — сказал Вася.

— Ну что же, тогда я бегу, — подхватил Петя и почти тотчас же скрылся за дверью.

В портфеле оказалась также бутылка «консервированного настроения», — как охарактеризовал её инициатор выпивки. И вскоре стол был любовно сервирован, главным достоинством которого были простота оформления и богатство содержания: две бутылки «Столичной» и одна «Московской», два куска колбасы, несколько яблок и нарезанный аккуратненькими ломтиками хлеб — этого было достаточно для сближения клиентов номера.

Вскоре И.И., повеселевший, и ещё более разболтавшийся, вдруг перешёл на тему, являющуюся целью его командировки. Его бессвязная, но всё же сочная и непринуждённая речь увлекла П. и В.

— Вот, значит, в порядке развёртывания данного вопроса, я и говорю, сны бывают: естественный, наркотический, гипнотический, патологический и частичный, в основном у животных, птиц …

Как вдруг поднимается такой важный старик с пышной бородой и басом так небрежно:

— А скажи мне, дорогой, я-то не птица и не зверь какой, а сплю тоже частично. Как же так? И вот Гавриил тоже скажет. Что-то недопонял видно я.

— Ух, сбил меня с мысли леший, еле сообразил, что от меня требуется. — Частичный, это когда птица сидит на насесте, к примеру, и спит, и не падает, то есть у них торможение на массу клеток коры больших полушарий головного мозга и на нижележащие отделы мозга является не столь глубоким, как у людей — частичным, значит. А у Вас, дедушка,

процесс торможения более поверхностный бывает, чем нужно. Притомляетесь видно.

А он, гляжу, мотнул головой, как будто это всё ему известно, да соседу Гавриилу, наверное, на ушко что-то. И все улыбаются в свои длинные усы. И на меня смотрят…

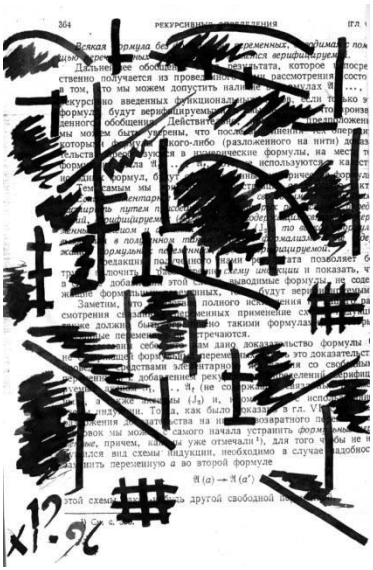
Рассказав ещё о своих впечатлениях, всё более и более хмелея, он неожиданно предложил:

— Спать будем, но уговор: послушайте меня немножко.

Климовичи

Вот город Климовичи. Центр.
Автовокзал и магазины.
Вдоль, поперёк — пройдешь в момент,
Были бы веские причины.

И тут же высится ещё:
Церква двуглаво куполами.
Для православных она — в счёт,
Для остальных же так, местами.

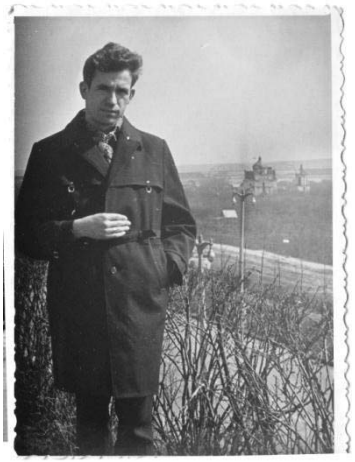


Идёт кто мимо, заходи!
И можешь даже причаститься.
А если грех застрял в груди,
То окропись святой водицей.

Но наши в церковь не спешат.
Причина в том, что не грешат
Вдали от жён своих любимых,
Бессменных и неповторимых.

Тех жён, что верность вечно просят,
Жаль на руках за то не носят…
А чуть поодаль сам «Пивбар».
Добро пожаловать, идущий,
Входи сюда и млад, и стар,
Пивца отведай всякий пьющий…

Нашли пивбар, конечно, сразу.
Дубовых бочек — целый ряд.
О, тут простор мужскому глазу:
Бокалы пенного искрят.



Все, как один, бокальчик в руку.
В другую — рыб солёных хвост,
И пьют за трудный быт, за муку,
Произнеся за дружбу тост…

Потом — за добрые дела,
За жизнь, до пива что была.
И долго слышалось ещё:
«За Мишку Фёдрыча с лещом!»

Размер леща того пусть с кильку,
И толщиною он со шпильку,
С головки женской что, но всё ж —
На рыбу запахом похож.

Польётся с рыбкой жизнь счастливо.
Коль жизнь течёт — течёт и пиво.
Ах, пиво: прелесть, наслажденье,
Твой вкус божественно хорош,

Когда тебя под настроенье,
К тому ж еще «под рыбку» пьёшь.
Такая нега на душе,
Как на лугу среди ромашек.

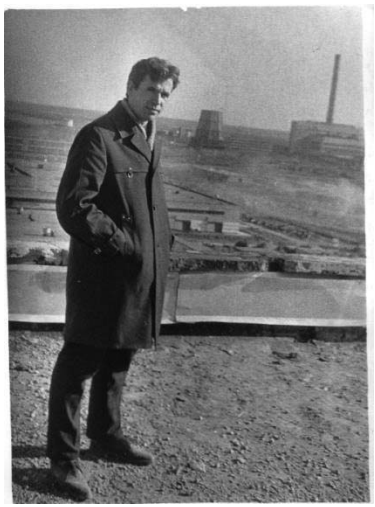
И нету трудностей уже,
Ошибок нет, и нет промашек.
А есть блаженство, рай земной.
Весь мир в тот миг такой прекрасный.

И в теле есть задор мужской,
Жаль, пропадающий напрасно.
Поскольку пивом кто пленён,
Ему всего он больше верен,

В него без памяти влюблён.
Факт этот жизнью всей проверен.
Сидят, кто пьёт, животик гладят.
В минуты те — всё нипочём.

Соблазны побоку, не глядя!
Лишь мысль одна в них бьёт ключом:
«Когда пивцо рекой течёт,
То даже женщины — не в счёт.

Хотя они порою снятся,
И завлекают нас, притом,
Они ж, конечно, пригодятся,
Но только после чуть, потом».



Проезд Минск — Логойск

Билетов касса не давала,
А ехать надо. Как же быть?
Шофёра может попросить,
Чтобы подвёз? Ведь так бывало…

Поедем, всё же, не впервой.
Иначе просто невозможно.
Совсем было б неосторожно
Встречать здесь, в Минске, выходной.

Автобус был совсем не полный,
Но злой автобусник-шофёр
На безбилетников попёр.
И укатил без них, довольный.

Ну, Бог с тобой, езжай, коль так,
Мы на такси в Логойск прикатим
И там билетики прихватим
И там возьмёшь ты нас, чудак.

Таксист червонцем был прельщён:
— Ну, ладно, едемте с комфортом,
Мы не автобус, даже чёрта
Догоним в миг, — хвалился он.

За обещанья не обидно:
Идёт машина с ветерком;
С дорогой этою знаком
Шофёр был. Сразу это видно.

А как автобус обогнали,
Заулыбались, как один:
— Теперь доедем мы, поди.
Напрасно раньше горевали.

И все довольны бы были́,
Когда б не Тоськины рассказы,
Такие, что шофёра сразу,
В кювет, с машиной, завели.

А из кювета, как известно,
Никто легко не выезжал…
А тут автобус обогнал,
В котором нам не дали места.

О, что поделаешь, беда!
С таким покончено. Всё ясно!
Но говорят ведь не напрасно:
«Не падай духом никогда!»

Всех на дороге подобрали,
Сгрузили быстро в грузовик.
И, так как путь был невелик,
Их до Логойска вмиг домчали.
(Автобус, правда, не застали).

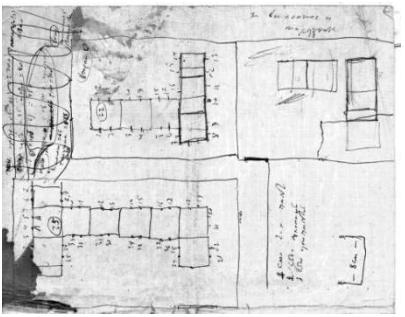
Хоть нету нынче суеверных,
Примета есть вернее верной:

В дороге были вчетвером.
Из них — всего один мужчина.
Вот в этом — верная причина,
Что всё пошло в них кувырком!

24 декабря 1966г.

Выходной

Куда пойти в день выходной,
Когда закончена работа?
Все против, чтобы «по одной»,
Но предложил другое кто-то:
«Пивца бы, мальчики, испить…»
Все согласились: «Так и быть!»



И в миг оделись торопливо.
Ну что ж, святое дело — пиво.
И ноги в город всех — пешком.
За пивом, ясно, не за чаем.
… Следы заметены снежком,
Но кое-что о том мы знаем.

О телефонном разговоре

На телефонном там свидании,
как позывные:

— Скажи, скажи мне на прощанье
Слова такие…

— Какие тут слова подстать?
Я затрудняюсь…

— Молчи, коль нечего сказать.
— И я не знаю…

— Люблю, люблю, — так сердце мне
Вдруг подсказало…

— Ну что ж довольна я вполне,
Но это ж мало…

— Люблю, скучаю, встречи жду,
Ещё целую…

— Как путеводную звезду,
Другое жду я…

— Словами выразить любовь
Я не посмею…

— Да, не слова, а поиск слов
В любви важнее…

На том свиданьи телефонном
Сердца стучали…

О самом близком, потаённом
Уста молчали…

28 сентября 1981, 23:00 — 24:00.

НАПОМИНАНИЕ (НО НЕ ИНСТРУКЦИЯ)

— Я дико извиняюсь, что опять
Покой твой длительный поставил под угрозу,
Но что поделать! Хочется сказать
Такое… что возможно только прозой.

Ты, как ни как, законная жена
(Хотя собак всех вешаешь на мужа),
Спрошу поэтому:
Звонить ты мне должна?
Или я временно, сейчас, тебе не нужен?

Ответ подробный можешь не давать,
Но весточкой побалуй мужа всё же,
Чтоб мог тебя ночами вспоминать,
Поскольку ты из женщин всех дороже.

Поверь на сло́во. Так оно и есть.
Какие могут быть ещё сомненья!
Мне лучше посылай за вестью весть,
Чтоб было не без дел воображенье.

Пусть шевелится, грубо говоря,
Тебя в деталях даже дорисует,
Чтоб чувств поток разбужен был не зря,
Который нас, мужей, всегда волнует.

Конечно, расстоянье — негатив,
И поневоле надо с ним считаться,
Чтоб плакаться в жилетку прекратив,
Миг сладкой встречи всё-таки дождаться.

Ведь, как ни как, есть истина одна,
Что на устах всегда у всех влюблённых:
Любовь-то бесконтактная, она,
Как суп любимый, только не солёный.

Напоминание полезное для нас:
У женщин предпочтительней гурманы!
Тот подтвердит, познал кто их хоть раз —
Для них аскеты, словно соль на раны.

Ни дать, ни взять — сплошной запретов свод,
Великий пост, который может длиться
Не день, не два, не месяц, может год…
А женщинам (в любви!) нельзя поститься.

Поэтому аскеты ни к чему.
Тем более, когда на расстояньи.
По правде если, это всё к тому,
Что надо хоть словесное свиданье.

Писать, звонить, вдали не забывать,
Чтоб сердце ожиданием горело.
Свободу женщине порой нельзя давать,
Пусть даже требует её душа и тело.

Поскольку женщины, как праздничный обед
(А, к сожаленью, едоков вокруг хватает!)
Хранят так редко верности обет…
Эх, слабый пол! Зачем от ласки тает?

Упрятавши общенье в кулачок,
Вы, чтоб мужья вас (тут!) не забывали,
Как кость собаке слово и… молчок.
Тем лакомством насытишься едва ли.

Когда жена за тридевять земель,
Есть у мужей не малая забота:
Обед чтоб был на блюдечке в постель…
Поесть ведь (до отвала!) всем охота!

Я дико извиняюсь. Вдруг укор —
Я заслужил словами. В самом деле!
Зачем я этот начал разговор?
Боюсь, обед чтоб без меня не съели…

Твой: доброжелатель,
Воздыхатель,
Мечтатель,
Обожатель.

Февраль 1990г.

ПРОГУЛКА

Тебя сегодня нет со мной
И километры между нами.
Коль так, прогулку под луной
Давай заменим мы стихами.

Поговорим мы в них о том,
О чём не раз, не два молчали,
Когда прилюдно, не тайком,
Друг друга взглядами встречали.

Боясь словами расплескать
Родник доверия случайно,
Я предложить рассвет встречать
Не смел. И лишь вздыхал печально.

В стихах, конечно, всё не так!
Я сам ведущий и ведомый.
Раскрепощённый, как ни как,
Вперёд фантазией влекомый.

Могу по парку я с тобой
(В мечтах) под ручку прогуляться,
И ты не скажешь мне: «Постой…
Уже пора нам возвращаться?»

Ты будешь ласкова, добра,
Приятных слов не пожалеешь.
Блаженство встречи до утра
Продлить, на радость мне, сумеешь.

И я тебе наговорю
Сердечных слов, поверь, не мало.
Такую встретим мы зарю,
Каких ещё ты не видала!

И соловей для нас споёт
В тиши ночной самозабвенно.
Страстей приглушенных полёт
Разбудит тем у нас мгновенно.

И каждый станет очень люб,
А чувства — чище и нежнее;
Прикосновенье жарких губ
Нас опьянит вина сильнее…

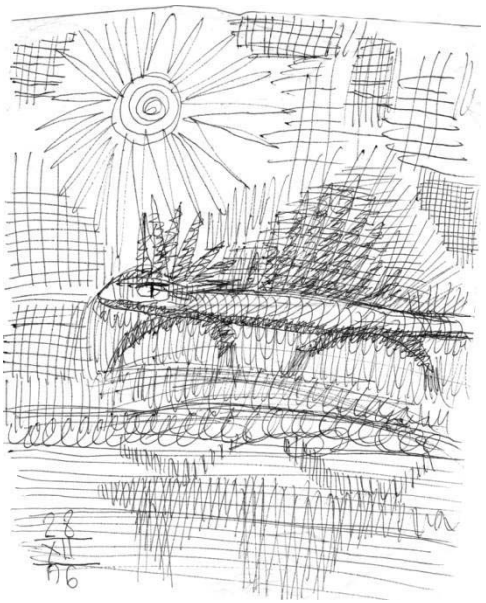
В пруду, успевшем задремать,
Луна игриво улыбнётся,
Желая будто бы сказать:
«Так у людей всегда ведётся…»

Что было дальше… Кто б сказал?
В стихах ответ искать напрасно —
О том кокетливо молчал
Рассвет — свидетель беспристрастный…

А наяву душа поёт
О том, что мне всего дороже —
Дыханье рядышком твоё
И каждый день, с тобой что прожит.

1Июль 1988г.

Письмо



Я ждал письмо издалека,
Его мне так не доставало,
Но, к сожаленью, ты пока
Его ещё не написала.

Не знаю даже почему.
В догадках я совсем теряюсь.
Знать не могла, а потому
Простить тебя за то стараюсь.

Слова, быть может, не найдёшь,
Чтоб душу мне они согрели?
Пиши мне проще: «Как живёшь?»
Пиши как всё на самом деле.

Меня забыла или нет?
Порой хотя бы вспоминаешь?
Я ежедневно жду ответ.
Его всё нет. Ты это знаешь.

Да что о том. Я ждать смогу.
Чем дольше жду, тем ты мне ближе.
Мне знать бы только, что в долгу
Ты не останешься — напишешь.

Пока же я писать спешу —
Твой пленник вечный, тем счастливый.
В письме о том тебе скажу,
Что сердцем выстрадано было.

Не в праве я судьбу бранить.
Она была так благосклонна,
Позволив истину открыть:
«Нет счастья выше — быть влюблённым».
Любовь свою не утаить —
Тобой всегда был очарован.
Как без любви, скажи, прожить?
На ней союз сердец основан.

И каждый день хожу встречать
С большой надеждой почтальона.
Любить, надеяться и ждать —
Такой всегда удел влюблённых.

Теряя дням разлуки счёт,
Как избежать сердечной боли?
Письма мне здесь не достаёт!
Ну, а тебя, поверь — тем болей.

Д. Ивольск, Гомельская область, 5-12 декабря 1986г.

****

Мои желания
Струятся водопадом,
Как солнца лучики
В зелёную траву:

В снах Новогодних
Ты мне очень надо,
Но лучше всё же,
Чтобы наяву.

****

Я почту не хотел обременять,
Поскольку свято верил в обещанья;
Жесток удел — почтовое свиданье,
Когда так много хочется сказать…

Слова

Затерялись слова в пути.
— Может с ними что-то случилось?
Но в ответ, что пытаюсь найти,
Только сердце тревожно забилось.

Я навстречу пошлю свои,
Чтоб спасать от беды кричащей.
Вдруг разбойники там, соловьи,
Обитают в дремучей чаще?

Налетят на твои слова,
Что отправились в путь беспечно,
Ведь бытует не зря молва:
Нет опаснее, чем бессердечность.

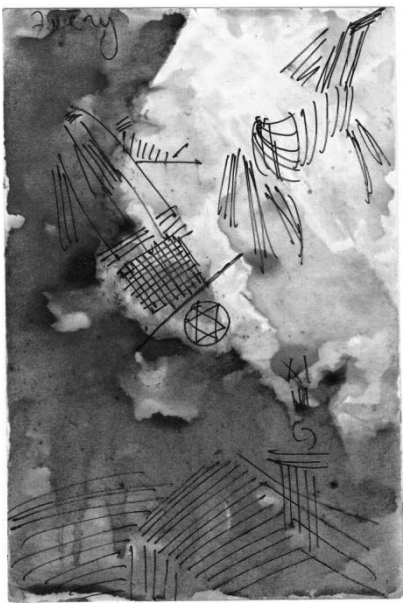
К атаману их отведут,
Предводителю всех злодеев.
Спросит мрачно:
— Зачем вы тут?
И тревожить меня кто смеет?
Вы идёте зачем, куда?
И послал кто в эту дорогу?
Отвечайте! Иначе беда.
Не попасть вам ни к чёрту, ни к Богу.

Ни к тому, что стремитесь вы,
Дар бесценный кто так заждался.
Вам совет престарелой совы:
Будет жить, кто во всём мне сознался.

Не уйти от нас никуда.
Если жизнью вы дорожите.
Всё, что ценно, быстрее сюда
Под раскидистый дуб положите.

Наизнанку ду́ши свои!
Совесть, верность и честь — оттуда!
Чувства, правду… они мои.
А иначе… не ждите чуда.

Отвечали слова:
— О, нет!
Людям служим честно послами.
Кто, зачем и к кому — секрет.
Мысли, чувства останутся с нами.



Атаман гневно руки простёр.
— Сжечь, — скомандовал он, озлобляясь.
И слова возвели на костёр,
Отреченья добиться стараясь.

Запылали они в огне,
Атаману бросив:
— Послушай!
Что ж, сгораемы мы вполне.
Не сгорают любящих души.

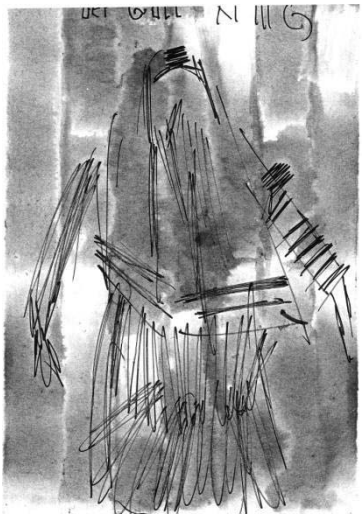
Повторя́т нас они опять,
Чтобы снова нам жить в грядущем.
Будут снова слова создавать.
Даже, может быть, нас получше.

Затерялись слова в пути —
В том, конечно, большая жалость.
То не трудно совсем простить,
Лишь бы ты навсегда осталась.

Неотправленное письмо

Незаметно вечер в ночь вливался.
Звёзды в небе, как в лугах цветы.
И над горизонтом затерялся
Серп луны — осколок от мечты.

И сгущалась темнота слепая.
Ни дорожки, ни тропинки вдаль,
В ту, где есть Она, того не зная,
Что Ему — и радость, и печаль.



Для Неё бы нежное признанье,
Чтоб оно осталось. На потом.
Чтоб короче стало расстоянье…
Исповедь-письмо поможет в том.

Он писал, задумавшись, вздыхая,
В разговор вступая снова с Ней,
И слова на волю выпуская,
Как ручных, почтовых голубей.

Чтобы недосказанные мысли,
Те, огнем давно что сердце жгли,
Робко на свиданье с прошлым вышли,
И сказать бы главное смогли.

Волшебством овеянное время
Навсегда бы надобно сберечь —
Необременительное бремя
Дней счастливых и коротких встреч.

Ночь уже к рассвету приближалась…
В тишине, где сердца только стук.
Тяжело, мучительно писалось
Под разгул его душевных мук.

Чувства изложил и, как магнитом,
Камень с сердца, что носил с собой.
Где же адрес? Тайной всё покрыто…
Или перечеркнуто с судьбой.

Может быть, всё это не случайно,
Что тревога вороном кружит…
На столе смиренно и печально
Неотправленным его письмо лежит.

ЗАПИСКА

Свое спокойствие храня,
Не провожала ты меня.

Напутствий добрых на дорогу
Я от тебя не получил,
Но ты поверь мне, ради Бога:
Люблю тебя. Всегда любил.

Гляжу на твой, на профиль спящий
Уже покрытый дремотой…
А сердце сжалось так щемяще:
Мол с ней ты рядышком постой.

Но не тревожь её прощаньем,
Быть может в этот миг она
Во сне с тобою на свиданьи.
Ведь, как-никак, уже весна.

Припомни сам, как раньше было,
Когда клялись вы с ней вдвоём:
— Нас разлучить? — Такой нет силы!
По жизни вместе мы пройдём.

И вот уже который год
Любовь по жизни нас ведёт…

О, да, конечно, может быть,
Я сердцу в этот час признался:
— Её не стану я будить.
Я с ней стихами распрощался.

— Мое спокойствие храня,
Все дни разлуки жди меня.

Твой Николай, 1 марта, 23:45.

О ЖЁНАХ

Быть женщиной — нелегкая задача,
Ведь этот мир придуман для мужчин,
Но разве мы, то хохоча, то плача,
Его давно не сделали своим?

Быть женщиной — нет благородней доли, —
Держать весь мир, не дать ему упасть,
Хранить очаг, учить, лечить и строить,
Пока мужчины борются за власть.

***

Ты не зови, — я больше не приду,
Хотя твоя Судьба меня тревожит.
Любой из нас живёт в своем аду,
И каждый сам справляется, как может.

Пойми же, что бороться за тебя
С твоими призраками я не в силах, —
Мы сами создаём их для себя
И сами вырыть им должны могилу.

Ты должен сам преодолеть свою беду,
И я хотела бы тебе помочь, но всё же
Любой из нас живёт в своём аду
И каждый сам справляется, как может.

***

Так уж бывает,
Так уж выходит,
Кто ждать обещает —
Тот раньше уходит!

Уходит куда-то
Всегда безответно …
Так станешь рогатым
Совсем незаметно.

***

Рога наставит если вдруг
И будет всё не шито-крыто,
Отбросить можно и копыта.

Рога, бывает, что растут.
Подчас случается такое.
Когда-то там, когда-то тут.

***

Два месяца молчанья… Одуреть!
Но все-таки надежда не расколота.
Неужто кто сказал тебе:
— Не сметь!
Добавив, что молчанье — это золото.

Молчанья мир коварен и жесток.
Тяжелая, бездушная награда…
Серебряный услышав голосок,
Спрошу себя:
— А большего не надо?

***

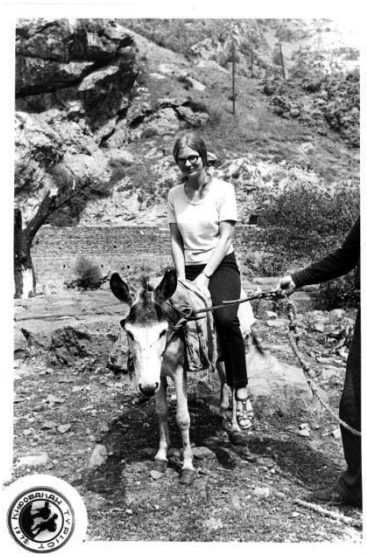
Приятно всё-таки, поверь,
Когда с открыткою — под дверь…
В том тайна есть и есть секрет.
А почему? — ответа нет.

Таинственный замок

I. Шальная путёвка — продукт времени

Как начиналось? Было дело…
Путёвка вдруг пошла дымком
И, чтобы вовсе не сгорела,
Её и выделил профком.

Притом её официально
Вручили Нине персонально.



Она на небе на седьмом.
Путёвка та — в преддверье рая.
Не знает кто у нас о том!
Путёвка та — полублатная.

Кто ниже рангом, для того
Она была почти как сказка.
Ждать можно было бы всего,
Сюда же чтоб — поверить тяжко.

Тот санаторий — экстра-класс
И был он долго не для нас.

Теперь же чудный век. И только!
На то она и Перестройка…

Перед законом все равны.
И современные паны

Места вступают (Под нажимом!)
В укор исчезнувшим режимам,

Рабочим, даже ИТР…
В социализм, мол, каждый верь!

Мы, наконец, его построим
И жизни уровень утроим.

Ведь был сплошной анахронизм…
То Нинка поняла моментом
И, чтоб вступить в социализм,
Послать решила за билетом,

Чтоб Коля тут же ей в ответ
На Несвиж, город, взял билет.

Там я, мол, Коля, подлечусь,
К тебе здоровенькой вернусь.

— Тебе-то, ясно, пригодится,
Здоровых любите вы жён,
А значит, надо шевелиться.
Вопрос с поездкою решён.

Собрать в дорогу чтоб меня,
Осталось времени — полдня.

Ты ничего мне не забудь
И сумку мне сложи полнее,
Мне предстоит не близкий путь…
Не медли, Коля, побыстрее.

Вложи духи, помады, тени.
Всё пригодится — вне сомнений.

Ещё купальник положи.
Он вовсе будет не помехой.
Что нос повесил? Не тужи,
Не без купальника ж мне ехать.

Прикрыться ж надо, иногда,
От посторонних разных взоров,
Чтоб быть таинственной всегда,
Ну, как приписки, ревизорам.

Известна скромность всем моя…
Неандерталка, что ли, я?
Ходить мне, что ли, без одёжек
На пляж, в бассейн, туда-сюда?
Цивилизованною, всё же,
Меня считали все всегда.

Ты что, кипишь как будто, что ли?
Ты не доволен, может, чем?
Мне непонятно это, Коля.
Сидишь, как будто глух и нем.

Поговорим. У нас ведь гласность.
Во всех делах должна быть ясность.

Ты что надумал? Говори.
И в том с меня пример бери.

Я не молчу, а говорю
Всегда, везде, ты это знаешь.
А если надо, повторю
И то, что ты не ожидаешь.

Так что, милок, я жду ответ.
Цензуры, слава Богу, нет.

Давай, что хочешь мне скажи.
Как хвост бараний не дрожи.

Смелее правду-матку режь,
Ведь я с тобою не ругаюсь.
Но что посеешь — то пожнешь.
Я за себя, друг, не ручаюсь.

II. СПОР — ДИСПУТ, С ПОБЕДОЙ И ПОРАЖЕНИЕМ!

Упёрся Коля рогом вдруг:
— Не надо мне таких услуг.
Жену мою чтоб в санаторий…
И, в раж войдя, с женою спорит:

— Нет, не пущу тебя я, Нин.
Ну, как останусь я один?
А кто мне ужин и обед
В мои-то, сорок с лишним лет?

— Да что же ты такое, Коль?
Надолго я от тебя, что ль?
Пройдёт тот месяц без оглядки.
Поесть же можно — всухомятку.
А нет, соседку попрошу…

— Нинок, идея! Выход всё же…
— Ой, Коля, что тебе скажу…
— А что! Соседка мне поможет…
— Нет, Коль, её не надо всё же,
Без женщин месяц проживёшь.

— Ну, знаешь ли, родная Нин,
Пусть я тебе не господин,

Ты ж, к сожаленью, не раба.
Я буду глух к твоим мольбам,

Поскольку знаю: На курорты
Послать жену, что в пекло к чёрту.

Грехи где, вроде добродетель.
Ты ж без меня, что дверь без петель,
Или, что хуже, в поле ветер,

Неуправляема совсем…
Ищи тогда по весям всем.

— Что говоришь такое, Коль?
Твоё мне имя, что пароль.

Я буду с ним и спать ложиться,
Тебе ж в неделю — дважды сниться.

— Ты обещать умеешь, Нин,
А я боюсь, как воин мин,

Чей взрыв внезапен и жесток…
Вдруг ты не стойкая, Нинок?

Ещё страшнее, чем те мины,
Твои курортные мужчины…

Мне б разминировать легко,
Но я, сапёр твой, далеко…
Не едь, пожалуйста, Нинусь,
О, Боже мой, как я боюсь…

— Ревнивец старый, милый Коль,
И мне сказать кой-что позволь:
Как смел язык свой развязать,
Меня авансом ревновать?

Не пустишь миром, хуже будет.
А твой поступок все осудят!

Сама ж — уеду. Так и знай.
Ты на себя тогда пеняй…

— Ну, что ты сердишься так, Нин.
Всё это — комом первый блин.

Твои способности я знаю,
А потому не доверяю…

— Не доверяешь? Почему?
С себя пример берёшь ты, что ли?
— Да нет! Пускать тебя одну,
Пожалуй, глупости нет болей.

— Ах, значит так, нельзя меня?
— Нельзя! Запомнить не мешало б:
Воспламенишься от огня.
Там поджигателей не мало.

— А ты … А помнишь, как звонил?
Как раньше папку подносил?

И улыбался для других,
Разинув рот, глядел на них.
Как ты…

Пошло и понеслось.
Цунами вроде пронеслось.
Такой начался монолог!
Ну кто бы выдержать то смог,

Когда руганье и со смаком…
Ищи победу, ясно всем,
Не в обороне, а в атаке,
Не на нейтральной полосе…

Смирился Коля, по всему
То видно стало. Потому

Он напоследок слово взял
И в дополнение сказал:

— А вдруг, как кошку по шерсти,
Тебя там кто-нибудь погладит…
Что ж, за сомнения прости
Меня ты, Нинка, Бога ради.

Но и меня, Нинок пойми,
Я так хочу, чтоб ты ни-ни…

Вдруг голос Коли снова строже:
— Что ж, едь. Но будь мне верной всё же.

— На том спасибо тебе, Коль.
И верь мне! Дурочка я, что ль?

Я, если хочешь, поклянусь,
Что честной девушкой вернусь.

Что приуныл, мой дурачок. —
И с примиреньем в щечку — чмок…

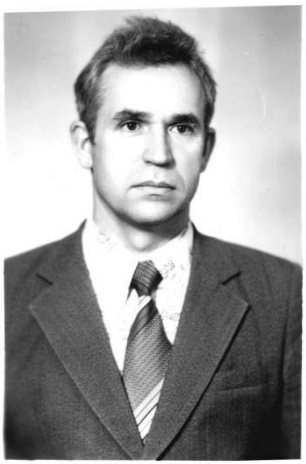
И Коля, как всегда, растаял,
И как умел, благословил.
В жене своей души не чая,
Билет купил и проводил.

— Езжай, любимая жена,
Но там почаще будь одна

И обо мне не забывай,
Скучай слегка и вспоминай.

III

… Автобус Нинку вдаль увёз,
В прекрасный самый санаторий…
— До встречи, Ниночка, до скорой! —
И Коля вытер капли слёз.



Минчанка

I

Быть внимательной — тяжкое бремя.
Но вдвойне той, собой, что гордясь
Покидает знакомых на время,
По-английски уйдя, не простясь.

II

Поманил в даль далёкую Север.
Что поделать? Без спешки — никак…
Сладко мчаться с надеждой и верой.
Чувства эти знакомы нам так!

Север, ясно, не Юг загорелый,
Да ещё с запоздалой весной
Всё дремал, ослепительно белый,
Согреваемый мыслью одной.

Чтоб увидеть однажды Южанку,
Ту, с которой был раньше знаком,
Чтоб присесть с ней в волшебные санки,
Прокатиться чтоб в них с ветерком.

И спросить по дороге нестрого:
«Как живёшь? О себе расскажи.
О друзьях мне поведай немного,
Но как исповедь — правду без лжи».

Чтобы можно прочувствовать было:
«Кто ты есть? Чем ты так хороша…»
А вослед только облачко плыло,
От пристрастных вопросов дрожа.

Небосвод улыбался беспечно
Разноцветьем радужных огней.
Знал он: «Север, пленённый навечно,
Обречён был любовью своей».

Что подсказка ему? Перебранка!
У него есть фортуна своя.
— Ох, Минчанка моя. Ох, Южанка, —
Шепчет он, — Ох ты, радость моя.

— Стала, веришь ли ты, несравненной.
Навсегда со мной рядышком будь.
Мы промчимся с тобой по Вселенной
И освоим вдвоём Млечный Путь.

— Пусть твоя мне душа, что потёмки,
Безрассудно готов к ней припасть… —
И целует морозной позёмкой
В щёчки пухлые страстно и всласть.

Обнимает, милует, лелеет.
Чувства с каждой минутой сильней…
Пусть Южанка губительно греет!
Но проститься не может он с ней.

И растаял… Так жаль… Невозможно…
Только жалость — безгрешный пустяк.
Той судьбе позавидовать можно.
Если таять придётся, то так!

Было ль, не было… Всё то прогнозы,
От которых хоть смейся, хоть плачь.
Лишь тревоги, сомненья, вопросы
Вихрем снежным проносятся вскачь.

III

Быть внимательной — трудное дело.
С этим каждый, пожалуй, знаком.
Вот и ты, по-другому не смела —
Возвратилась по-русски, молчком.

О ЖЕНЩИНАХ, О ВНИМАНИИ В РАЙСКИЕ БУДНИ

Для женщин рай здесь. В самом деле,
Желанны все, как в шторм маяк.
На них бы дома так глядели!
В мужей с вниманьем было б так!

И многих бы проблем не стало…
Пока же проку от них мало.
Но это к слову. Пусть узнают,
Как жён любимых замечают.

Вокруг отбоя нет. Мужчины
В своих стремлениях едины:
Там волк морской, там сухопутный.
Вниманье всё — ежеминутно.

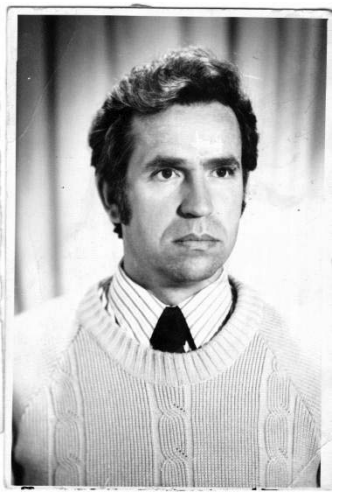
Мужьям, что дома, ох, беда.
Вдали-то с жёнами всегда.
Они не стойкий элемент,
Того гляди, в любой момент

Забудут честность, верность мужу
И за бесценок свою душу
И даже более того…
Не перечислить нам всего,

Что может с женщинами быть…
Мужьям тут впору волком выть.
Соблазнов всех не перечесть.
Чего-чего, а это есть.

Мужчин для женщин тут хватает
И даже может быть в избытке.
Здесь рой мужской вокруг витает,
И устоять пред ними — пытка.

Тут все красавцы, на подбор,
Возьмут любую на измор.



Пусть есть у каждого животик.
Ну, что ж, бывает грех такой,

Мешает он на повороте,
Заносит в сторону порой.
То устранимо. Не помеха.
Пусть он подобие подушки.

Ложатся женщины от… смеха:
Живот, мол, требует — утюжки.
Да, женский пол, известно, слабый.
Учти, назвавшись мужиком!

Не изменяли жёны дабы,
Держать их надо под замком…
Мужская ревность подогрета,
В крови накапливает месть.

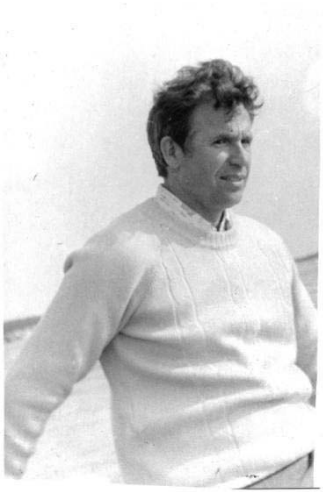
Но… стоп! Из правил, знаем это.
И исключенья тоже есть.
Чтоб было выше настроенье,
Пусть каждый верит в исключенье!

Или представит, что жена,
Товар уже совсем не модный,
Или поверит, что она
Уже как айсберг тот холодный…

Заговорился… Ох, напрасно!
А вдруг последствия? Ужасно!

Зачем словами так играю,
Жену как будто подстрекаю?

Молчу. Прими лишь пожеланье:
Не принимай всё во вниманье…



ПОПЫТКА ПЕРВАЯ

В дверь не пройти. Дежурных рать
К жене не пустит ночевать.
Понятно это стало сразу,
Что через дверь не попадёшь.

Тогда в окошко! Пусть ни разу
К жене не лазил так. Ну что ж?
Попытка — то ещё не пытка.
Была б иголка — будет нитка.

Было б желанье — будет цель.
К ногам повергнута. В то верь!
… По водосточной, по трубе,
Ползёт к неведомой судьбе.

Что ждёт его — прекрасно знает:
Жена родная повстречает,
Похвалит даже:
— Молодец!
Мужчиной стал ты, наконец.

С собой так Коля рассуждает
И осторожненько шагает,
Кот словно мартовский идёт
По очень узкому карнизу.

Хлопот, конечно, полон рот,
Всё потому: не дали визу.
И вот окошко, где жена.
Душа от радости полна.
Вдруг, незадача, оступился
И на земле вдруг очутился.
Жена за сердце:
— Ой, аврал!
Вдруг Коля что-нибудь сломал?

Но смотрит: руки, ноги целы.
— Ну, слава Богу! Пронесло,
А остальное мы проверим…
Такое наше ремесло.

Наступит ночь и станет ясно:
Паденье было ли опасно.
Но ночь уже́ не далеко.
Окно же в за́мке высоко.

Альтернатива в том теперь:
В окно нельзя, то надо в дверь!
Но как проникнуть в эти двери,
Где вход центральный? Он единый.

Большое дело — сила веры!
А верит кто? Найдёт причины,
Как обойти дежурных строй,
Чтобы попасть к жене родной.

Маленькие хлопоты

С вселеньем вроде бы порядок.
Но без проблем и свет не свет:
— Кормить раз в сутки мужа надо?
Да ничего съестного нет.

На ночь считай муж прописался,
Но вновь забота в полный рост,
Поскольку он проголодался,
Ему прервать бы надо пост.

А как? В столовую нельзя.
А вдруг увидят то друзья,
Или заметит, что страшнее,
Начальство, что у нас на шее.

Как объяснить тогда причину,
Зачем пришельца-то мужчину
Содержат в комнатах девичьих,
Пусть на правах, понятно, птичьих.

Какой-то скажут, он не наш.
Давай сыграй-ка ему марш.
Ведь кто поверит басне той,
Что муж приехал на постой.

Без документов муж не в счёт,
То пусть инкогнито живёт.
И рейд в столовую свершился,
Но результат был не ахти:

Столовый блок уже закрылся,
А значит, Коленька, прости.
Но спасена супруги честь,
Съестного кое-что, да есть.

Под платьем спрятав бутерброд
(Улучшив сразу свои формы)
Для друга бережно несёт
Пайка съестного четверть нормы.

— Пусть подкрепится хоть немножко,
Не то к утру протянет ножки.
Он все же друг и даже муж.
Пусть ест. Не жалко. Был бы дюж.

И оправдал мои надежды…
Пришла, небрежно бросив:
— Ешь ты.
Достать поболе не могла…
И на кроватку прилегла,
Как будто мужа соблазняет,
Но он того не замечает.
Известно: голод вам не тётка.
Пора бы знать о том, красотка…

А то лежит сыта, довольна.
За мужа ей ничуть не больно.
Ну что с него, растяпы, взять:
— С собой продукты надо брать.

А то взял курицы кусочек…
Сам виноват в том муженёчек.
К жене, не к тёще на блины,
Ты ехал, чёрт тебя возьми!

А потому, родной, гляди,
Себя как надобно веди.
Без ссылки чтобы, что голодный,
Иначе выставлю за дверь

Без объяснений старомодных.
Я птица вольная теперь.
Чуть что и фьють… Бывай здоров!
К чертям катись без лишних слов.

Не то покличу нашу стражу.
Она порой ночной не спит.
В делах таких она со стажем.
Она у нас всенощно бдит.

Тебя за ушко и долой,
А вместо явится другой.
На то молчит Микола бедный,
Глотая жадно бутерброд,

Слегка растерянный и бледный.
Жена, он видит, верх берёт.
Да что поделать, то привычно,
И вечный верх вполне обычный.

Продолжение следует…, но может уже дома. Целую, жду.

Здравствуйте, моё дорогое семейство!

У нас обеденный перерыв. Все в спячку кратковременную, а я за письмо маленькое.

Сегодня, после работы, в город хочу пройтись и письмо отправить. Еще одно письмо хочу в РК КПБ отнести. Жалобу на столовую, за их ежедневные щи с яблоками и прочие невкусности.

Полсрока уже отбыли, если раньше не отзовут, так что каждый день считаем деньки, когда вернёмся в наши тёплые квартиры, а пока:

Придёшь с работы и в кровать,
Себя быстрей чтоб согревать,

А это дело не простое,
Когда в кровати ты как перст.
Ах, было время золотое!
Нет, не забыть родимых мест.

Тех мест, где жёнушки остались.
Как жаль, что с ними мы расстались.
Ох, холод зверский! Помечтать
Кто очень хочет — лезь в кровать.

Как йог внушеньем согревайся,
Потом мечтаньям предавайся,
О той, что ныне далеко,
О той, что любишь глубоко,

Воспоминанья о которой
Тебе прибавило калорий…
И потеплело на душе,
И ты спокойно спишь уже.

Вот такие примерно ощущения испытывать приходится в нашей холодной комнате, на работе немножко теплее, но не всегда.

Работаем меньше, чем мы могли бы сделать. Даже меньше, чем хотели бы. То бетона нет, то утеплителя. И просто за простоями нас холодят нередко. В воскресенье вообще по этой причине не работали. В кроватях отлёживались, согревались. Заработки будут слабенькие по сему, хотя и усталости от работы не прибавится. Работников немного убавилось, но с нашего ВЦ все остались. Так что срок свой отрабатываем пока коллективно. Объект построен не может быть в этому году. Дел очень много. А работа организована крайне плохо, так, на самосознании. Ни газет, ни радио нет. Благо, что телевизор подремонтировали, хотя бы программу «Время» смотрим. А остальное время проходит в жестоких диспутах на темы любые — политические, экономические и чёрт знает какие.

Оттачиваем своё мастерство в приведении доводов и контрдоводов. Часов до 24 ежедневно в комнате шум, как на неорганизованном собрании. В магазинах ничего хорошего не видел. Колготки р. 46 видел, да и то не очень. Красивых

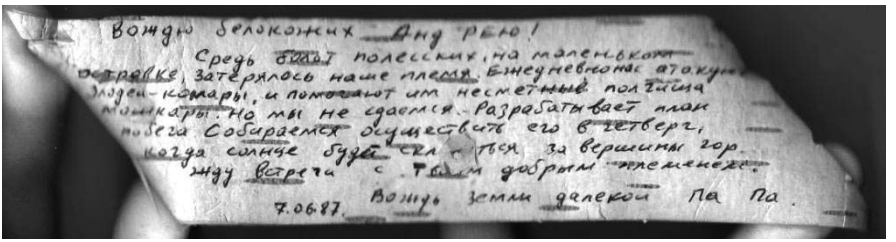
костюмов, о которых я звонил, уже больше нет в продаже. Но я закупил тогда вовремя. В комнате костюму все дали высокую оценку, так что хоть одна покупка сделана.

По вам всем соскучился крепко. А вечерами всегда вспоминаю наши с Андреем читки книжки о Потёмкине. В январе продолжим читать. Как Люда готовится к экзаменам? Посерьёзнела? А надо бы. Учёба — дело серьёзное.

Учитесь, трудитесь и будьте здоровенькие.

До свидания. Целую вас.

15.12.1987г. Папа.


Вождю белокожих Анд рею!
Средь болот полесских, на маленьком
островке, затерялось наше племя. Ежедневно нас атакуют
злодеи-комары, и помогают им несметные полчища
мошкары. Но мы не сдаемся. Разрабатывает план
побега. Собираемся осуществить его в четверг,
когда солнце будет скл[illegible]ться за вершины гор.
Жду встречи с Твоим добрым племенем.
7.06.87. Вождь земли далекой Па Па.

Комариада

Зачем, вы спросите, зачем
Писать о разных насекомых?
Приятней нету что ли тем,
Знакомых тем и незнакомых?

Ох, комары! Забыть вас что-то
Не в силах мы. На то ж весна…
Как эскадрильи самолётов
В строю — без отдыха и сна.

Для приземленья, что ж, всецело
Пригодно голенькое тело.

А этих тел, глянь: Пруд пруди
И самолёт-комар глядит

Кто пожирнее, да вкуснее.
Что ж, принцип ясного яснее.

Не Лёньки ж кровь сосать ту вволю.
Уж лучше… маленького Толю.
А почему? Понятно всё же:
Жизнь комаров так с нашей схожа!

У них, конечно, как у нас
Есть план. А значит, есть авралы.
Проспали раньше, и сейчас
Все в бой пошли — святой и правый.

И каждый, словно алкоголик,
Сосёт без устали, поди.
Хоть ты снимай на кинороликИ техучебу проводи.

Спеши, учись, пока он жив…
Комар той чести заслужил.

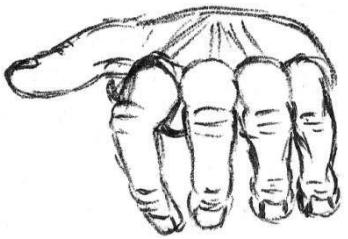
Комар полесский, чёрт возьми!
Такой он, знаете ли, братцы.
Его и хлебом не корми,
А дай, заразе, покусаться.

О, комары, ни днём, ни ночью
Щадить не думали вы нас.
В том убеждались мы воочию
И, к сожалению, не раз.
И каждый, нечего скрывать,
Жену с любовью вспоминает.
Но как её не вспоминать!
Жена жужжит, да не кусает.

А вот комар! Злодей — разбойник.
Поддайся чуть и ты — покойник.

Свой нос в тебя, как вражий штык.
Беда тому, кто не привык

К такому махро-обращенью
По комариному веленью.



Вы обнаглели, комары.
И даже больше — озверели!
Нет отпускной у вас поры.
Вегетарианской нет недели.

Энтузиазмом всё берёте!
Как будто вы — на хозрасчёте.

Как будто тварям всем подряд
Аккордный выдан был наряд,

В котором запись учинили:
Работать дружно, не чернилить!

Сосать, чтоб не был стыд и срам.
На нос и норма — по 100 грамм.

Но комары все были в форме,
Взяв обязательство — две нормы.

В болото вас бы с планом встречным!
Ишь: 200 грамм вам подавай!

А нам блюди свою беспечность.
Честь от укусов сохраняй.

Ох, комариная коррида!
Страшней чумы. Опасней СПИДа.

Но только, что греха таить,
Мы их сумели победить.
И в целом выжили в те дни.
Пусть не легки были они.

Записка

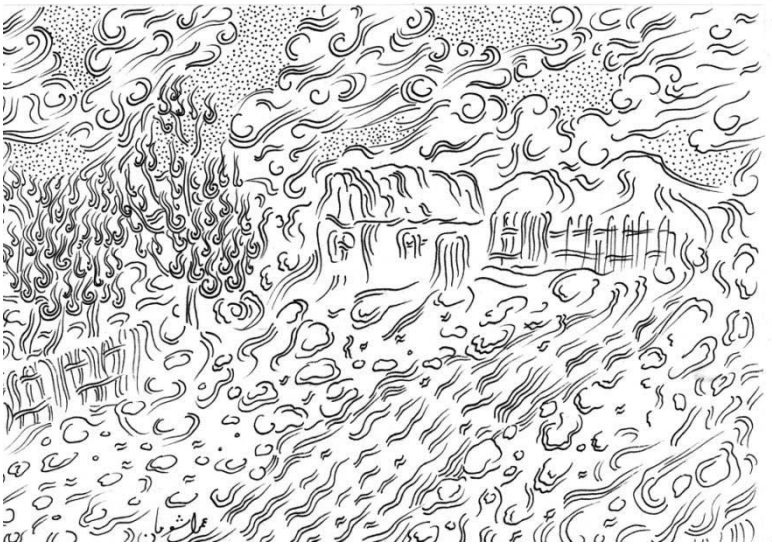
Я в город заехал,
Но паспорт забыл,
Поэтому я возвратился,
Но ты не ругайся,
А крепче люби,
Чтоб я в тебя
Крепче влюбился.

А если вернусь
Ко всему я с деньгами,
Давай-ка устроим
Мы пир между нами.

По чарочке белой
С тобой мы пропустим,
А может по две.
Это тоже допустим.

Ну, ладно, пока,
На почтамт я спешу,
А ты меня жди,
Тебя очень прошу.

Коля, 18:50, 5 августа 1973г.



Фрагменты (Из жизни коллектива ВЦ, коллектива в 50 душ). С 11 по 25 октября 1986г. Слова — народные. Автор — один из народа

I. Введение

Не говорил никто «Ура»,
Когда сказали нам: «Пора!
Пора в дорогу собираться,
В отряд строителей вливаться!»
Полдня на сборы и «вперёд».
И вот к автобусам народ

Спешит, волнуется. Ещё бы!
Позвал в дорогу всех Чернобыль.

Посёлок требуется строить,
Работу новую освоить.

II. Дорога

И вот в пути. По Минску едем.
И все горды, конечно, этим.

Ведь мы «посланцы», как-никак,
А этим сказано немало.
И будет, может, всё не так,
В колхозе, к слову, как бывало.

Коль так, терпенья наберитесь,
В писанье это окунитесь.

Прочтите несколько фрагментов,
В них с жизни взятые моменты.

Чуть-чуть фантазии, быть может,
Но не судите только строже.

Поверьте: «Юмор не во вред».
Шагал он с нами след во след.

143 Verlesung aus der Tora קריאת התורה ליום א דשבועות

Donnerstimmen, die Feuerflammen, den Trompetenschall und den rauchenden Berg; als es das Volk gewahr ward, erbebten sie und standen von ferne. Sie sprachen zu Moscheh: Rede du mit uns, so wollen wir gerne hören; lass nur Gott nicht mit uns reden, wir möchten des Todes sein. Moscheh sprach zum Volke: Fürchtet euch nicht, denn Gott ist nur gekommen, euch auf die Probe zu stellen, und damit auf eurem Angesichte Ehrfurcht vor ihm sei, dass ihr nicht sündigt. Das Volk blieb also von ferne stehen, Moscheh aber näherte sich der finstern Wetterwolke, wo Gott erschien.

Der Ewige sprach zu Moscheh: So sollst du den Kindern Israel's sagen: Ihr habt nun gesehen,

וְכֹל־אַתָּה עָמְנוּ וְנִשְׁמָעָה וְאַל־
יְדַבֵּר עִמָּנוּ אֱלֹהִים פֶּן־נָמוּת:
וַיֹּאמֶר מֹשֶׁה אֶל־הָעָם אַל־
תִּירְאוּ כִּי לְבַעֲבוּר נַסּוֹת אֶתְכֶם
בָּא הָאֱלֹהִים וּבַעֲבוּר תִּהְיֶה
יִרְאָתוֹ עַל־פְּנֵיכֶם לְבִלְתִּי
תֶחֱטָאוּ: וַיַּעֲמֹד הָעָם מֵרָחֹק
וּמֹשֶׁה נִגַּשׁ אֶל־הָעֲרָפֶל אֲשֶׁר־
שָׁם הָאֱלֹהִים: ס וַיֹּאמֶר
יְהוָה אֶל־מֹשֶׁה כֹּה תֹאמַר אֶל־
בְּנֵי יִשְׂרָאֵל אַתֶּם רְאִיתֶם כִּי
מִן־הַשָּׁמַיִם דִּבַּרְתִּי עִמָּכֶם: לֹא
תַעֲשׂוּן אִתִּי אֱלֹהֵי כֶסֶף וֵאלֹהֵי
זָהָב לֹא תַעֲשׂוּ לָכֶם: מִזְבַּח
אֲדָמָה תַּעֲשֶׂה־לִּי וְזָבַחְתָּ עָלָיו
אֶת־עֹלֹתֶיךָ וְאֶת־שְׁלָמֶיךָ צֹאנְךָ
וּבְקָרֶךָ בְּכָל־הַמָּקוֹם אֲשֶׁר
אַזְכִּיר אֶת־שְׁמִי אָבוֹא אֵלֶיךָ
וּבֵרַכְתִּיךָ: וְאִם־מִזְבַּח אֲבָנִים
תַּעֲשֶׂה־לִּי לֹא־תִבְנֶה אֹתָם
גָּזִית כִּי חַרְבְּךָ הֵנַפְתָּ עָלֶיהָ
וַתְּחַלְלֶהָ: וְלֹא־תַעֲלֶה בְמַעֲלֹת
עַל־מִזְבְּחִי אֲשֶׁר לֹא־תִגָּלֶה
עֶרְוָתְךָ עָלָיו:

פסל לך תרין לוחין מן סנפרנון דתחות כרסיה דמלכא חיא:
עזהל יהוה לבה דמשה ותרי דהוה אל רחום אגלגוס דידה:
קריבו מלאכיא לות כרסיה הקרים ואמרין בבעו מינך
הלא ישלוט בן:
רישא דכפא בחוטרה תבר ואבן קשתן ליה למנגשא:

„Behaue ein Tafelpaar dir aus jenem Saphire [1])
„Unter dem Throne hier des ewiglebenden Herrschers."
Freudig wallte sein Herz, fühlend des Allerbarmenden Schutz.
Denn Engel schwangen sich hin zu dem ätherischen Thron,
Und baten: O lass ihn an uns nicht wagen heran,
Er, der mit dem Stab zerschellte den Fels [2]), schwer ist es, mit ihm sich zu einen.

[1]) Nach dem Textlaute: Und sie haben den Gott Jisrael's, und unter seinen Füssen war wie ein Werk aus glänzendem Saphir, und wie die Reinheit des Himmels an Klarheit (Exod. 24, 10.). Aus einer solchen edlen ätherischen Substanz sollen die beiden Tafeln bestanden haben.

[2]) Die Engel anticipiren hier ein Vergehen Moscheh's, das wahrscheinlich nach der Offenbarung statt gefunden haben mag. Die Andeutung bezieht sich auf den Auftrag Gottes, den Felsen anzureden, dass er Wasser gebe (4. M. 20, 8.), und die eigenmächtige Handlung auf den Felsen zu schlagen (Pers 11.), wodurch das göttliche Wunder verringert werden und die Strafe für Moscheh und Aharon, ihren Lebenslauf in

Итак, вас в гости приглашаем,
И кое-что вам обещаем.

Вначале скажем вам о том,
Как мы по Минску колесили.
Остановились. Гастроном.
Хотя о том и не просили.

(Тут объяснить пора детали:
Колонну здесь формировали).
Прошла минута, или пять,
Пора продолжить нам дорогу,
Быстрее двигаться опять,
Поскольку едем на подмогу.

Даёт милиция сигнал,
Чтоб в нужный час всяк место знал,
И в мягком кресле своём был,
По магазинам не ходил.

Не досчитались всё ж двоих.
Ну, как поедешь тут без них?

Пошли на поиски Ирин
В ближайший, ясно, магазин.

И вот нашлись. Ну, слава Богу,
(Другое тут сказать бы к слогу!)

Идут вразвалочку, чуть-чуть.
Мол, доберёмся как-нибудь.

А то, что ждут, забыли вроде.
У молодёжи это в моде!

Несут оттуда, как награду,
Поверьте, связку лимонаду.

На лимонадных королев
За их безбрежную беспечность,

Кто зарычал, как будто лев?
О том не скажем мы, конечно.

Да дело, впрочем-то, не в этом.
Не той же им платить монетой.

И зла держать совсем не надо
За те бутылки лимонада.

За то, что шли они вразвалку,
Одну милицию нам жалко.

Её как можно не понять —
Колонну надо отправлять.

Вот едем час или другой.
Организован вдруг «Отбой».

Кто разминался, кто в кусты,
А кто влез по уши в мечты.

Как снова стали собираться,
То вновь, как прежде, недочёт.
Ну, чем тут можно оправдаться?
Мы знаем то наперечёт.

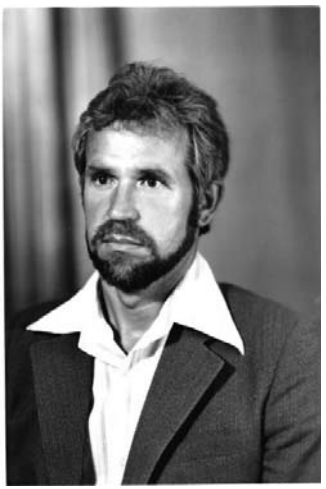
Кто лимонада много пьёт,
Тот, что ж, бывает, отстаёт.
Пожалуй, тут всё очень ясно.
Писать подробности — напрасно.

III. Приезд

Вот Буда-Люшево, куда
Нас привела людей беда.

Посёлок ровно в 100 домов,
Достроим чуть и он готов.

Вселяйтесь, граждане. Живите.
Нас добрым словом помяните.



IV. Жильё

И мы вселились. Но, конечно,
Кому как в этом повезло.
На всё взирали мы беспечно.
Что неудобства? В них ли зло?

Поскольку нас было немало,
Удобства ждать нам не пристало.

Но, если честно, без прикрас,
К жилью претензий нет у нас.

Жильё представлено неплохо.
(Быть может, сказано с подвохом).

Ведь мы строители. А значит:
Построим — будем жить иначе!

Был быт пусть малость сложноватый,
Но не найти в том виноватых.

И не искали мы. Зачем?
Тут нелегко, понятно, всем.

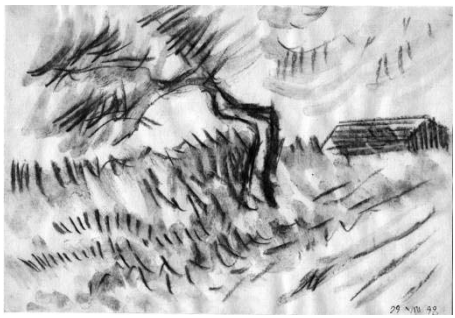
Где жили мы? В местах различных.
Порой, признаться, в необычных.

Нам дали номер «Люкс» отдельный.
Живите. Это не смертельно.

Пусть нет такого и в окрест,
Чтоб номер — в восемьдесят мест.

Отдельный номер, что у нас,
Он был как будто напоказ.

Спортзал вместителен, конечно,
И встретил нас вполне сердечно.



Огромный зал и потолок
Всё впечатляло. Только прок

От всей громоздкости такой,
Поверьте, очень небольшой.

Как только вечер наступает,
Театр, кино и цирк бывает.

Всё в этом номере одном,
Как между вымыслом и сном.

Нас восемнадцать только было.
А остальные — старожилы.

Они давным-давно живут.
Дней девяносто. Только тут.

И то, что нам здесь необычно,
Для них понятно и привычно.

Вот оцените эпизоды,
Что потрясали зала своды.

Один кричит: «Давай отбой!»
«Да будет свет!» — орёт другой.

А третий, пятый, а десятый,
Ещё точней — восьмидесятый?

О чём, о чём кричат они?
Коль умный — сам возьми пойми.

Орут, как резаные. Что ж,
Тут всё понятно: сколько пьёшь,

То и куражишься настолько,
Отпетой дури хватит сколько.

Что нам в минуты те казалось?
О чём, смешно сказать, мечталось:

«Дурдом — порядок и покой.
Там отдыхаешь хоть порой,

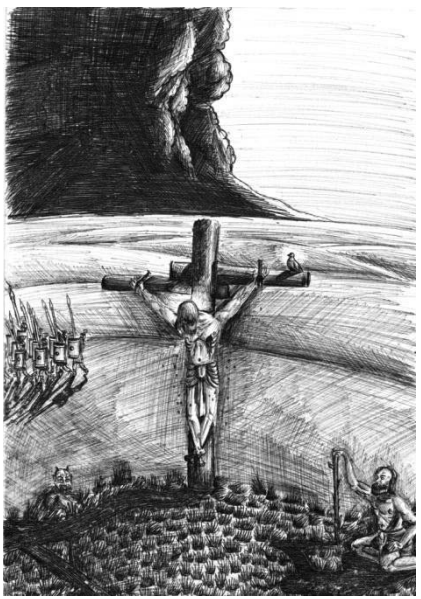
А тут — сплошная кутерьма.
Не санаторий, не тюрьма…»

Галдёж, и шум, и смех, и крик.
Не каждый к этому привык.

Сравнимо видно всё вполне
Тут с пьесой Горького «На дне».

Кто пьян, а кто совсем дурак,
Кто спит, прилёг кто просто так,

Кто в карты режет, кто-то пьёт,
Кто — в домино, кто к чёрту шлёт



Друзей, подруг и всех подряд.
А кто газете даже рад.

Нашел её (за прошлый год)
Теперь до дыр её зачтёт.

Там диспут бурный, там — покой.
Калейдоскоп вполне такой

Привычен стал за эти дни
Вдали от жён, мужей, родни.

А дым ещё. Он, как туман,
Поскольку каждый — хулиган.

Пускай и мелкий. Ох, курцы,
Пороли мало вас отцы.

Сидят, лежат и курят так,
Лекарство будто бы табак

От всех невзгод, от разных бед,
Иль неприятностям ответ.

Усталость вроде снимет он,
И сердца боль — из сердца вон.

По сигаретке, по другой:
И дым, как сказочный — трубой.

Тот дым, который, как дурман.
Число он множит наших ран

На легких, сердце и душе.
Твердим то тыщу раз уже!

А кашель, громкий, как навзрыд,
В огромном зале так гремит!

Как колокольный медный звон
Летит курящих скорбный стон,

Курцы, что ядом воздух полнят,
Об окружающих не вспомнят.

То ж наркомания, но ми́ни,
Где воли нету и в помине.

Помочь в беде бы этой им,
Но безучастно мы глядим,

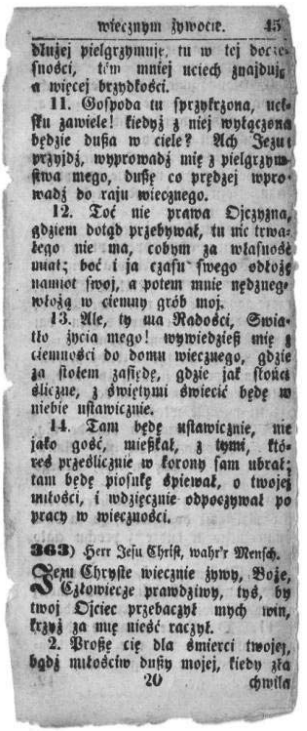
Как сигаретный каждый вздох,
Здоровью, ох, какой подвох.

Уносит молодости дни
(Невосполнимые они!),

Удар здоровью каждый раз.
О том печальный, длинный сказ…

Тот, кто прочтёт страницу эту,
Быть может, бросит сигарету?

Ведь для того мы отвлеклись —
Два мненья тут на бой сошлись:



wiecznym żywocie. 45

dłużej pielgrzymuje, tu w tej doczesności, tém mniej uciech znajduię a więcej brzydkości.

11. Gospoda tu sprzykrzona, uciesku zawiele! kiedyż z niej wyklączona będzie dusza w ciele? Ach Jezu przyidź, wyprowadź mię z pielgrzymstwa mego, duszę co prędzej wprowadź do raju wiecznego.

12. Toć nie prawa Ojczyzna, gdziem dotąd przebywał, tu nic trwałego nie ma, cobym za własność miał; boć i ja czasu swego odłożę namiot swoi, a potem mnie nędznego włożą w ciemny grób moj.

13. Ale, ty ma Radości, Swiatło życia mego! wywiedziesz mię z ciemności do domu wiecznego, gdzie za stołem zasiędę, gdzie jak słońca śliczne, z świętymi świecić będę w niebie ustawicznie.

14. Tam będę ustawicznie, nie jako gość, mieszkał, z tymi, którzes przedliczne w korony sam ubrał; tam będę piosnkę śpiewał, o twojej miłości, i wdzięcznie odpoczywał po pracy w wieczności.

363) Herr Jesu Christ, wahr'r Mensch.

Jezu Chryste wiecznie żywy, Boże,
Człowiecze prawdziwy, tyś, by
twoj Ojciec przebaczył mych win,
krzyż za mię nieść raczył.

2. Proszę cię dla śmierci twojej,
bądź miłościw duszy mojej, kiedy zła

Одни — курить! Другие — нет!
А жизнь одна даёт ответ.

Вот шум утих, ночь наступила.
Покой настал? Не тут-то было!

Чтоб стало ясно для других,
Поведать вам рискну немножко

Я о страданиях мужских,
Открыв в интимный мир окошко.

(Предполагаю: в женский тоже.
В делах интимных — все похожи).

Прожив немало — две недели,
Все песнь протяжную запели,

О том, что как в краю далёком
Забыть не могут синеоких

И черноглазых и других.
О них все помыслы. О них.

Ночь напролёт переживают,
Подушку крепче обнимают.

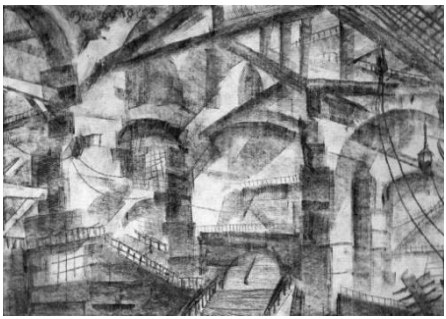
Кого бы лучше? Не секрет!
Да нет чего, того уж нет.

Впотьмах вздыхают так протяжно
И, что отметить очень важно,

Рукою рядом проведут,
Кого искали, не найдут.

И снова стон, печальный стон,
Летит над залом птицей он

И приземляться не желает.
Так без мужей и жён бывает,



Без женихов и без невест,
И без родных, конечно, мест.

Волнуясь, курят в потолок,
И не один из них изрёк:

«А дома, братцы, всё же лучше.
Здесь одиноки мы. Как в пуще.

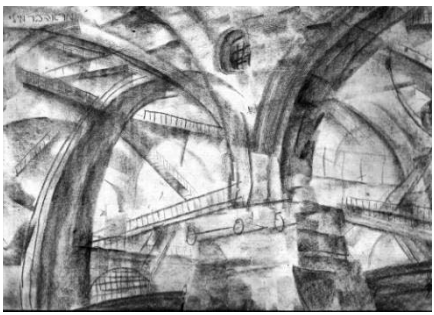
Домой, домой. Уют нам снится.
Эх, улететь туда бы птицей,

К жене любимой, той, что ждёт,
Что любит, верит и поймёт…»

На раскладушках так лежат
И верность тем свою хранят.

Где край деревни, где «камчатка»,
Жила отважная «десятка».

Дом старый, в общем, бывший дом,
Облагорожен был трудом.



Избушка, впрочем, как избушка.
Жила когда-то здесь старушка.

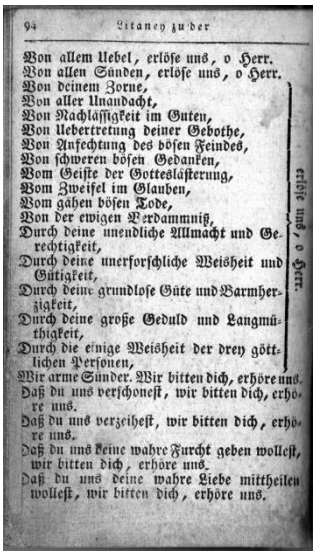
Теперь — промыли, протопили,
И две недели мирно жили.

Когда ж подробнее чуть-чуть,
В избушку надо заглянуть.

Вот дверь входная. Ниже нет.
Пригнись. Пройдись (Такой совет).

Не раз, бывало, Дима лбом
До основанья тряс весь дом,

Когда он с танцев возвращался,
Про дверь, про эту, забывался.


94 Litaney zu der

Von allem Uebel, erlöse uns, o Herr.
Von allen Sünden, erlöse uns, o Herr.
Von deinem Zorne,
Von aller Unandacht,
Von Nachläſſigkeit im Guten,
Von Uebertretung deiner Gebothe,
Von Anfechtung des böſen Feindes,
Von ſchweren böſen Gedanken,
Vom Geiſte der Gotteslästerung,
Vom Zweifel im Glauben,
Vom gähen böſen Tode,
Von der ewigen Verdammniß,
Durch deine unendliche Allmacht und Gerechtigkeit,
Durch deine unerforſchliche Weisheit und Gütigkeit,
Durch deine grundloſe Güte und Barmherzigkeit,
Durch deine große Geduld und Langmüthigkeit,
Durch die einige Weisheit der drey göttlichen Perſonen,
Wir arme Sünder. Wir bitten dich, erhöre uns.
Daß du uns verſchoneſt, wir bitten dich, erhöre uns.
Daß du uns verzeiheſt, wir bitten dich, erhöre uns.
Daß du uns deine wahre Furcht geben wolleſt, wir bitten dich, erhöre uns.
Daß du uns deine wahre Liebe mittheilen wolleſt, wir bitten dich, erhöre uns.

Erlöſe uns, o Herr.

Но дальше? Что за интерьер,
Пройдёшь когда входную дверь?

Стоит там бочка. Вся из дуба,
Как из пивного взята клуба.

Но пива нет в ней. В том беда.
И пусто было в ней всегда.

Потом вход в спальню. Девять мест.
А кто ж отдельно спит, как перст?

Десятый там. Старшой, конечно,
Тепло где, сухо и беспечно.

На том диване, что за печкой,
Прекрасно. Просто благодать.
Там не пускают дым колечком,
Сверчком пропой и можно спать.
Кто спит? В. К. зовёт весь дом.

Живут, и пусть себе живут…
Не задержались ли мы тут?

Там, за деревней, за кладби́щем,
Где только вольный ветер свищет,

Там поселилась женщин стайка,
Средь них комсорг известный — Майка.

Но там живут аристократки.
У них, конечно, всё в порядке.

И ванна есть и туалет.
Мужчин, бывает, только нет.

Но те, что временно приходят.
Комфорт на блюдечке находят…

В другой квартире — сплошь плебеи.
Они не могут, ну никак

Получше жить, хоть ты убей их.
Судьба — чертовка к ним вот так!

Простите, даже туалета
И то во всей округе нету.

Из-за отсутствия его
Обедать вовсе перестали,

И, что опаснее всего,
В два раза тоньше даже стали.

Все потому: Куда пойдёшь?
Что «надо» быстро ли найдёшь?

Вот было б рядышком удобство,
Какое было б превосходство

Над очень сложным бытиём,
В котором временно живём.

Они мечтали так. И, чудо,
Возник «дворец» из ниоткуда.

Совсем под боком, за сараем.
(Бывает так, когда мечтаем.)

И кто-то громко первым начал,
Доволен вроде, не иначе:

«Ура! Построили уже
Объект, что скромно назван «Жэ».

Так оптимисты закричали,
А пессимисты все молчали.

Ну, а потом слова нашлись
И ураганом пронеслись:

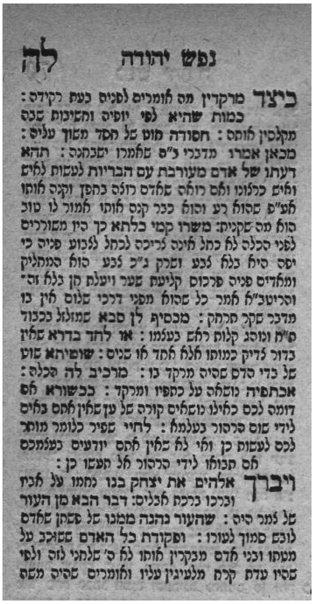
«Кто автор? Автора к ответу» —
Раздались чьи-то голоса.

12 Canon

Qui prídie quam paterétur, Accipit Hostiam, accépit panem in sanctas, ac venerábiles manus suas, Elevat oculos ad cœlum, et elevátis óculis in cœlum ad te Deum Patrem suum omnipoténtem, tibi grátias agens, Signat super Hostiam, benedíxit, fregit, dedítque discípulis suis, dicens: Accípite, et manducáte ex hoc omnes.

Tenens ambabus manibus Hostiam inter indices et pollices, profert verba consecrationis secrete, distincte, et attente super Hostiam, et simul super omnes, si plures sint consecrandæ.

Hoc est enim Corpus meum.



נפש יהודה לה

כיצד מרקדין מה אומרים לפניה כעת רקידה:
כמות שהיא לפי יופיה וחשיבות שבה
מקלסין אותה: חסודה חוט של חסד משוך עליה:
מכאן אמרו מדברי ב"ש שאמרו ישבחנה: תהא
דעתו של אדם מעורבת עם הבריות לעשות לאיש
ולאיש כרצונו ואם רואה שאדם רוצה בחפץ וקנה אותו
אע"פ שהוא רע והוא כבר קנה אותו אמור לו טוב
הוא מה שקנית: משרו קמי כלתא כך היו משוררים
לפני הכלה לא כחל אינה צריכה לכחל לצבוע פניה כי
יפה היא בלא צבע ופרק ג"כ צבע הוא המחליק
ומאדים פניה פרכום קליעת שער ויעלת חן בלא זה"
והריטב"א אמר כל שהוא מפני דרכי שלום אין בו
מדבר שקר תרחק: מכסיף לן סבא שמזלזל בכבוד
ת"ח ונוהג קלות ראש בעצמו: או לחד בדרא שאין
בדור צדיק כמותו אלא אחד או שנים: שוטיתא שוט
של בדי הדס שהיה מרקד בו: מרכיב לה הכלה:
אכתפיה נושאה על כתפיו ומרקד: ככשורא אם
דומה לכם כאילו נושאים קורה של עץ שאין אתם באים
לידי שום הרהור בעלמא: לחיי שפיר כלומר מותר
לכם לעשות כן ואי לא באין אתם יודעים בעצמכם
אם תבואו לידי הרהור אל תעשו כן:
ויברך אלהים את יצחק בנו נחמו על אביו
וברכו ברכת אבלים: דבר הבא מן העור
של נמר היה: שהעור נהנה ממנו של שחין שאדם
לובש סמוך לעורו: ופקודת כל האדם ששוכב על
מטתו ובני אדם מבקרין אותו לא ה' שלחני לזה ולפי
שהיו עדת קרח מלעיגין עליו ואומרים שהיה משה

Увы, сбежал, и следа нету,
Ещё б, убогая краса.

Неэстетичное творенье
(Каких у нас сейчас полно),
За что в эпоху Возрожденья
Сожгли бы заживо давно.

Потом. Потом всё улеглось
И место действиям нашлось:
«Кто испытатель? Жребий бросим!»
… Объект испытан. В гости просим.

V. Работа

Жильё, питанье по приказу
Было представлено нам сразу,

А инструмент и фронт работ
Был для того, кому везёт.

Но в целом был. К чему лукавить,
За что начальство надо славить.

Брались за всё. О чем тут речь?
Мы не пытались пренебречь

Любой работой. Как же можно!
И шли туда, где трудно, сложно.

Никто не стал, к примеру, спорить:
Заборы красить, так заборы.

Их, к сожаленью, очень мало.
На всех, порою, не хватало.

Но если было делать что,
Все на работу налетали.
Тут не «свекла». Совсем не то.
Работу здесь на части рвали.

И каждый тут считал за честь,
Когда работы много есть…

Полы мы делали в домах,
Был, правда, чуть-чуть риск и страх.

Мы понимали, ведь не дети,
Что все за качество в ответе.

И помним с очень давних пор,
Что совесть — лучший контролёр!

Смотреть приятно на работу,
Когда для всех она — в охоту.

Летят, как птицы, кирпичи.
(В руках проворных всё летает)
А сердце крепче всё стучит
И напряженье возрастает.

То на машину, то с неё.
Доска, столбы, кирпич и блоки.
Диктует стройка бытиё
И поджимают крепко сроки.

Рукам забот невпроворот:
Убрать, поднять, сложить, поставить.
Пусть пот ручьём со лба течёт,
Всё на потом нам не оставить.

Спешим. Торопимся. Дома́
Под ключ сдавать через неделю.
Работы же, пока что тьма.
С веленьем щучьим бы — Емелю!

Но на Емелю что кивать?
Не в сказке мы. Его не будет.
Самим всё надо создавать.
Нас по делам оценят люди.

И создавали, что сказать,
Профессий множество освоив.
Нас жизнь проверила опять,
Экзамен зрелости устроив.

Мы, как-никак, рабочий класс.
И тем горды не на показ,
Звучит, поскольку, как награда:
«Рабочий первого разряда!»

Вот, например, идут «малярки»,
А в вёдрах что? Там краски ярки.

Зелёный, рыжий, синий цвет.
Других цветов, по правде, нет.

Заборы, двери, окна красят,
С которых день-деньской не слазят,

Как будто микро-скалолазки,
И всем мужчинам строят глазки.

Ларисы, Вали и Ирины,
Елены, Майи и Марины,

Тамары, Светы и так дальше,
Кто помоложе, кто постарше.

Нос вверх. На губках же — помада
Работниц первого разряда.

А то бывает, что уборка
Их позовёт. Работы столько,

Да и такой. Совсем не женской,
Не городской. Не деревенской.

Полурабочей, всё ж, наверно,
Точнее — полуинженерной.

К примеру, шифер по листам
Нести сказали — к тем домам.

А он, вам надобно сказать,
Не лист какой-нибудь лавровый.
Его попробуй-ка поднять,
Для женских рук он, как свинцовый.

Но поднимают. Это ж стройка.
Берут, несут, прикажут сколько,

Да суть не в этом. В том, что трудно,
То понимать должны подспудно.

Мужчинам проще. Силы больше.
Им брать не в тягость длинше, толще,

Потяжелее, посложней.
Не день, не два, а много дней.

Щит, перемычку, блок дверной.
Фронтон сарайный, ползабора,
Доски полсвязки обрезной,
Поддон, стропила — всё без спора.

Кому ж всё это делать надо?
Рабочим первого разряда!

…Вот ямобур сломался вскоре,
Лишь начал ямы под заборы,

Верней под столбики дырявить.
Что ж, горе-технику ославить

Легко. Но как же дальше быть?
Забор-то надо городить.

Лопаты быстро замелькали,
Мужчины их покрепче взяли.

Быстрее даже механизма.
Вот где уроки атлетизма!

И так не раз, не два бывало.
Но хвастать, право, не пристало.

А кто усвоил всё не так?
Тот, кто работал кое-как.

В них принцип был, куда уж хуже!
Такой нам принцип, ох, не нужен:

… Держись, хотя бы за лопату.
Чтоб при работе состоять.
А срок придёт, иди зарплату
(Карман по шире!) получать.

Объём и качество труда
Ценить не можем: В том беда…

VI. Быт

Досуг и быт перемешались.
Но быт! Как с ним они сражались,

Хочу о женщинах сказать.
Им трудно! Тут ни дать ни взять.

Но знаем женские уловки
Повсюду и… в командировке.

Особо в них. В том весь секрет.
Кого привлечь бы? Проще нет.

Нашли того, кого хотели,
Ругали, правда, но жалели.

… Иосиф — добрый, тихий малый,
По женской части он — бывалый.

Великий мастер — истопник.
Слегка, быть может, баловник.

Но, в целом, очень молодец.
С таким спокойно — под венец.

Всё потому, что молодой
(В командировках — холостой)…

«Иосиф!» — Валя вдруг вскричала,
—
«Тепла, не видишь ли, нам мало!

Пошевелись-ка, дай тепло,
Вспотело чтоб в окне стекло».

«Тепла, тепла!» — вскричали все,
Представ в бушующей красе.

И загалдели, как грачи
(У женщин принцип — не молчи.

На то и женщины, понятно)
«Добро», — ответил Ёська внятно.

Как братство женское хотело,
Через минуту печь гудела.

Через вторую: «Ой, беда!
Иосиф, в кране где вода?»

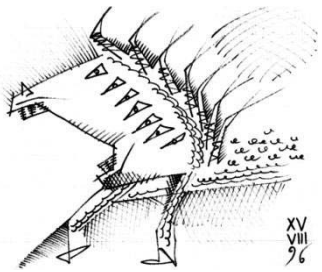
Ещё минута. Женский цвет
Велит: «Иосиф, света нет».

Иосиф мечется, бедняга
Туда-сюда, быстрее чтоб.
В одной руке с водою фляга,
Другою трёт вспотевший лоб.

Как всё исполнил, что хотели,
Прилёг на коврик у постели…

У чьей? Об этом умолчим.
На то немало есть причин…

Привычка барская, конечно,
Эксплуатировать мужчин.
Быть может это бессердечно?
Но это всё не без причин…



VII. Питанье

Питáнье, если без обмана,
Было́ оно не для гурманов.

Но калорийно. В целом — сытно.
Хотя, порой, не аппетитно.

(И даже хлеб с песком давали.
Как наругались — перестали.)

Кому не нравился обед,
Готовь-ка сам — всему в ответ.

И кашку манную варили
По вечерам и по утрам.
Когда в гостях (под вечер) были,
Ту кашку пробовал я сам.

Кто ж дружно принялся за дело,
Что кашка сварена умело?

В ней молоко, крупа и соль.
Налей в стакан и есть изволь.

А повáриха́ — вот она.
Пока что тонка, не полна.

Чтоб похвалили, ждёт, молчит.
А вид? Какой прелестный вид.

Мала, хрупка, что ангел тот.
(С женой кому-то повезет!)

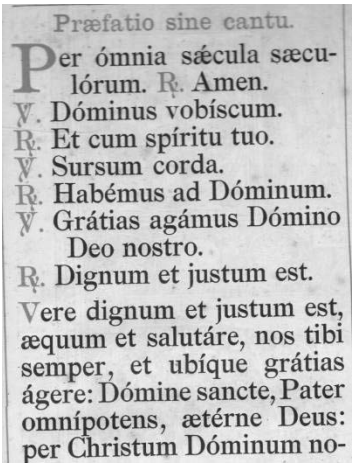
С улыбкой — всем на умиленье:
«Гость, дорогой, вот угощенье».

Знаком с ней (с кашей!) станешь ближе,
Пожалуй, пальчики оближешь.

Скажи-ка, есть же мастерицы!
Хоть с виду явный практикант.
Тут не грешно и повториться:
«Талант, он братцы, есть талант!»

Слегка пусть каша подгорела
И пересолена чуть-чуть,
Но разве в том, скажите, дело?
Простим мы это как-нибудь.

А кто сварил? Что за девчи́на?
Её зовут… Не в том причина.


Præfatio sine cantu.
Per ómnia sæcula sæculórum. ℟. Amen.
℣. Dóminus vobíscum.
℟. Et cum spíritu tuo.
℣. Sursum corda.
℟. Habémus ad Dóminum.
℣. Grátias agámus Dómino Deo nostro.
℟. Dignum et justum est.
Vere dignum et justum est, æquum et salutáre, nos tibi semper, et ubíque grátias ágere: Dómine sancte, Pater omnípotens, ætérne Deus: per Christum Dóminum no-

VIII. Трудности

Болезни нас слегка косили,
О чём их вовсе не просили.
Глаза болели, зубы, уши,
Порой сердца и даже души.

На расстоянии таком
От очага родней родного
С болезнью кто был незнаком?
Но что тут, скажете такого.

Болезни надо побеждать,
Своё здоровье — укреплять!

Болеть поменьше мы старались,
На «ты» к болезням обращались.

Нас не свалили они. Нет!
Энтузиазм наш не сточили.
Болезням каверзным в ответ
Мы дух здоровый утвердили.

Рассказ не стоил бы и цента
Коль основное не сказать:

«Мы с вычислительного центра.
Девиз наш — только побеждать!»

Работу, трудности досуга.
Жильё, быльё, чёрт знает что.
Да хватит, может быть, про то.

IX. Досуг

И танцы были. Что за танцы!
Танцуют, словно новобранцы,

Стараясь делать всё отменно,
Что вытворяют с телом бренным!

Всё тело, словно бы змея,
И всяк — такие кренделя,

Такой задор, такая пляска!
Душе и телу эта встряска

Нужна, конечно, спору нет.
Танцуют все. И кто как может.

То есть — танцуют не похоже.
Да так, что каждый весь вниманье.
На них весь взгляд и созерцанье.

И пот с танцующих струится.
На этих «труженицы» — молиться.

На Ир, Марин, Тамар и Люд,
Что ритуал танцорский чтут.

Им жарко, душно. Согреванье —
Ну чем не повод к раздеванью.

Коль так, одежки дружно вниз.
(Похоже внешне на… стриптиз.)

Пальто, плащи и куртки. Даже
Всё то, что есть у нас в продаже,

И даже то, что лишь по блату
Доступно было брату, свату.

Всё это ясно, неспроста.
Была такая духота!

Там Майка стан свой крутанула,
Кому-то глазом чуть моргнула,

В полосках, словно зебра вся,
Своих поклонников тряся…

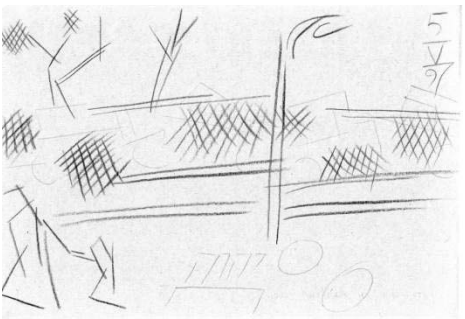
Она, конечно же, в ударе
И танец нам весёлый дарит.

Да и другие. Что сказать:
«Народ умеет танцевать!»

X. Отсрочка

Был трудный день, нам объявили:
«Командировки всем продлили»…

Но кто возьмёт такую смелость
Об этом женщинам сказать?
Гонца нашли. Хоть не хотелось
Ему то дело выполнять.
Гонец помчался. У гонца,
Сказать по правде, нет лица.



Известий много. Хуже нет.
За всё держи, гонец, ответ.

Как в старину, так и теперь
Язык отрубят и за дверь.

А то и голову сорвут.
Плохих вестей нигде не ждут.

Пусть могут голову отсечь.
Гонец обязан молвить речь.

И вот гонец, собравшись с духом,
Сказал, как можно посильней:
«Приказ имеем, не по слухам…
Велят остаться на пять дней».

Холодный пот со лба струится,
Гонец испуганно глядит
На перекошенные лица,
На устрашающий их вид.

Немая сценка. Да и только.
Но гамма чувств: «Терпеть, мол, сколько?
Нам ни за что не перенесть
Её, убийственную весть».

Потом текли обильно слёзы
Ручьём, рекой, Бог знает чем.
И их усиленные дозы
Сыграли роль свою затем.

Кто больше плакался в жилетку,
Того и взяли на заметку.

И пожалели. Как иначе!
Жалей того, кто громче плачет,
И кто, естественно больной,
Иль муж ревнивец, баловной,

Или устал кто — мочи нет,
Тот в Минск на завтра взял билет.

А остальные, вытря слёзы,
(Зачем теперь им плакать впрок)
Встречать октябрьские морозы,
Ушли на стройку. Срок есть срок.

XI. Заключение

Мы все о трудностях сейчас
С улыбкой доброй вспоминаем,
Как мы вошли в рабочий класс
И вновь войти… не возражаем.

Поможем, если есть кому.
Всегда готовы мы к тому.

XII. От автора

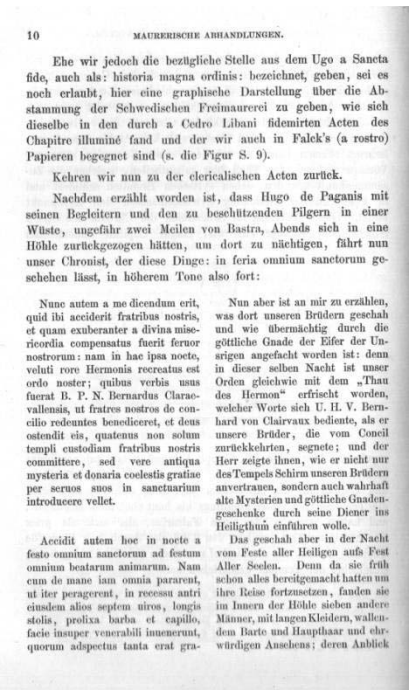
В конце скажу без проволочек:
«Кто поэтичный создал фон
И тем помог в рожденье строчек,
Тому нижайший мой поклон…»
Кому? Сказал бы тет-а-тет.
Но… в том мой маленький секрет.

А впрочем, что таиться мне?
Чем поэтичности обязан?
Воспоминаньям о жене,
С которой я навечно связан!

Список
Лучших работников ВЦ, работавших
На строительстве жилых домов в д.
Буда-Люшево, Буда-Кошелевского
Района, Гомельской области.

Среди мужчин:
1. Хилбок А.Р.
2. Бицкович В.И.
3. Ривкин Е.Б.
4. Букатич В.В.
5. Кастючик А.В.
6. Позняк В.Г.
7. Кривоносов М.Е.

Среди женщин:
1. Крук В.Е.
2. Кирсанова Е.В.
3. Дубровская М.В.
4. Мокрус И.Е.
5. Яцкевич И.Ф.
6. Салтымакова И.А.



10 MAURERISCHE ABHANDLUNGEN.

Ehe wir jedoch die bezügliche Stelle aus dem Ugo a Sancta fide, auch als: historia magna ordinis: bezeichnet, geben, sei es noch erlaubt, hier eine graphische Darstellung über die Abstammung der Schwedischen Freimaurerei zu geben, wie sich dieselbe in den durch a Cedro Libani fidemirten Acten des Chapitre illuminé fand und der wir auch in Falck's (a rostro) Papieren begegnet sind (s. die Figur S. 9).

Kehren wir nun zu der clericalischen Acten zurück.

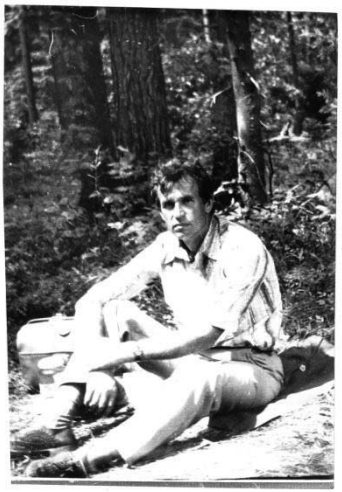
Nachdem erzählt worden ist, dass Hugo de Paganis mit seinen Begleitern und den zu beschützenden Pilgern in einer Wüste, ungefähr zwei Meilen von Bastra, Abends sich in eine Höhle zurückgezogen hätten, um dort zu nächtigen, fährt nun unser Chronist, der diese Dinge: in feria omnium sanctorum geschehen lässt, in höherem Tone also fort:

Nunc autem a me dicendum erit, quid ibi acciderit fratribus nostris, et quam exuberanter a divina misericordia compensatus fuerit fernor nostrorum: nam in hac ipsa nocte, veluti rore Hermonis recreatus est ordo noster; quibus verbis usus fuerat B. P. N. Bernardus Clarevallensis, ut fratres nostros de concilio redeuntes benediceret, et deus ostendit eis, quatenus non solum templi custodiam fratribus nostris committere, sed vere antiqua mysteria et donaria coelestis gratiae per seruos suos in sanctuarium introducere vellet.

Accidit autem hoc in nocte a festo omnium sanctorum ad festum omnium beatarum animarum. Nam cum de mane iam omnia pararent, ut iter peragerent, in recessu antri eiusdem alios septem uiros, longis stolis, prolixa barba et capillo, facie insuper venerabili inuenerunt, quorum adspectus tanta erat gra-

Nun aber ist an mir zu erzählen, was dort unseren Brüdern geschah und wie übermächtig durch die göttliche Gnade der Eifer der Unsrigen angefacht worden ist: denn in dieser selben Nacht ist unser Orden gleichwie mit dem „Thau des Hermon“ erfrischt worden, welcher Worte sich U. H. V. Bernhard von Clairvaux bediente, als er unsere Brüder, die vom Concil zurückkehrten, segnete; und der Herr zeigte ihnen, wie er nicht nur des Tempels Schirm unseren Brüdern anvertrauen, sondern auch wahrhaft alte Mysterien und göttliche Gnadengeschenke durch seine Diener ins Heiligthum einführen wolle.

Das geschah aber in der Nacht vom Feste aller Heiligen aufs Fest Aller Seelen. Denn da sie früh schon alles bereitgemacht hatten um ihre Reise fortzusetzen, fanden sie im Innern der Höhle sieben andere Männer, mit langen Kleidern, wallendem Barte und Haupthaar und ehrwürdigen Anschens; deren Anblick



Отчет о командировке в Буда-Люшево на строительство домиков. С 11 по 25 октября 1986г.

I. Введение

С командировки я. И вот,
Как и положено по штату,
Командировочный отчёт
Я твоему представлю взгляду.
Жена! Мой главный командир
И друг мой добрый, неизменный,
Читай, смотри и вглубь, и вширь,
Где жил избранник твой бессменный.

Стихами кое-что скажу,
В них правду с вымыслом свяжу.

Где был свидетелем, где нет,
Пойди проверь. Не близкий свет.

Но ближе к делу. Прочитай,
И если можно — утверждай.

II. Шашлыки

Футбол предложен осторожно,
Но Миша мудрый дал совет:
— В футбол играть… оно-то… можно.
Да дорогой входной билет.

Быть может лучше до реки,
Где изготовим шашлыки,
Где воздух чист. Где комары,
До самой утренней зари.

Где женский смех, улыбки, речи,
Где может быть одна из них
Мне осторожненько на плечи
Положит руки… Чудный миг!

— А может даже…
И молчок.
Пусть мыслям каждый даст толчок.

Домыслит всё, что может быть
В шашлычный вечер над рекою.
Моё, мол, дело — предложить.
А вам — решать, между собою…

240 נפש יהודה

У всех аж слюнки потекли.
Всё так доходчиво и ясно.
Как мы придумать не могли,
Что на природу — так прекрасно!

И завопили мужики:
— На шашлыки, на шашлыки!!!

Король шашлычный, ясно, Вася.
Факир. Кудесник. Виртуоз.
Для нас крутился и старался,
Чем он растрогал всех до слёз.

Дрова шатром сложив привычно,
Поджёг немедля. Самолично.

Потом, не тратить время чтоб,
Достал баранины — с полпуда,
Слегка почесывая лоб,
Извлечь стараясь мысль оттуда.

А мысль одна. Её нет ближе:
— Отменно сделать шашлыки!
Пусть каждый пальчики оближет.
Пусть проглотят все языки.

Для кулинара то блаженство.
Заслуг признанье совершенства.

В том благодарность и почёт …
А время, знай себе, течёт.

Огонь, сияя, пел счастливо.
Журчала рядом речка Случь.
Угли ворочались лениво.
Исчез последний солнца луч

За горизонт, и темнота
Хозяйкой стала до утра…

Тем часом Вася колдовал
Над шашлыками с аппетитом.
Душистой травкой посыпал,
Ворча беззлобно, не сердито:
Что медлишь, мол. Быстрей изволь
Подать мне мясо, лук и соль.

Ах, вы!.. (А дальше — сверхперчённо),
Заснули, что ли, чёрт возьми.
На что вас держат только жёны?
Угли готовы? Посмотри!

И все стараются отменно
(Большое дело — интерес!),
Шашлычным запахом мгновенно
Заполнив близлежащий лес.

Тут женский наступил черёд.
Вначале, ясно — сервировка.
Приятный круг земных забот
Исполнен быстро, со сноровкой.

Роль Люды, Нины, Лены в том!
Зачтётся может то потом?

Что ж, поживём и поглядим,
Как благодарны будут к ним…

И вот к столу, так, для порядка
Бутылок ровно два десятка

Подали с вкусным лимонадом.
К мясным, что ж, блюдам, это надо.

Вниманья девушкам немало
Мужское братство проявляло.

Вокруг крутились «мотылями»,
Как будто взять стремились в плен,
Гордясь престижными ролями,
Что каждый — рыцарь, джентльмен.

А как на самом деле будет?
Нас только времечко рассудит.

Один из них — йог настоящий.
Он на бревне сидел горящем,

Себя слегка подогревая,
Как будто что-то затевая.

Не знаю что. Но может быть
Домой хотел их проводить.

III. Танцы

И были танцы. Загляденье.
И духовой играл оркестр.
На это чудное виденье
Сбегались все — из дальних мест.

Как в Буда-Люшево, когда-то.
(То было, правда, давновато.)

Всё те же Майкины замашки —
В голубо-беленькой тельняшке

Своими танцами сводила
Тогда с ума всех. Это ж было!

Всё те же Светкины привычки,
Хранить чтоб сердце от отмычки,

Кто не по нраву ей. От тех,
Кого не выделишь из всех.

Всё те же Танькины успехи
Среди парней. Не для потехи

Их завлекает много дней,
А чтоб узнать: кто с них милей.

Всё те же… можно б продолжать,
Да только всё не описать.

ПОСЛАНИЕ В XXI ВЕК (ТЕПЛОТРАССА, БЕРЕСТЯНСКАЯ, 16)

Потомки! Это вы прочтёте
Лет через сорок-пятьдесят.
И, может статься, снизойдёте
На наше время бросить взгляд.

Как мерзко нам и зябко было,
Когда вгрызались в землю мы.
Как в наших венах кровь застыла
В дни ожидания зимы.

А всё случилось так нежданно:
Октябрь хозяйничал вокруг.
И первый снег небесной манной
Нас причастить решился вдруг.

Пусть не послал мороз метели
(Зимы суровой верный страж),
Но пальцы так окоченели —
В руках не держат карандаш.

И зуб на зуб не попадает —
Дрожь пробирает всех до слёз.
Тепло, как день осенний, тает.
И класс компьютерный промёрз.

Но вот, когда тепло включили,
Одна труба и дала течь…
Все диким матом завопили!
— Теплом, директор, обеспечь!

На что Аскирова Светлана.
Директор нашего «ВОТЭК»
В ответ:
— Молчите! Плакать рано!
Я тоже, может, человек.

И мёрзну… но как вы не ною.
Не хнычу, это ни к чему.
Свой план спасательный раскрою
Я, перво-наперво тому,

Кто больше всех шумел, беснуясь,
И возрождал здесь анархизм.
Пойдет копать, мне повинуясь.
Такой мой, братцы, плюрализм.

У виноватых взгляд бесовский.
Но что поделаешь, приказ:
Бегун, Кувалдин, Асмоловский
И Шуман сникли в тот же час.

Полувиновным скидка была,
Кто рот открыть был не готов.
Судьба, понятно, пощадила.
И Михайловский, Поляков

Лишь день с лопатой походили.
А остальные. Боже мой!
Их обстоятельства ломили,
И лился дождь на них рекой.

В траншее мокрые, как черти,
Землю́ долбили много дней.
Хотите верьте иль не верьте,
Но искры сыпались с очей.

Но трубы вскрыли. Проржавели.
За предыдущих сорок лет.
Что с ними делать? В самом деле.
— Менять! — Короткий был ответ.

Заданье: Выполнить всё за́ ночь.
Пришлось работать с ветерком.
Жаль сварщик наш, Иван Иваныч,
Как гегемон, был под хмельком.

Не потому ли всё случилось…
Последний был заварен стык.
Мученье вроде прекратилось,
Но с-под плиты раздался крик.

Глухой такой и непонятный,
Деревья так шумят порой.
Но вновь звучит команда внятно:
— Братва, пора кончать. Отбой!

Сей окрик, будто кто по шее
Накостылял. И от того
Землей засыпали траншею,
Не досчитавшись одного.

А вдруг уснул он там бедняжка,
Прикрыли вдруг его плитой?
С кем не случается промашка?
А вдруг он там ещё живой?

Но прочь развеяны сомненья.
Директор грозно:
— Брось искать!
Я не скрываю своё мненье.
Кого-то надо сокращать.

Чем меньше — лучше. Это ж ясно!
На том был кончен разговор.
И вот цветы растут прекрасно
На теплотрассе с этих пор.

Забудем мы, как трассу рыли.
Как был потерян инженер.
Да! Времена такие были.
Не верит кто — поди, проверь.

21 октября 1992г.

Дед Мороз в Отделе кадров

Задумал как-то Дед Мороз пенсионные дела оформить. Пошёл в отдел кадров учреждения «Время вперёд» некоторые вопросы уточнить.

А там говорят:

— Погляди, дед, на стенку.

— Смотрю, — отвечает и видит: висит там знакомый график работы, не простой, а сетевой. А там все дела текущего года на бумаге отображены: что делать, кому и когда. В общем, всё по науке.

— Так вот, — говорят, — условие такое: ты, дед, все дела 1971 года завершаешь, а мы тебе пенсионное удостоверение.

— Само собой, — отвечает дед.

— Подумай, дело, — самоуверенно утешил себя дед на обратном пути, заламывая пальцы: подарки подготовлены и мешки заказаны. Раз. Вьюги исправно по ночам воют. Два. Сетевые графики на объекты 1972 года… Стой, стой. Как я этот вопрос упустил? Уже декабрь, а я даже проверки не сделал, как строители и монтажники подготовлены к работам 1972 года.

Сказано, сделано. Почесал дед ветерком бороду и с лозунгом: «Доверяй, но и проверяй», в путь отправился. А по пути в своё досье заглянул, а там приказ обнаружил по Минпромстрою и Минмонтажспецстрою БССР за номером 447/261 от 30 сентября 1971 года, где и сказано о необходимости разработать силами управления сетевые графики на программу работ 1972 года. И период разработки указан: октябрь-декабрь текущего года.

Воодушевился Дед Мороз: приказ — это уже полдела. Но для полной уверенности на этом не остановился, и закружил декабрьской метелью. Закружил и над городом Бобруйском опустился.

— Вот тут,— думает,— где строится крупнейший шинный комбинат без сетевых графиков не обойтись. Просмотрю вот проделанную работу в управлениях, утешусь, к пенсии спокойно готовиться стану.

Монтажное управление треста «Химмонтаж» встретило его приветливо, локальные сетевые графики вниманию предложило и на столе расстелило. Смотри, мол, дед.

— Хорошо, — удовлетворённо пожал руку Дед Мороз главному инженеру Тажуну Э. Г., — желаю приятной и скорой увязки графиков со строителями.

В управлениях треста «Белэлектромонтаж» и треста «Белсантехмонтаж-1» надежда Деда Мороза на пенсию не пошатнулась. Готовность подготовительных работ и здесь оказалась высокая.

Не заметил Дед Мороз как на радостях в Трест номер 13 попал. Идёт по коридорам треста, умиляется, обновлённые вывески почитывает. Вот «Отдел инженерной подготовки и планирования», функция которого — организация и контроль за разработкой сетевых графиков в управлениях треста. А вот «Оперативно-производственный отдел». Знай себе, вопросами внедрения сетевых графиков занимайся.

— Как делишки, братишки? Сетевые графики на строительную работу небось разработали, ждёте, не дождётесь увязки расчёта оптимизации с монтажниками, которые, кстати, уже готовы к этому?

— Ты, дед, — говорят,— выпил видимо. Вон какой нос красный. О каких это графиках толкуешь?

— О них, родимых, сетевых, — отвечает дед, а сам думает: Вот шутники-юмористы. Как будто два месяца назад приказ с Минпромстроя БССР не получали.

— Ей-ей, нет, в глаза не видели.

— Не может быть.

Зашёл дед в приёмную треста, входящие документы просмотрел. Но только время потерял, а приказ не нашёл.

— Фью, — присвистнул расстроенный Дед Мороз.

— Пенсионные дела мои, как пить дать, горят. А так как дед не был эгоистом-одиночкой, который только о своём благополучии печётся, тут же, заодно и Новому, 1972 году посочувствовал. Как шинный комбинат возводить станешь? Как продукцию первой очереди через год получишь? Организация ведь работ совсем ещё не продумана, не рассчитана, сетевыми графиками не подкреплена.

— А может, — докапывается дед до истины, — у вас не знакомы с методами сетевого планирования?

Дедова мысль была прочитана досрочно, а посему он услышал такой авторитетный ответ:

— Сетевое планирование года 3-4 назад, кажется, изучали. Но это этап пройденный.

— Обойденный стороной, — про себя дед добавляет, а сам дальше слушает:

— Мы сейчас автоматизированные системы управления строительством изучаем. Программа — 34 часа. Во!

— Это дело хорошее, но знаете ли вы, — наступает Дед Мороз, — что система АСУС невозможна без базирования её на основе сетевого планирования? Вы же дом без фундамента строите.

— Можно, дед, — когда перед высшей инстанцией отчитываться надо о том, как в ногу со временем шагаем. А в доказательства ему сетевой график на этот год по машинному комбинату кладут: полюбуйся, мол, как действуем.

— Батюшки, — взмолился дед, — Век живу, а таких графиков не видел. Как умудрились такой огромный объект на одном листе изобразить? Да чтобы работы на 200 дней каждая была и никакой тебе детализации по отделениям да видам работ. Это же не сетевой график, а скорее липовый. Какая польза от него?

— Огромная, — подмигнули в тресте. Мы отчитались, что сетевые есть, а это основное.

— А-а, понятно, — догадался дед, и тут же полюбопытствовал:

— А кто же автор, простите, этого опуса?

— Трест «Оргтехстрой» нашего министерства, — стыдливо признались деду, — Они нам в этих делах помощники.

Увидели в тресте, как дед тут же валидол глотнул, сжалились, предложили:

— А может в наших управлениях без нас инициативу проявили и сетевые графики разрабатывают?

— Едем, — обреченно, но с надеждой согласился дед.

Через полчаса в СУ-174 были. С начальником отдела инженерной подготовки и планирования разговаривали, с надеждой на неё поглядывали. А она на мысли деда готовые ответы:

— Нам не до сетевых. А что, это наша обязанность? Ну и что? Мне начальство не велело этим заниматься. В общем, прощай, дед, приятного тебе пенсионного отдыха.

В СУ-82 монолог главного инженера Мошнина И.Н. был краток:

— Приказ не видели, не читали. Работу не начинали.

— Но на объекты этого года графики видимо были? Значит, и на 1972 были они? — ставит дед наводящие вопросы.

— Были на 2 объекта и достаточно. И вообще, чего, дед, привязался? Отрываешь от работы. Нам модель плана сформировать надо.

— В нарушение приказа, не на основе сетевых?

— А что? Нам трест так велит.

Тут всё ясно. Может в СУ-135 повезёт? Зашел к главному инженеру Мазину С.Р. и за сердце схватился, чтобы оно от удовольствия не выпрыгнуло.

Вся стена в плакатах из серии «Сетевое планирование» и даже на объекты очистных сооружений, строящихся в этом году, ко всему с нанесённой информацией полугодовой давности. Это уже утешало. А разговор с главным инженером ещё больше усилил благоприятные прогнозы.

— О разработке сетевых графиков месяц назад мы приказ издали по управлению.

— Порядочек, — потирает руки дед. А спохватившись, спрашивает, — Значит, локальные сетевые графики есть?

— Ну, нет. Зачем так быстро? Правда, по приказу должны быть уже подготовлены. Вот летит время, даже проконтролировать свой же приказ не успели.

— Плохи дела, — рассуждает Дед Мороз, отчего сел, философствовать начал:

— Приказ по двум министерствам есть?

— Есть!

— К 15 декабря разработка сетевых графиков должна быть закончена?

— Да.

Надо уже согласование сетевых графиков ввести, а до этого далеко. Уж очень много строители от монтажников в этом деле отстали. Хорошо ещё, что Трест номер 13 спохватился и 9 декабря приказ по тресту издал по разработке сетевых графиков. Лёд тронулся, но поздновато, по правде сказать. Вот тебе и поговорка: «Готовь сани до начала зимы, а сетевые графики до начала года».

— С чего бы это? — докапывался дед до истины, — Вот готовят мероприятия по шинному комбинату. Сроки выполнения работ берут интуитивные, на ощупь. Тоже с моделями плана, тоже с совмещёнными графиками по сантехническим

управлениям, которые монтажный трест требует. Никакой логики, никакого научного подхода.

— Абракадабра сплошная, — заключил Дед Мороз, исчезая за снежным горизонтом.

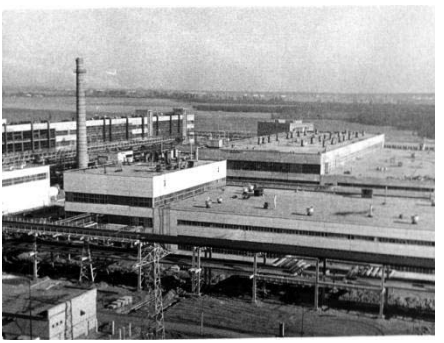
И последнее, что ещё пришло за краткую фельетонную жизнь в философскую голову выдуманному персонажу Деду Морозу, это слова Пушкина: «Сказка ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок». Задумайтесь над положением дел, нелюбители сетевого планирования. Дед дедом, а время не тормозите, всем нам в 1972 год шагать надо. Подготовленными.

Главный специалист института Белоргмонтажспецстрой Н. Шуман

****

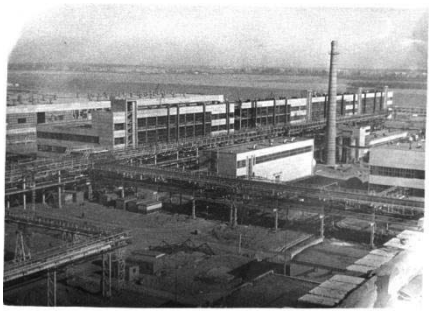
Быть может кто под Новый Год
И ждёт, чтоб Дед Мороз
Ключи ему от райворот
На блюдечке принёс?

И в кущи райские впустил,
Любви, где сладок мёд,
Чтоб он, конечно, там вкусил
Её запретный плод?



Но мы, признаться, не из тех…
Мы манных благ не ждём,
Но коль захочется утех,
Их сами и найдём.

Каких и где? О том сейчас
Поведать есть резон,
Поскольку знаем: Делу час,
А шутке — весь сезон.



Шутить, оно совсем не грех.
Скорей наоборот.
Там, где веселье, шутки, смех,
Там только жизнь идёт.

Хороший принцип. По нему
Давно отдел живёт.
И соответственно тому,
Встречает Новый Год.

Собралась девушек толпа.
Иль женщин. Как сказать?
И говорят:
— Любовь слепа
И надо погадать.

А как? В народе то давно
Известно с давних пор.
Гаданье, всё-таки, оно,
Судьбы как приговор…

Берёшь прелестный башмачок
(конечно, фирмы — «Луч»),
С ноги снимаешь и бросок,
Не выше, только, туч.

О, да! Всего через забор.
Кто бросил, тот и ждёт.
И всё внимание и взор
Тому, кто подберёт.

И тот, его кто подобрал,
Тот суженный и есть.
Таков гаданья ритуал
И просим то учесть.

Он тут же с туфелькою к ней:
— Ну, вот и я. Привет.
Тебя искал, мол, много дней
И даже, много лет.

И, так, бросали час и два,
А результатов нет.
И слёзы, те уже едва
Не брызжут на весь свет.

Стоят босые. Ни туфлей,
Ни суженых. Беда!
Мужчинам нужен Гименей
Коль нет в них чувств, стыда.

Не Гименей, начальник вдруг,
Откуда взялся он?
Прервав гадание подруг,
Поставил всё на кон.

Неужто кто-то настучал?..
Начальник строг на вид:
— Ну, как вы смели? проворчал, —
Да это ж, дефицит!

Башмак бросает только псих.
Коль смог купить — носи!
Забыли, что ли, что босых
Немало на Руси.

У женщин слёзы на глазах:
— Ах, мы-то простаки.
— Вот то-то. Разве второпях
Бросают башмаки?

Вмиг подберут, и будь здоров.
В лаптях ходи тогда…
Да прекратите, бабы, рёв!
Есть выходы всегда.

Я не ругаю, а журю.
Для вас я — меценат.
Советов дельных надаю,
Как всякий аппарат.

А ворожите хоть всю ночь.
А как? Сейчас скажу.
И я, признаться бы, не прочь,
Но не могу, служу.

То, что скажу, совсем не вздор.
Сюда свой нежный взгляд:
Вот перед вами есть забор,
Дощечек тонких ряд.

Задача ваша их объять,
Побольше чтоб за раз —
И мужиков такую рать
Пошлёт судьба для вас.

И для мужчин такой же смысл:
Побольше женщин чтоб.
И в этом есть большая мысль,
Но зря не хмурьте лоб.

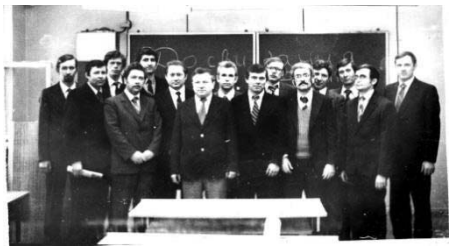
Одна же суженая? Ха!
Смешно и говорить…
Ведь сколько кур у петуха?
Должно вас столько быть!

А сколько трутней у пчелы?
(Кто их когда считал?
Ленивых пусть, зато не злых…)
Но я бы так сказал:

Природа — матушка, умна.
В ней всё, как «мае быть».
Предусмотрела всё она,
Чтоб нам послаще жить.

Мы друг без друга, как пустяк,
Как вдох, как всхлип в ночи.
А если вместе? Это ж как?
Об этом умолчим.

Недостаёт мужчинам вас,
Для вас — наоборот.
Ну что же? Мир такой сейчас,
Такой людской наш род.



Все загалдели:
— Хорошо.
Аж искры счастья с глаз.
Всё то, что сказано, свежо.
Исполним Ваш наказ.

Мужчин побольше если нам,
Мы расцветём тогда.
Для нас они, ну, как бальзам!
Причём во все года.

— Как вам, гулёнам, объяснить:
О многих вам долбил
Не для того, чтоб с ними жить,
А чтобы конкурс был.

Об этом я хотел сказать:
Альтернативу дай!
Когда их в самом деле рать,
Из многих выбирай.

И вздох тяжёлый, скорбный вздох:
— А мы-то о другом…
Тот вариант совсем не плох,
Как жаль, что он на слом.

Шёл разговор таким путём…
Одна вдруг:
— Девки — весть!
Мы эти правила учтём,
Но исключенья ж есть!

Вот так, а может и не так
Встречаем Новый Год.
Пусть счастья он не на пятак —
На рубль всем принесёт.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Внимание!
Не проходите мимо.
Даём советы
Бесплатно и зримо.
Со скидкой
Для членов профсоюза
И грибо- рыбо-
Ягодного союза.

Местный совет даёт консультации
Любой ориентации:
1. Как может каждый
Без услуг стадиона
Сдать «нормы» однажды
И стать чемпионом.

2. В каком магазине
И из какой бочки,
Не бывши разиней,
Закупишь грибочков.

3. Как готовить варенья
И консервированные продукты
Из прошлогодних, непроданных,
Сухофруктов.

… Довольно, хватит,
Грустных сонетов.
Ведь сыт не будешь
Одним советом.

Выезды надо,
Выходы тоже,
Быть может местком
Это сделать поможет?

К. П. 29.08.1974г.

Выполнение оргтехмероприятий…

О, сколько надежд связано с их разработкой!
И каждый пункт прямо в цель:
«Необходимо создать положение о производственных группах, срочно, в апреле…»
«А в августе отделы номер 1,3,5,6,7,8».

Заколебались: «А может…»
«Остановитесь, не продолжайте.
Лучше разработайте!»
Другой пункт лиричнее, поэтичнее, эстетичнее:
«М/комитету создать в апреле эстетический совет института…»
— Мол, пусть красота оформления
Поднимет нам всем настроение!
… Но вскоре закрались сомнения
(Теряем, как видно, терпение):
«Мы слишком предвзятого мнения,
Преждевременно ждём выполнения…»

И не случайно:
Ох… те… мероприятия…
— Вздыхает долго тот,
Кто после их принятия,
Их снова развернёт.

И вмиг тому откроется
Один простой секрет:
Успех там не построится,
Где дисциплины нет!

По нашему понятию
Причина тут в одном:
— Оргтехмероприятия
Заброшены давно…

К. П. 29.08.1974г.

ОБ ЭСТАФЕТНОЙ ПАЛОЧКЕ — НЕ ВЫРУЧАЛОЧКЕ

Отделу пятому опять,
Страдать приходится, страдать…

Макаров, был такой любитель,
Попал зимою в вытрезвитель.
Ущерб от пьянки той немалый,
Он оценён был в 10 баллов.
(Но перед этим сам Макаров
«Принёс» статьей десяток баллов).

Макаров строго был наказан,
Урок для пьющих неплохой.
И мненье было, что ни разу
Не повторится этот «сбой».

Зима с весною миновали,
В отделе пятом не страдали…

Статья в журнале появилась,
(Писал Светильников её)
Надежда в каждом затеплилась:
Мы наверстать должны своё.

Кто б мог подумать что опять.
Отделу пятому страдать…

Как сообщает Вытрезвитель,
Их навестил наш посетитель.
То был Светильников В. К.
Достигший в «пьянке» потолка…

Поставим точку мы на этом,
Напомнив всем, кто много пьёт,
Что за такую эстафету
Никто пощады пусть не ждёт!

К. П.

Невеселые ситуации на политинформации

Сон глубокий, необычный.
Спят они совсем привычно.

Кто? — Светильников, Личко.
Ну, а рядом, под бочком:
Разговоры, пересуды —
С кем кто был, когда, зачем,
Избежал кто как простуды,
Заболел кто, как и чем.
Что давали в магазине,
Что видали на витрине,
Что купили, а что нет,
Кто вкусней сварил обед.

… Как обычно на досуге,
Когда кумушки-подруги
Обсуждают все дела
Как жила, кого ждала…,
Позабыв, что день рабочий,
Позабыв, что между прочим.
С дисциплиной дружбы нет…
Ждём поэтому ответ!

А какой? Мы ясность вносим:
— Просим, очень даже просим
Вас, отделы пять и шесть
Нашу «Молнию» прочесть,
И на собственном собраньи
Не стесняться порицанья
Для любителей болтать …,
Потому что нам не надо
Петь вам эти серенады.
Ну а вам, вам очень надо
Дисциплину уважать!

РЕДАКТОРСКАЯ СЕРЕНАДА «ВНЕМЛИТЕ НАШИМ СЛЕЗАМ» У «ОКОН» ОБЩЕСТВЕННОСТИ

По секрету скажем вам,
Что печать стенную
Подготовить трудно нам
Очень боевую.

Нет заметок, как на грех.
Без заметок — худо.
Мы вас слёзно спросим всех:
Пусть заметки будут.

Нам пишите обо всём:
О друзьях, работе…
В номер следующий ждём.
Вы ж не подведёте?

РУКОВОДИТЕЛЯМ ОТДЕЛОВ! — ДИСЦИПЛИНА — ВАШЕ ДЕЛО!

Нет силы, кажется, такой
(Союзницы вниманья).
Чтоб дать хороший, зримый бой
Любителям болтанья.

Они засели в уголок
В «глуши» под кульманами.
И что им то, что зал умолк,
Что лектор в зале с нами.

Они собою увлеклись,
Болтают без стесненья.
А лектор, что ж, держись, крепись,
Не требуй уваженья.

Знакома притча всем в окрест,
Как «Васька слушает, да ест».
И мы порою смотрим так:
— В них совесть есть, хоть на пятак?

Но кто они, хотелось знать,
Чтоб думать, что же предпринять?
Кашкан и Бродская вдвоём
Разговорились под окном.

А с ними Берман, тут как тут.
И спор уже втроём ведут.

И Бабич шуткой-прибауткой
К ним подключилась на минутку.

Минутка длилась этот раз,
Поверьте нам, почти что час.

Примкнула к ним и Шустерман
Ей тоже дар «болтанья» дан.

Михайлов Лев Степаныч к ним
Остался может быть глухим?

Не тут-то было. Не смолчал!
… Он «пересуды» сам начал.

И Комлякова — профгруппорг
Ведёт словесный долго торг.

А через кульман, с ними в ряд
Картина та же. Брось лишь взгляд.

Там Гайс улыбкою своей
Кому-то делал веселей.

Смешно и Крутикову тоже:
Как Шавель, лектор, только может?

А Шаровар? Он как всегда …
Молчать ему — беда, беда.

А говорить — бальзам, бальзам.
Ему плевать, как слушать вам.

Спросить хотим, до коих пор
Вести нам этот разговор?

К/П. М/К. 15 января 1973г.

СВИНСКИЕ КУПЛЕТЫ. ПОСВЯЩАЕТСЯ Н. ШУМАНУ

I

Хрю-хрю! Узнал ли ты своих,
Так не похожих на других?
Узнал! На том тебе спасибо
(Навечно нас сдружила рыба).

Решили мы писать ответ
На «свинский» от тебя привет.
Его читаем, как молитву,
Пред тем, как нам открыть поллитру.

Вот только жаль, что рыбки нету
В довесок к твоему привету.
Но вместо рыбки — каламбуры
(Они не портят нам фигуры).

II

Давно до дела нет нам дела,
И всё порядком надоело.
Ждём не дождёмся «як тады» —
— Пить самогон замест воды.

И вспоминать, как пахнет рыбка,
Какая свинская улыбка
Играет на лице твоём,
Когда мы вместе водку пьём.

Всего мы поняли тебя,
Вдоль-поперёк, от А до Я.
Наказ «хоть изредка хмелеть»
Исполним мы теперь и впредь.

Скороговорка для разминки
Нам не нужна — мы лучше спинку
От рыбки дружно погрызём
И быстро водочкой запьём.
Затем еще разок впохмел
— Уж видно наш такой удел.

Ведь наш отдел оперативный,
И дух у нас у всех «спортивный»
ОПО — такое сочетанье!
Как жаль, что это лишь названье.

Но если ШУМАН не забудет
И заезжать к нам часто будет,
То верим, ОИПиП родится
Таким, что будем мы гордиться.

И также верим, рыбка будет,
(Какую в магазине «удят»)
Сухая, тощая — но рыбка!
Ведь без неё не та улыбка.

Вот рифма эта привязалась
«Улыбка-рыбка» — ведь казалось,
Как далеки понятья эти,
Пока не спились мы в квартете.

Пусть мы не можем хрюкнуть вместе
Под Новый Год в любимом тресте,
Но морды свинские мы вспомним,
Когда бокалы мы наполним.

И счастья пожелаем много
И будем верить, что дорога
Нас скоро приведёт в столицу
На новоселие в светлицу!

Для КП

День обычный, день привычный,
День субботы красной.
— Как дела?
— Идут отлично!
— Настроение как?
— Прекрасно!

За день сделано немало:
Нормы вдвое перекрыты …
Пусть прекрасному началу
Двери будут все открыты!

Пусть в отделах наших будут
И в дальнейшем так трудиться,
Чтоб своим трудом повсюду
Смело мы могли гордиться.

20.04.1974г.

За шахматной доской

Какая партия игралась — уму непостижимо. Позади обоюдные восторги, огорчения, радости, расстройства. Никто не мог доказать своего приоритета на сегодняшний день. Успех был переменный. Это бесило обоих. А чтобы получилось ещё лучше, то один, то другой способствовали этому или надоедливым однотонным мотивчиком, или самоуверенной ухмылкой: «Как я тебя? А? Надо теорию почитывать. Да, да». А в особо трудную минуту, ревностно каждый высматривал ошибку другого.

— Стой, стой. Взялся — ходи, — то и дело кружилось над взвинченными шахматистами.

Скучающий зритель старался раз по разу подзадоривать их:

— Слушай, — говорил он, — офицера можно брать.

— Где? — в один голос, но разными тонами вскрикнули оба, начав глазами прощупывать доску, — не видим, — недоумённо заключили вдвоём, — Да, не сейчас. Хода через три. А-а!…

В пылу сражений даже кто-то берёт чужую фигуру и торжественно объявляет:

— Шах! — не скрывая удовольствия.

Расстроенный противник напряжённо думает, а после хватает своего короля и уходит в защиту. Наблюдатели, у кого нервы в совершенном спокойствии, замечают это, дико хохочут и ошибка вскрывается. Противники то и дело без устали напоминают друг другу: «Взялся за фигуру — ходи». Тут расчёт прост. А вот кто просмотрит. Случай вскоре предоставился, когда ладья готова была приземлиться под пешку, которая с удовольствием взяла бы её, но ошибка была замечена игроком. Противником, конечно, тоже. И он потребовал:

— Ставь, ставь ладью!

— Да что ты, — растерянно тянул игрок, — я пошутил. Что я не вижу разве?

— Я те дам шутки. Ставь её на место. Хитрец…

Эта ошибка стоила проигрыша. Но проигравший не сдавался.

— Да у тебя ни одной комбинации не было. На хапок играешь…

— Э-э. Чего не скажешь проигравши. Ну что же говори. Это помогает. Успокаивает несколько.

Всегда в жюри достойных подбери

Недавно три поэта-самоучки,
Запомнилось мне это хорошо,
Поскольку дело было в день получки.
И час обеденный не весь ещё прошёл.

Решили так: Не будет братцы худо,
Когда сейчас, почтенные, средь нас,
Объявленным открытый конкурс будет
С названьем поэтическим — «Пегас».

Избрали и жюри, единогласно.
(Солиднее в отделе не нашлось!)
Без Коли О. — прозаик, он прекрасный.
Ну и без Жени Н. не обошлось.

(Она к поэзии имеет отношенье,
Поскольку в детстве, где-то в детсаду
Сложила о любви стихотворенье.
Но больше не писала — на беду.)

Жюри за стол и на́чало без шуток:
— За перья! Марш! Быстрей, быстрей, или…
И через 20-25 минуток
Три опуса окончены были́.

И всё об осени — условия такое
Перед поэтами поставило жюри;
Арону Львовичу сказали: Неплохое!
Но к сердцу всё, пока мол, не бери.

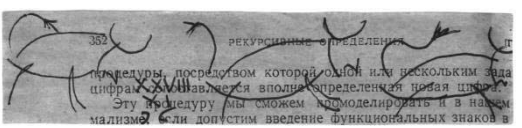
Нам и других ещё послушать надо…
Давай-ка, Коля Шуман, твой черёд.
И он прочёл, обвёв тревожным взглядом
Жюри, сказавшем под конец:
— Сойдёт…

С улыбкой сладкой Феликс приподнялся
(В своей победе он уверен был!)
Авансом он уже заулыбался,
Ведь кумушку-лису он не забыл.

И он прочёл. Блестяще. Вдохновенно.
(Соперники поникли головой,
Так как не знали дел всех потаенных,
Что в тот же … час творились за спиной.)

Жюри совсем продажным оказалось
(Всего лишь за бутылку продались.)
Подумайте вы только! Ведь за малость,
А Рывкину помочь они взялись.

Когда Арон и Коля вдохновлялись,
Пыхтели напряжённо над строкой,



Ему журнал тихонечко падали.
Спиши, мол, стих. Там есть один такой…
Конец печальным был бы. Это ясно!
Когда б в несчастье так не помогли:
Ведь Толик с Виктором и Аллой не напрасно
Честь пострадавших всё же берегли.

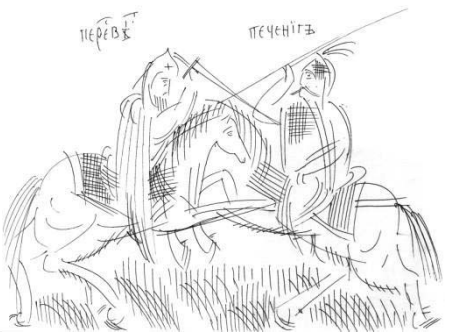
И Феликсу, как раньше ожидалось,
(Хотя разоблачён он был потом),
А место первое ведь так и не досталось…
(Приятно позлорадствовать о том.)

А Жене с Колею Орловым, в наказанье,
Был приговор: В состав жюри не брать!
Чтоб было всем в отделе в назиданье,
Что пьяницам нельзя нам доверять.

7 октября.

Поэтический конкурс

В отделе «Оргтехстроевском»,
Во граде Новополоцком,
В погоду прескверней шую,
В обеденную порушку
Заспорили работнички
О мастерстве своём.



Заспорили молодчики,
Упрямые ребятушки,
Кто лучшую былинушку
Об осени споёт.
Заспорил брат — Аронушка,
Сказитель найпрекраснейший.
Похвастался Николушка
Талантиком своим.

А Феликс «Неоргстроевский»
Из группы разработочки
Не уступал другим.

И вот друзья далёкие —
Теперь враги жестокие,
Умишком пораскинули
И начали писать.

Но долог путь сказителя,
Ужасно тяжкий труд —
А рифмы распроклятые
На память не идут.

И тут во славу личную,
в угоду дьяволиную,
Предав друзей-товарищей,
Стал Феликс «Неоргстроевский»
Стихи чужие драть.

Эх, Коля, брат-Николушка,
И ты, Арон-детинушка,
Сгубила вас доверчивость —
Подкуплено жюри!

Теперь бежать по свету вам,
Искать дрогих конфетушек,
Чтоб кушала комиссия,
Голодная, поди…

Но за обиду кровную
Жестокому обидчику
Припомним, отомстим.
И Феликса проворного
С душою низкой, чёрною
Стихами, не делами коль,
Но всё же отомстим.

Объявление. В комнате 35 пропал кофейник, просьба помочь его найти. Комната 34

Пропал кофейник. Как же быть?
Слеза течёт неотвратимо,
Такой в хозмаге не купить,
Такой найти необходимо!

О, кто найдет, кто принесёт,
Кто нас в тяжёлый час спасёт?
Кто нас сочувствием напоит?
Тому сказать спасибо стоит!

Ещё советую не медлить,
Пойти искать его сейчас.
И помнить, в комнате соседней
Всегда с надеждою ждут вас!

Пострадавшие из «тридцать пятки»
А. и М. 18.10.1981г.

Ревизорские будни

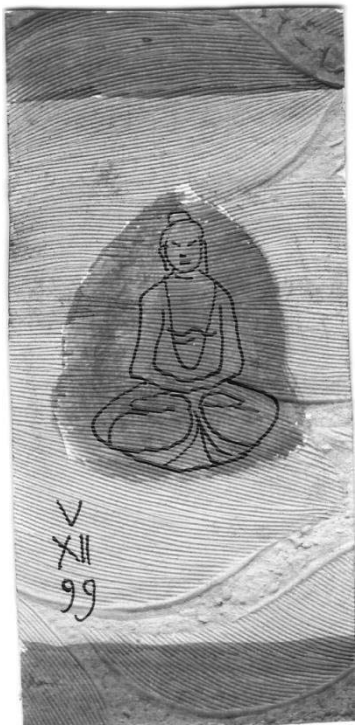
Чтоб от греха был всяк свободный,
Всяк уважать его изволь —
Пусть не советский, не народный,
Но нужен всё-таки контроль.

Крутые чтоб не по заслугам
Не жрали чёрную икру.
А ел кто с молотом и плугом…
Был для того и создан КРУ.

Что коммунисты изваяли,
Исправить то не без труда.
И потому в свой штат набрали
Специалистов, хоть куда!

Принципиальных, честных, стойких,
Каких в разведку только брать!
Чтоб перегибом Перестройки
Народу спину не сломать.

И проходимца карта бита,
Когда такие есть у нас:
Для всех трудящихся защита,
А президенту третий глаз.



Такая доля им досталась:
Искать, что спрятано давно.
В глазу соринка затерялась,
Они должны найти бревно.

На красных, белых так поделят,
Чтоб невесомости был рад.
На Горках Марьиных проверят,
А вниз летишь, как с Арарат.

Так наработают, что в пору,
За, с червоточкиною, труд,
Идти с повинной к ревизору.
Быть может явку и зачтут.

Ответим той же им монеткой,
Улыбкой той, что до ушей.
Что меж блондинкой и брюнеткой,
Он словно между двух огней.

Одна, как солнышко на пляже,
Всех от чего бросает в жар,
Когда раздеться мало даже —
В душе не гаснущий пожар.

Другая — ночь с луною спящей.
Истома в сердце оттого.
Встречаться тянет дольше, чаще.
И не частично, а всего.

Приятны и прелестны обе,
Как будто с выставки картин,
Но не от них он, жаль, в ознобе.
Проверки акт — раздора клин.

Он растерялся от волненья,
Как будто вовсе им не рад.
А в проверяющих — сомненье:
— Неужто крепко виноват?

И кто бы в честности не клялся,
Проверят так, что не поймёшь:
То ль в самом деле испугался,
То ль от другой причины в дрожь?

К примеру, женщина по нраву,
Со взгляда первого — в душе.
Пусть не имеет на то права,
Но пленник он её уже.

В глаза задумчиво заглянет:
Поддержки ищет словно в них.
Но холод встретит и завянет,
И станет робок, скромен, тих.

Ура! Закончена проверка.
Не по грехам составлен акт.
Но почему на сердце терпко,
А на душе печально так?

***

Чтобы обнять, поцеловать
И… слово доброе сказать,
Они его ведь заслужили.
Кто чем …
А чем? То надо посмотреть:
Одна улыбкой обаятельной и смелой,
Другая же своим прекрасным делом,
А третья — кое-чем ещё,
Но только то не в счёт.

Всегда мужчина уязвим.
Его за слабость мы простим.

***

Лавиной множатся печали,
Былое быстро подзабыли.
Всё, что ломается, сломали,
И всё, что можно поломали.
Но женский день мы не забыли,

Как и мужской, заметим тоже.
То оптимизм немножко множит.

Попытки, были что, не в счёт,
Не поддержал их наш народ.

***

И речь такую завела,
Стремясь быстрей поставить точку:
— Работать можно в одиночку,
Но прибыль точно чтоб была.

Бродяга

Нет пока золотого запаса,
А в карманах звенит только медь.
Не его, у кого бабок масса,
А меня бы кому пожалеть.

Только некому, вот незадача…
А проблемы повесили все.
И поэтому, как же иначе!
Я, как белка, кручусь в колесе.

Ни словечка, ни пол комплимента.
Под коньяк, разве только язык
Повернётся, дождавшись момента,
Сквозь слова, от которых отвык.

Из предвыборной речи Жириновского В. В. по радио маяк 14.12. 95 г.: «… Неужели они (Партия «Женщины России») думают, что половой орган может быть стабилизирующим фактором в России?»

Фактор

Ах, Вовка Жириновский! Как сглупил ты,
Чтоб ниже пояса удар так нанести.
Как будто с президентом весь день пил ты,
Чтоб речь такую вдруг произнести.
Вот коммунисты, те не лыком шиты.

Их секретарь, психолог женских душ,
Смекнул, что конкурента карты биты
И взялся сам уверенно за гуж.

Он понял то, что орган — важный фактор.
Сосредоточие и следствий и причин.
Он, словно термоядерный реактор
С энергией для тысячи мужчин.

Ведь женщины все — тонкие натуры.
И их многообразнейший удел:
Не только с мужиками шуры-муры,
Они и для других пригодны дел.

Всегда и всем считаться надо с фактом,
Что женщинам подвластны чудеса:
Отдать мужчинам самый важный фактор,
А, заодно, в причуду голоса.

Что ж, в том Зюганов разбирался с честью.
Он понял, что успешен результат,
Когда все органы у всех на нужном месте —
У женщин и мужчин всегда…
(По выбору: сидят, лежат, стоят).

А мне б глаза сказали с чудной синью,
Полными и страсти, и огня:
— Не стабилизируйте Россию,
А стабилизируйте меня …

По мотивам посещения Шушкевичем С.С. МАЗа 03.03.1993 г.

Когда живётся людям хуже
И бед когда невпроворот,
Спешат, идут привычно, тут же,
Руководители в народ.
Совет держать, как говорится,
Пообещать и предложить.
Негоже от людей таиться,
Которым надобно служить.

То перестроечная мода,
От Горбачёва что идёт…
И вот пришёл слуга народа
На Минский наш автозавод.

В цехах не стал держать он речи,
Станки где бешено гремят.
Дворец культуры, недалече,
Был потому всех принять рад.

Собрался мигом люд рабочий,
Пришли Шушкевича встречать.
Послушать чтоб и, между прочим,
Чтоб и вопросы задавать.

Всё внешне так, как в дни застоя:
Объявлен будто бы аврал.
С аплодисментами и стоя
Его, как прежде, зал встречал.

Приехал барин. Он рассудит.
Народ давно к тому привык.
Надежду может вновь разбудит
Немножко бывший большевик.

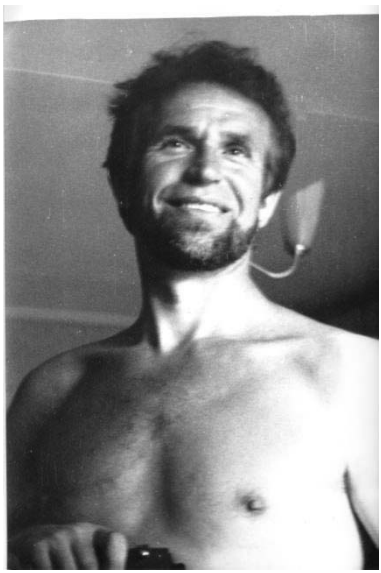
Был разговор тот не короткий
И не простой, как всё теперь.
Но вдруг вопрос с тревожной ноткой
Ему задал пенсионер.

— О, наш великий, мудрый, славный,
Достопочтеннейший спадар,
Вопрос о пенсии нам. Главный!
Она ж для нас, как Божий дар.

Но, к сожаленью, маловата:
Четыре тысячи рублёў.
Одежда, пища и квартплата
Её съедают, будь здоров!

Без денег что? На полку зубы.
И без одёжек — срамота.
Так помоги ж, спадар наш любый,
Чтоб миновала нас беда.

— Няможа быць! Вы не зманілі?
… Шукаць патрэбна тут выйсцё.
Вы ж крышку болей зарабілі
За ваша брыдкае жыццё.



Вось у мяне амаль што дваццаць,
Альбо і болей тыщаў тых,
А жонка лезе ўсё ж спрачацца —
Каленкай быццам бы пад дых.

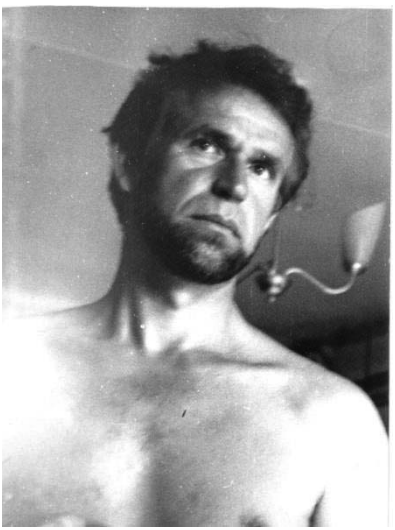
Маўляў, што цэны ёй ў пячонках.
Глядзі: узняліся да нябёс.
Яшчэ трындычыць мая жонка:
— Ты ж мала «зайчыкаў» прынёс.

І мне, як бачыце, нялёгка.
Такі аднолькавы наш лёс.
Трывайцесь. Будзе тым нялёгка,
Хто ў Беларусі жыў і рос.

Вось да мяне вы ўсе з укорам:
Свабоды быццам вам няма.
Маўляў навокал толькі гора,
Адна бязбрэжная турма.

Я з вамі тут не пагаджуся.
Дарэмна нас на ўсе лады…
Для вас і любай Беларусі
Мы робім вельмі шмат заўжды.

І я худзею разам з вамі,
Ўсяго, што зробіш, недахоп.
Вось я, хаця таўсцеў гадамі,
Танюткім стаў, як быццам клоп.



Жыць кепска нам таксама стала,
Але ж не трэба вешаць нос.
Ўсяго заўсёды жонкам мала.
Такі ўжо наш мужчынскі лёс.

Мы паслядоўны ў мэтах былі,
То ратавала нас не раз.
На волю цэны адпусцілі,
Праз год, другі — адпусцім вас.

Вас не ганьбую, грамадзяне,
Ахвяры дзён мінулых вы.
На жаль, вы сёння не ў пашане,
Хай кожны з вас ужо сівы.

Давайце думаць памяркоўна, —
Шушкевич тут же палец в лоб, —
Падняць заробак? Вам усяроўна
Ён не паможа. Выжыць што б…

И был рецепт рабочим МАЗа
Подарен им в один момент.
По пессимистам вроде вмазал
Вдруг наш условный президент.

Взгляд снисходительный поправил,
Смахнул сочувствия слезу:
— Грашыма справу не паправім,
Лепш завядзіце вы казу.

Зрабіла так мая бабуля,
Шаснаццаць рублікаў калі
Далі ёй пенсіі. Рагулю —
Казу тады мы завялі.

І зажылі амаль шчасліва,
Не так, як сёння, Бог не дай!
З казой жадаю вам імкліва
Кірмашнай сцежкаю і ў рай.

Няма ўсяго і вы ў адчаі
Без хлеба, мяса і т.д. …
Вам вельмі кепска. Спачуваю.
Затое ў нас ёсць С.Н.Д.

Без С.Н.Д. мы б ваявалі,
Як Югаславія цяпер…
Мы ж Перамогу атрымалі
Там, у Віскулях, над СССР.

І вось мы вольна і шчасліва
Ў сваёй хаціне зажылі.
Вы ж — несумленныя на дзіва
Пытанні мне тут задалі.

Не все с ним явно согласились.
То там, то тут зал всё шумел:
Мол мы до бездны докатились!…
И предлагал всяк, что умел.

— За век ад іх начулісь музык, —
Прошамкал вдруг беззубый дед.
— Не Штасік надо нам, а Юзік,
Уйці нам каб ад гэткіх бед.

Пор-рядок был и дишчиплина,
Да и пошчи без воровства,
Жачем правители, што глина,
Ни твердошти, ни ожорства.

Штальной Иосиф снова нужен… —
Дед речи так подвел итог.
— Ну, скажешь, дед! Тебя бы в лужу
За мысль шальную. За порог! —

Соседка вовсе не шутила:
— Ты сам, видать, был крут и лют —
Я в то прошедшее пожила …
Тирана нам не надо тут.

— Вы не правы́. Без Перестройки
В том бы болоте и жили…
Но Горбачёв, жаль, был нестойкий,
Да и путчисты подвели.

— Пусть будет рынок. Но не дикий, —
Продолжил парень разговор, —
Но, к сожалению, великий,
На болтовню опять упор …

Что мы к истории имеем?
Её плодами каждый сыт.
За хлебом — словно к Мавзолею,
Покойный Ленин где лежит.

Шушкевич видимо не слышал,
Что предлагал зал, как шумел,
Но если он на люди вышел,
То, значит, к ним совет имел.

Ну что ж. Лиха́ беда начала.
Был заразителен пример.
Иметь козу, чтоб выжить, мало, —
Уже советовал премьер.

Сказал — отрезал:
— Верьте слову.
Поскольку трудно вам пока,
То заведите вы корову,
Но, Бога ради, не быка.

В последний раз и мне поверьте,
В мой умный, как всегда, совет:
С быка совсем немного шерсти,
А молока и вовсе нет.
Что вам сказать? Я рангом ниже!
И не Шушкевич пусть я, но…
Тут у меня (И я не рыжий!)
Есть предложение одно.

Свиней иметь не предложили.
Народ гадает:
— Почему?
Или, по во́зрасту, забыли,
Диета ли́ виной тому.

Свинью в квартиру бы не худо.
Пусть не французские духи
От них исхо́дят. Но повсюду
Висели бы́ колбас круги.

Когда они на сковородке,
А в рюмке, рядышком, сто грамм,
Ответ, как зимний день, короткий:
Они нужны, конечно, нам.

Но свиньи дело не простое.
Спешить иметь их — глупый знак.
Свинью правительство родное
Не раз подложит вам за так.

Сук под собой охотно рубим,
Мол, свиноводству нет и нет!
Как будто мы совсем не любим
Созвездье жареных котлет.

Как быть с советами такими?
Ведь не напрасно говорят,
Что намереньями благими,
Дорожка вымощена в ад.

Пенсионерский люд вестимо
В раздумьях непростых притих:
— А может лучше завести им
Руководителей других?

ТОСТ ЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПРИГОДНОСТЬ ЖЕНЩИН. О БОЛЬШИХ И… МАЛЕНЬКИХ

Женщин создал, как известно, Бог,
Рассудив при этом очень просто:
— Будут пусть (чтоб выбрать каждый мог)
Маленького и… большóго роста.

Растерялись только мужики,
На какой из них остановиться?
Ставки беспредельно высоки,
Если всё к тому, чтобы влюбиться.

И взмолились:
— Боже, помоги!
Объясни, в чём разница меж ними…
Их слова, как на воде круги,
Были осязаемы и зримы:

— Выбор сделать чтобы свой смогли,
Поясню, с вас снявши часть заботы,
Маленькие, это для любви,
А большие — только для работы.

Но утешил:
— Только не беда
Тем, кто выбор сделал свой свободный,
Ведь работа кончится когда,
И большие для любви пригодны!

ЖЕНЩИНА, ВЕСНА И ЧЕРТОВЩИНА

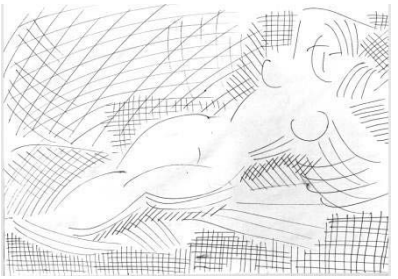
I

Была весна. Начало пробужденья.
Подснежники готовились цвести.
Природа оживала и с волненьем
Зиме сказала радостно:
— Прости.

Прости! С тобою надобно расстаться.
Весна не ждёт. Теперь её черёд.
И кто с весной желает повстречаться,
Слов истину тогда моих поймёт.

Упряма, своенравна и красива,
Преображает всё она вокруг.
Перечить ей, морскому что приливу…
Вернётся всё на изначальный круг.

История, весной что начиналась,
Поведает сегодня нам о том,
Как девушка однажды повстречалась
С молоденьким, неопытным чертом.



II

Всё это приключилось перед сном.
За горизонтом солнце опустилось
И сумерки вползали в каждый дом,
А ночь, как кошка, тихо притаилась.
Но девушка одна, и тем влеком
Чертёнок, тут как тут, скажи на милость.

— Чертовски мне с тобой не повезло, —
Сказал чертёнок, смачно чертыхаясь, —
Зачем дорожкой ведьминой несло
Тебе навстречу? В том чертовски каюсь.
Признаюсь даже, я тому не рад,
Что ты, как привиденье, повстречалась.
Теперь нам путь — кривой дорожкой в ад,
Пусть ты, когда-то, в детстве, причащалась.

Твои в чём прегрешения? О том
Тебе напомню, если ты забыла:
Знакомилась зачем ты? А потом
Ему безбожно, дьявольски грубила.

Не вспоминать неделями могла.
Да, грех велик! И в том ты виновата.
Святые чувства что не берегла,
А потому пришла к тебе расплата.

Ещё тебе напомню в этот час,
Свои как обещанья нарушала,
Хотя зайти, писать, звонить не раз,
Неистово крестясь, ты обещала.

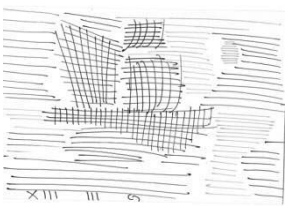
Да, список прегрешений твой немал.
(Ты жить по-божески, похоже, не умела.)
Не будь в обиде. Судный день настал.
Чертовское, конечно, это дело.

Да что поделать? Надо ж отвечать
Тебе, раздора яблоко вкусившей.
А мне судьба таких, как ты встречать,
Чтоб оградить тебя от жизни бывшей.

… Пришли. Врата не смазанно скрипят
И племя чёртово отплясывает бойко.
Горит костер. Сплошной вселенский ад
И царство душ заблудших. Да и только.

— К нам новенькая! — Крякнул главный бес, —
К тому же погляди: Ещё какая!
Красавица и только, к нам с небес
Подарком чудным от земного рая.

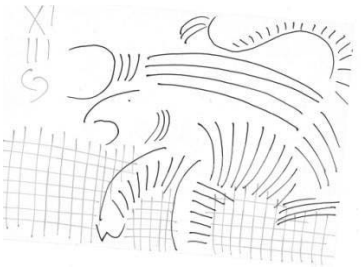
Забудь, что было. Здесь совсем не то.
Огонь, смола, котлы, да сковородки.
Грехи и покаяния. Про что
Тебе расскажут черти — одногодки.



Обслужим превосходно. Экстра-класс.
Глянь: грешники великие чечётку
Выплясывают лихо каждый раз,
Дровишки только брось под сковородку.

— Сама я разберусь, что здесь к чему, —
Сказала, как отрезала девчина, —
Прошу учесть: терпенью моему
Предел бывает. Есть тому причина.

Порядок нужен. Встать! Подъем! Аврал!
Дошли до ручки. Нету на вас Бога…
И сатанински смех её звучал
Под сводами бесовского чертога.



И черти всполошились:
— По весне,
Ну, разве можно женщине перечить?
Пусть даже в свете нет её грешней —
Смиреньем можно только ей ответить.

Котлы и сковородки до бела
Надраены. И то уже полдела.
Чертёныша совсем с ума свела
Вздохнувшего:
— Ну, как же ты посмела?

Предчувствие имею: Жизнь мою,
Пусть и бесовскую, теперь переиначишь.
Всего страшнее проживать в раю,
Как чёрт, в котором ничего не значишь.

Порядок в преисподней навела.
Что тут поделать! Властная девица.
И черти, все оставивши дела,
Крестом трехпало начали креститься.

— Оставь в покое! Бесова душа.
Ты что изводишь нас своим порядком?
Потом добавил, жалобно дрожа:
— Ты — женщина! Но с дьявольскою хваткой.

Чертёнок же отчаянно рукой
Махнул, решившись вдруг, без проволочек.
И слово «Ад» он смыл святой водой,
Вписавши вместо: «Райский уголочек».

— О, женщина! Ты чудо из чудес!
Всегда преобразующая сила…
Ещё, пожалуй, не рождался бес,
Которого бы ты не приручила.

ОГОРЧИЛСЯ (ИЛИ ГОРЬКАЯ ПОТЕРЯ)

Огорчил любимые глаза…
Невзначай всё это получилось.
И дождём всплакнули небеса,
Знать непоправимое случилось.

О такой ли участи мечтал?
Ниточкой ведь связаны единой.
Почему же он не замечал,
Что она была такой ранимой?

Роковым был видно этот час
С еле укротимою ошибкой.
Только солнца лучик вдруг погас
И исчезла милая улыбка.

Не дано судьбу нам предсказать.
Знать всё то, что с нами вдруг случится.
Многое готов был он отдать,
Время чтоб могло остановиться.

Видно слово было невпопад,
Как ручью случайная запруда.
Возвратить былое был бы рад,
Только голос слышен с ниоткуда:

— Брось слепую веру в чудеса.
Грусть теперь и друг твой и попутчик.
Не гляди с тоской на небеса,
Больше не увидишь солнца лучик.
И смириться лучше бы тому.
Только он с отчаяньем:
— Не верю!
Не поможет тут никто ему,
Чтоб вернуть бесценную потерю.

Но надежда… Что поделать с ней?
Почему ж его безбожно мучит

Ожиданием грядущих светлых дней
С солнышком — улыбкою сквозь тучи?..

Зима

I

Все ушли мечты
В даль безбрежную.
Увела их ты
В зиму снежную.

Лучшим качеством
Посчитавши вновь:
Пусть предательство,
Только б не любовь.

Всё не вяжется,
В чём-то разошлись.
Даже кажется
Странной эта жизнь.

Как вода течёт,
Не воротится.
Мне б пожить ещё,
Да не хочется.

II

Кто-то в донышке
Жизни мается…
Где-то солнышко
Улыбается…

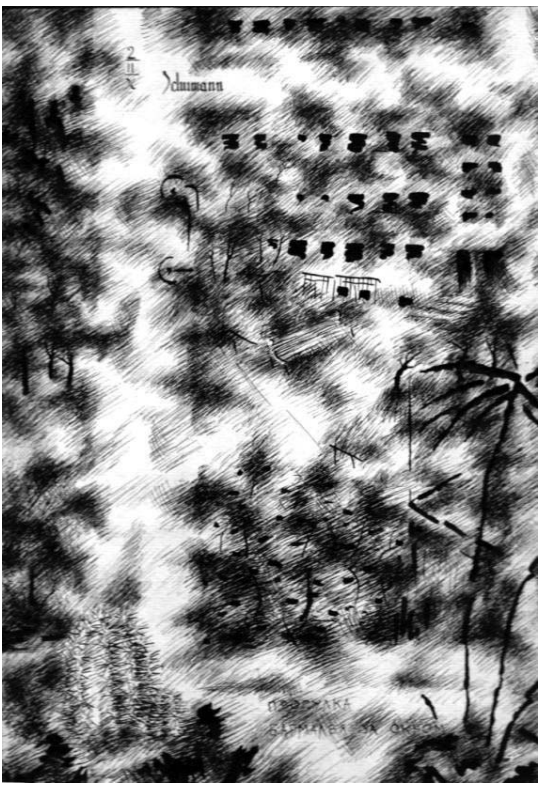
Томик Пушкина

Конечно, Пушкин был проказник,
Слова ж отменно подбирал.
Великой славы соучастник —
У муз снискал больших похвал.

И потому останется живой,
Хотя ему уж 200 миновало,
Родился под печальною звездой,
Что грусть в поэзию вплетала.

Любовь — то состояние души,
Которое нам не дано измерить.
И ждут сердца благословенья
Для продолжения любви,
Чтобы нам в доброе поверить.

Я отрываю календарный лист,
Февральский день уже в окно стучится.
Был путь к нему и долог и тернист.
Но томик Пушкина помог забыться.



Предметный и именной указатель

Александр Блок, 14
Александр Пушкин, 205, 239, 240
Алиска, 106, 107
Амур, 116
Анатолий, 13, 14, 15, 30, 31
ангел, 188
Андрей, 68, 70, 71, 72, 73, 74, 76, 78, 81, 82, 83, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99, 100, 102, 104, 167
аскеты, 141
бабочка, 38
бессердечность, 113, 146
блондинка, 224
Бог, 53, 64, 75, 116, 120, 124, 137, 146, 149, 154, 155, 157, 162, 172, 192, 199, 228, 230, 232, 234, 237
боль, 18, 19, 54, 109, 177
бремя, 148, 158
брюнетка, 224
Буда-Люшево, 173, 193, 194, 197
будущее, 13, 59, 114, 117, 125
букет, 21
былое, 36, 53, 238
Бытие, 4
Валентин, 123, 124, 126, 127, 128
вдвоём, 36, 66, 67, 73, 93, 98, 112, 149, 159, 215
вдохновенье, 112, 121
венок, 65
весна, 34, 49, 53, 59, 121, 122, 123, 128, 149, 158, 167, 234, 235, 237
вечер, 22, 46, 124, 133, 147, 175, 188, 195
вечность, 107, 113
взгляд, 26, 35, 42, 46, 58, 61, 64, 117, 124, 190, 198, 199, 208, 215
виденье, 113
воздух, 30, 39, 177, 194
волны, 35, 45, 100
волосы, 19, 108, 111
вопросы, 13, 42, 59, 74, 159, 201, 204, 228
ворожба, 44
воскресенье, 166
воспоминание, 108
воспоминанья, 59, 123
восход солнца, 32
время, 14, 17, 18, 29, 57, 73, 85, 91, 92, 110, 112, 133, 148, 158, 166, 195, 198, 202, 204, 205
Вселенная, 20, 39, 43, 113, 159
встреча, 16, 17, 36, 37, 44, 45, 48, 49, 54, 74, 114, 115, 118, 139, 141, 143, 157
встречи, 21, 49, 148
Гименей, 207
глаза, 20, 21, 29, 31, 35, 43, 44, 45, 47, 58, 62, 63, 64, 88, 95, 97,

104, 112, 114, 123, 127, 202, 209, 223, 225, 227, 238
год, 15, 82, 109, 117, 118, 141, 149, 176, 202, 203, 205, 230
годы, 59, 113, 127
голоса, 31, 47, 97, 181, 227
голубоглазая, 62, 63
горизонт, 30, 196
грех, 75, 89, 109, 126, 135, 161, 206, 214, 235
гроза, 61
грудь, 49
грусть, 60, 108, 128, 240
губы, 19, 29, 49, 112, 143
девушка, 13, 23, 235
девушки, 33
девчонка, 59
Дед Мороз, 117, 201, 202, 203, 204, 205
день, 31, 49, 54, 68, 72, 86, 87, 102, 104, 118, 120, 122, 123, 125, 126, 128, 139, 141, 143, 145, 165, 184, 185, 191, 198, 199, 213, 218, 219, 225, 226, 233, 236, 240
дети, 75, 81, 96, 98, 99, 118, 183
детство, 61
дождь, 25, 49, 114, 199
дороги, 34
дочка, 66, 78, 101
дочь, 98
друг, 11, 12, 35, 48, 52, 82, 86, 87, 113, 117, 128, 154, 164, 194, 238
дружба, 46
друзья, 11, 18, 19, 45, 48, 58, 81, 96, 122, 133, 163, 222
дух, 189, 217
душа, 18, 19, 43, 45, 47, 49, 54, 63, 64, 109, 110, 111, 114, 115, 116, 118, 122, 123, 124, 125, 126, 129, 136, 141, 143, 146, 147, 157, 159, 166, 177, 189, 224, 225, 237, 240
дым, 30, 37, 126, 129, 176, 177, 180
желания, 145
женщина, 31, 32, 58, 77, 122, 123, 150, 225, 237
женщины, 32, 105, 120, 137, 140, 141, 154, 160, 161, 180, 187, 193, 206, 207, 208, 227, 234
жёны, 196
жизнь, 14, 17, 21, 28, 34, 37, 38, 42, 46, 48, 62, 108, 111, 125, 136, 178, 184, 205, 206, 239
журавль, 114
загадка, 108, 111, 112, 127, 128
заря, 122, 143
звезда, 139
звёздочка, 38, 43, 44, 123
звёзды, 23, 147
зима, 38, 64, 113, 117, 119, 121, 198, 204, 239
зло, 54, 90, 109, 174
идея, 49
Имена, 4, 57
индеец, 82
йог, 166, 197
истина, 11, 18, 28, 126, 141, 145, 202, 204, 235
история, 52
Исход, 4
капель, 59, 121
Климовичи, 135
книги, 47
командировка, 133, 134, 186, 194
комары, 167, 168, 169, 194
котёнок, 39
красота, 38
круговорот, 59, 125
лев, 82, 83, 85, 173

Лев Толстой, 99, 104
Левит, 4
лёд, 39
лес, 58, 82, 84, 90, 119, 196
лето, 26, 35, 37, 49, 54, 60, 113, 118, 121
лирика, 46
Литобъединение, 11, 15
Логойск, 137, 138
луг, 34, 37
луна, 142, 143, 147, 224
лучик, 128, 238
лучики, 64, 119, 145
любовь, 11, 19, 22, 26, 33, 42, 46, 47, 53, 115, 124, 125, 126, 127, 140, 141, 145, 220, 234, 239, 240
Людмила, 67, 68, 69, 73, 78, 81, 82, 87, 88, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 101, 102, 104, 167
малыш, 57, 58
мама, 66, 70, 71, 73, 78, 84, 87, 98, 99, 100, 101, 102
Марьина Горка, 224
мгновенья, 54
мечта, 20, 27, 29, 35, 36, 39, 42, 44, 46, 60, 62, 67, 100, 113, 117, 118, 119, 147, 173, 239
мимозы, 121
Минск, 72, 74, 76, 137, 171, 172, 192
мир, 19, 42, 45, 47, 48, 124, 136, 150, 151, 178
мираж, 65
Млечный Путь, 113, 159
мольба, 63
море, 20, 106
мороз, 38, 72, 99, 198
музыка, 47, 48
мысль, 13, 16, 28, 30, 37, 46, 48, 66, 108, 109, 110, 137, 158, 195, 202, 208, 231
надежда, 35, 62, 75, 113, 117, 123, 124, 127, 129, 145, 151, 158, 202, 203, 238
назначение, 37
наказанье, 36, 221
наставления, 43
Начало, 4, 11, 234
начало дня, 32
небеса, 97, 236, 238
небо, 23, 37, 57, 63, 103, 108, 147, 152
небосвод, 108, 158
незабудка, 53, 61, 62
Несвиж, 152
несчастье, 18, 221
Николай, 67, 69, 73, 101, 104, 117, 118, 119, 149, 152, 153, 154, 156, 157, 162, 165, 170, 220, 222
Нина, 67, 68, 73, 77, 99, 105, 115, 117, 118, 151, 152, 154, 155, 156, 157
Новополоцк, 221
Новый Год, 78, 117, 145, 205, 206, 209, 217
ностальгия, 36
ночь, 30, 31, 61, 72, 104, 105, 114, 115, 120, 122, 123, 125, 147, 148, 163, 178, 200, 208, 224, 235
обет, 141
облака, 42
облачко, 158
осень, 25, 26, 49
ответ, 27, 29, 37, 43, 49, 59, 63, 64, 65, 76, 79, 98, 110, 116, 119, 120, 122, 124, 128, 143, 144, 146, 152, 154, 176, 178,

188, 189, 191, 199, 202, 213, 216
Павел Коган, 16
память, 75, 83, 120, 121, 222
папа, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 85, 98, 99, 101, 102, 167
паутинка, 49
Пегас, 219
пение, 119
песня, 33, 52, 60, 127
печаль, 52, 53, 115, 120, 122, 147
письмо, 72, 125, 144, 147, 148, 165
поворот, 62, 118, 124
подснежник, 128
подснежники, 119, 234
поэзия, 11, 12, 46, 47, 240
поэт, 16, 34, 45, 48, 219
поэты, 11
признанье, 148, 195
принцип, 30, 167, 186, 187, 206
природа, 59
прогулка, 142
пророчица, 119
прошлое, 14, 27, 35, 36, 39, 42, 44, 53, 54, 59, 61, 114, 117, 148
птицы, 45, 107, 134
путь, 28, 36, 54, 57, 66, 76, 104, 138, 146, 153, 201, 222, 235, 240
работа, 47, 93, 139, 166, 234
Работа, 4, 133, 182
радость, 14, 36, 65, 106, 143, 147, 159
разговор, 47, 48, 52, 72, 127, 142, 148, 200, 204, 209, 216, 228, 232
рай, 62, 136, 160, 230, 236
рассвет, 32, 53, 60, 63, 81, 142, 143
расставанье, 127
река, 52, 62, 63, 76, 83, 94, 95, 106, 137, 192, 199
родник, 129
ромашка, 29, 59, 61
ромашки, 136
ручейки, 38
свидание, 140, 149
свиданье, 113, 114, 141, 145, 148
Сергей Есенин, 15
сердца, 16, 20, 35, 42, 52, 60, 130, 148, 177, 189, 240
сердце, 21, 22, 23, 26, 31, 34, 36, 53, 54, 61, 63, 65, 98, 101, 107, 109, 117, 120, 122, 139, 141, 146, 148, 149, 162, 177, 183, 197, 204, 220, 224, 225
серенада, 125, 127
синица, 114
сказка, 42, 53, 64, 66, 81, 117, 128, 183
слова, 14, 15, 16, 20, 23, 26, 27, 28, 30, 32, 33, 36, 44, 45, 46, 52, 60, 62, 65, 72, 79, 107, 109, 114, 123, 127, 130, 139, 140, 143, 146, 147, 148, 165, 181, 205, 226, 234
слово, 14, 46, 79, 92, 109, 140, 142, 157, 225, 237, 238
смех, 32, 61, 65, 69, 176, 194, 206, 237
смятение, 64
снега, 59, 119, 121
Снегурочка, 117
снежинка, 37, 38, 39, 42
совет, 22, 65, 76, 146, 179, 194, 210, 211, 232
солнце, 16, 20, 31, 32, 35, 38, 49, 54, 57, 62, 64, 119, 128, 145, 196, 235, 238
солнышко, 43, 59, 63, 121, 125, 224, 239

соловей, 143
соловьи, 118, 146
сомненье, 224
стеснительность, 36
стих, 13, 14, 16, 47, 107, 221
стихи, 12, 13, 14, 15, 16, 47, 142, 143, 149
стихотворные ритмы, 42
страсть, 48
суббота, 22, 218
судьба, 29, 34, 38, 43, 44, 49, 53, 62, 63, 64, 113, 118, 124, 125, 126, 129, 145, 150, 159, 162, 181, 199, 206, 208, 236, 238
суть, 46, 120, 185
счастье, 20, 22, 26, 29, 36, 43, 48, 49, 59, 60, 62, 65, 67, 78, 100, 111, 113, 125, 126, 127, 133, 145, 209, 217
сын, 70, 71, 74, 76, 78
тело, 31, 116, 141, 167, 190
трава, 19, 30, 145
травы, 34, 45
удача, 54, 116
улыбка, 27, 43, 60, 112, 128, 216, 217, 238
улыбки, 20, 44, 69, 127, 194
уста, 141
усталость, 19
утро, 31, 32, 52, 72, 97, 125, 143, 196
фантазия, 142, 171
фраза, 46
хоровод, 109
царь, 83, 85
цветок, 14, 35, 65
цветы, 14, 19, 20, 21, 34, 37, 47, 49, 53, 60, 64, 121, 122, 123, 126, 147, 184, 200
часы, 30, 48, 61
человечность, 22
Чернобыль, 171
чёрт, 31, 137, 146, 155, 164, 166, 168, 176, 190, 196
чертёнок, 235
черти, 43, 100, 165, 199, 236, 237
чувства, 33, 39, 42, 45, 52, 109, 110, 111, 121, 125, 127, 129, 143, 147, 235
чудеса, 53, 81, 227, 238
чудо, 146
Шуман, 73, 74, 105, 199, 205, 220
юность, 48

Литературно-художественное издание

Шуман Николай Максимович

Между прошлым, что не повторится

Ответственный за выпуск: Роман Цимберов
Стильредактор: Андрей Шуман
Обложка, иллюстрации: Андрей Шуман
Верстка книги: Андрей Шуман

Подписано в печать 23.06.2024. Формат 60х90/16
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 99 экз. Заказ 1370

Издатель Роман Михайлович Цимберов
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
Производителя, распространителя печатных изданий
№ 1/530 от 30.05.2018.
Пр-т. Рокосовского, д. 85, кв. 47, 220085, г. Минск
E-mail: romantsimberov@gmail.com
Viber: +375297555041

Полиграфическое исполнение
Производственное дочернее унитарное предприятие
«Типография Федерации профсоюзов Беларуси».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
No2/18 от 26.11.2013.
Пл. Свободы, 23-103, 220030, г. Минск.